

СТОЛИЩА

№39 (149) 1993г



Александр РУЦКОЙ:
Приглашаем к столу
обновлённого Союза!

ПРИГЛАШЕНИЕ В МИР BMW



Пять причин, почему Вам стоит обратиться к нам:

1. Мы являемся единственным официальным представителем BMW в Москве.

2. Вам предоставляется возможность проехать за рулем последних моделей BMW.

Вы получите исчерпывающую информацию о всех модификациях BMW.

Гарантируется европейское качество обслуживания при покупке.

3. Вы приобретаете автомобиль по заводской цене из Германии. Ваш BMW будет изготовлен с учетом всех Ваших пожеланий.

4. Только у нас Вы получаете гарантии фирмы-производителя.

5. Если у Вас уже есть BMW, мы приглашаем Вас воспользоваться услугами нашего автосервиса.



Гевика Автосервис ГмбХ
115201, Москва, ул. Котляковская, 3А
Тел./факс (095) 113-38-48, 113-78-03



С УДОВОЛЬСТВИЕМ ЗА РУЛЕМ.

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ПЕРЕВОРОТЫ

Сюжеты новейшей истории

Анатолий МЕДВЕДЕНКО

В конце августа в Лиме, перуанской столице, было подписано торгово-экономическое соглашение между Перу и Германией. Событие в общем-то рядовое, но оно неожиданно привлекло к себе внимание журналистов. Точнее, дало возможность поговорить о подзабытом уже «перуанском феномене». И, как оказалось, неспроста.

Напомню, что 5 апреля прошлого года президент этой латиноамериканской страны Альберто Фухимори распустил конгресс, приостановил действие конституции и взял на себя всю полноту власти. Он разогнал кабинет министров, сформировал «чрезвычайное правительство национального возрождения». Был арестован ряд политических деятелей, введена цензура печати.

Как объяснял глава государства в телеобращении к стране, к столь решительным и, надо сказать, неожиданным даже в условиях Латинской Америки, где к силовым методам политической борьбы привыкли, мерам он был вынужден прибегнуть с целью «покончить с прогнившим порядком, мешающим осуществлению подлинной демократии». «Мы пошли на это, — убеждал он соотечественников, — чтобы разрушить псевдодемократический фасад, за которым скрываются политиканство, коррупция, некомпетентность, приведшие к экономическому краху, анархии, насилию и терроризму».

Под «псевдодемократическим фасадом» президент имел в виду систему существовавших в то время в стране законодательной и судебной властей, прежде всего состав пар-

ламента и Верховного суда, с которыми находился в непримиримой конфронтации.

Отношение к радикальным действиям Фухимори, которые назвали «государственным переворотом в законе», было неоднозначным. Если подавляющее большинство перуанцев — вооруженные силы, предприниматели, банковские круги, профсоюзы — поддержали своего президента, то «зарубежье» отнеслось к его демаршу резко отрицательно. Эту реакцию наиболее открыто выразил госсекретарь США Дж.Бейкер. «Акции, предпринятые Фухимори, — заявил он, — не имеют никакого оправдания. Они представляют собой наступление на демократию и не будут поддержаны США. Поэтому мы приостанавливаем всю новую помощь правительству Перу и будем придерживаться такой позиции до тех пор, пока в этой стране не будет восстановлена демократия». Примеру Вашингтона последовали Канада, Германия, Мексика. Заморозил кредиты Перу Международный банк реконструкции и развития. Отложила подписание ряда торгово-экономических соглашений Англия. Резко осудила А.Фухимори Организация американских государств, чуть ли не призвав страны континента к политическому бойкоту Перу.

Однако по мере развития событий, постепенно эти и другие страны отказывались от объявленных санкций и возвращались к нормальным отношениям с Перу, несмотря на то, что там до сих пор не восстановлена демократия в полном объеме, как того требовал Дж.Бейкер. Последней в этом ряду оказалась Германия. Характерно, что незадолго до подписания упомянутого выше соглашения в Перу побывала делегация германского бундестага, которая пришла к выводу, что «страна находится на демократическом пути развития», и сообщила о намерении рекомендовать высшему законодательному органу Германии нормализовать торгово-экономические отношения с Лимой.

Как отмечало в своем комментарии

испанское агентство ЭФЭ, смена гнева на милость объясняется тем, что Фухимори, по всей видимости, был «прощен», а точнее, вчерашние оппоненты убедились в правильности или, во всяком случае, необходимости предпринятых им шагов и в его демократизме.

Эта оценка переключается и с заявлением самого Альберта Фухимори, сделанным в недавнем интервью французской «Монд». «Этот вопрос (гражданский государственный переворот), — утверждал он, — больше не стоит. Результат показал, что это было необходимо».

Однако, как вскоре выяснилось, А.Фухимори несколько поспешил с выводом. «Этот вопрос снова встал»: перуанский феномен напомнил о себе в Гватемале, правда, несколько в смягченном варианте. Выступая недавно в ходе своей поездки по провинции, президент этой центральноамериканской страны Рамиро де Леон Карпио объявил, что законодательная и судебная власти погрязли в коррупции, финансовых махинациях и нуждаются в кардинальной «чистке». В этих целях он призвал депутатов и судей, уличенных в подобном рода действиях, добровольно подать в отставку с тем, чтобы провести внеочередные досрочные выборы. В противном случае Рамиро де Леон Карпио намерен принять все необходимые меры «по освобождению учреждений законодательной и судебной властей» от коррупционеров, пообещав, что представит соответствующий план. Этот план, в частности, предусматривает проведение референдума по реформе конституции и формированию на демократической основе новых государственных структур, не зараженных «вирусами» различных злоупотреблений.

Как и следовало ожидать, против намерений президента выступил парламент. При этом он сослался на неконституционность предлагаемых действий. Так, председатель конгресса Фернандо Лобо Дубон (один из первых кандидатов на «увольнение»)

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

В.Оскоцкий:

Память зачастую сильнее воли. Поэтому, заглядывая в мирное будущее Нагорно-Карабахской Республики, разумнее всего думать загады не о том, как заново сселить людей «единым человеческим общежитием», а как развести их, прожившись на целительное время.

8



И.Хакамада:

С одной стороны, в России велико влияние сил «патриотической» ориентации, которые используют лозунги, основанные на национализме, с другой — не менее сильно преклонение перед фигурами, не имеющими российских корней...

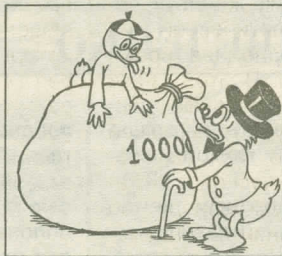
13

М.Тартаковский:

Так должна ли империя испытывать вину перед народами, возвращенными в ее лоно? И нет ли оборотной стороны, более привлекательной, у этой «тюрьмы народов»? И, наконец, правомерен ли вообще феномен ИСТОРИЧЕСКОЙ ВИНЫ?..

15

2 ЭКОНОМИКА



А.Агопов:

По данным Мюнхенского института молодежных исследований, дети Германии располагают сбережениями на общую сумму 11,5 миллиарда марок. Этого вполне бы хватило, уверяет «Постфактум», чтобы скупить, например, всю промышленность Беларуси...

20

Н.Морозов:

Как и в России, на словах в Румынии все — за реформу. Но когда нужно лезть в карман за бумажником, то протестам и возмущению нет конца. Вроде бы газеты растолковали суть рыночных преобразований, необходимость и неизбежность жертв, вроде бы все поняли и согласились, но... Неистребимо человеческое стремление въехать в рай не молясь.

22

3 ЖИЗНЬ

К.Климова:

Сюда не забредали ни Дант с Вергилием, ни посетители адских сборищ «У ЛИС'Са». Такое и произнести трудно, а не то чтобы вообразить: дискотека инвалидов. Здесь не танцуют — пляшут...

31

Н.Данилов:

Приехали на отек легких, заходим, увешанные аппаратурой, — на столе гроб, в нем аккуратно лежит виновник торжества. Только цветы еще положить не успели. Поздно приехала скорая помощь...



35

Р.Эдь:

Сейчас, гуляя по улицам Москвы, удивляешься, зачем люди едут на Таити. Кажется, что бананы повсюду. Магазины, киоски, рестораны... Похоже, что люди никогда не наедятся бананами... Когда будут решены все прочие проблемы, возникнет, возможно, следующая — сплошные банановые шкурки.

42

4 КУЛЬТУРА



Н.Гундарева:

Если бы я играла «как в жизни», удавилась бы на первом году работы в театре. Я не люблю как в жизни. Я театр люблю, потому что он выше, чем жизнь.

50

М.Поздняев:

Нам сегодня по сорок — еще не вечер, но скольких среди нас уже нет! Сладко было бы сказать: лучших — да ведь совру. Они ушли — устав от жизни, а что устоят от жизни обязательно лучшие — еще не факт.

53

А.Кторова:

После кончины своего второго мужа, Бэна Маттера, стойкого, верного члена компартии США, Красная Соля по партключке Бэна скисла... Физических сил уже не хватало на то, чтобы открывать гражданам США глаза на непонимание ими социальных аспектов жизни американского общества...

56

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 autp

Еженедельник «Столица» учрежден Моссөветом 2 июня 1990 г.
Зарегистрирован Государственным комитетом СССР по печати.
Свидетельство о регистрации № 84
Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 923-19-71, 928-83-40

По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин
Заместители главного редактора: Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский

Коммерческий директор: Юрий Бычков
Директор издательства: Борис Рабкин
Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов
Главный художник: Владимир Петров
Отдел общественно-политической жизни: Александр Касатов
Отдел экономики и науки: Елена Эрикссен
Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина
Отдел искусств: Татьяна Савицкая
Отдел международной жизни: Консуэло Сегура
Отдел оперативной информации: Кирилл Рыбак
Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан»

Номер подписан в печать 24.09.1993 г.
Тираж 92 000
Цена договорная

Над номером работали:
В.Старчевский, Н.Ударцева, Р.Катеева

© «Столица», 1993

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905г., д.7. Зак. 4352

заявил, что «законодательный и судебный институты находятся под защитой конституции и исполнительная власть не полномочна вмешиваться в их деятельность».

Поспешил объявить не имеющими законной силы любые попытки осуществить «чистку» конгресса и органов судебной власти и Конституционный трибунал Гватемалы. Единственным органом, уполномоченным выносить решения по вопросам внутренней деятельности Национального конгресса, является сам парламент, утверждается в решении трибунала. Согласно этому документу, даже в случае одобрения вопроса о «чистке» в ходе общенационального референдума только сами депутаты в «добровольном порядке» могут представить прошение об отставке. Однако и эти самоотводы, по мнению Конституционного трибунала, могут вступить в силу лишь после утверждения конгрессом.

Президент не согласился с таким решением и заявил о своей готовности идти до конца. Сейчас трудно сказать, как дальше будут развиваться события в Гватемале, но не вызывает сомнения тот факт, что налицо очередное противостояние «парламент—президент», напоминающее конфронтацию исполнительной и законодательной власти в Перу.

Сейчас столь неординарных событий (а к этому следует прибавить аналогичный конфликт, правда в силу других причин в Бразилии и Венесуэле, закончившийся на этот раз отстранением президентов от своих постов) дала некоторым комментаторам основание для вывода, что президентская форма правления, скопированная с Соединенных Штатов Америки, в условиях Латинской Америки якобы неприемлема, что конфликт «парламент—президент» неизбежен.

Думается, что это категорическое утверждение вряд ли правомерно.

Во-первых, выбор президентской формы правления всеми без исключения латиноамериканскими странами объясняется не только подражанием США и не близостью к ним (хотя о какой близости к США можно говорить в отношении Чили или Аргентины?), а особенностями их исторического развития. Общеизвестно, что еще на заре становления будущих государств континента существовала авторитарная форма правления в лице вождей индейских племен — касиков. Не случайно именно Латинской Америке присуще такое явление, как касикизм, то есть вождизм. После появления государств касики уступили

место генерал-капитанам (наместникам испанского короля, подчинившимся непосредственно Мадриду).

Во-вторых, неправомерно сравнивать политический путь развития США с тем путем, которым идут их южные соседи. Если в Соединенных Штатах он отличается относительной стабильностью и устойчивостью на протяжении двух столетий, то Латинская Америка в течение этих же двух веков была ареной политической чехарды, и только в последнее время обретает стабильность. В этой связи можно напомнить, что военные диктатуры, а их на континенте в общей сложности было около 600, не способствовали политической стабильности, а скорее закрепляли (во всяком случае, в сознании латиноамериканцев) силовые формы правления.

В-третьих, вряд ли можно подходить к Латинской Америке как к чему-то единому и целому. Это более 30 самостоятельных государств. И есть такие страны, где президентская форма правления убедительно доказала свое право на существование (хотя бы Коста-Рика, Чили или Аргентина).

В данном случае, видимо, надо говорить о другом. Многие страны (Аргентина, Бразилия, Мексика, Перу, Чили, та же Гватемала) встали на путь серьезных преобразований, прежде всего в экономической области. И реформы эти проводят правительства, возглавляемые президентами. В одних странах реформы идут успешно, в других — либо они буксуют, либо экономика реформируется с большим трудом. К первым относятся Аргентина, Мексика, Чили. Объясняется это в первую очередь тем, что исполнительная власть при осуществлении преобразований опирается на поддержку власти законодательной.

В тех же странах, где президент находится в постоянной конфронтации, испытывает сопротивление со стороны парламента, реформы либо тормозятся, либо становятся вообще невозможными. Конфронтация же объясняется тем, что устаревшие юридические нормы, разработанные в прошлом, без учета новых реалий, становятся своего рода ловушкой для исполнительной власти. Парламент же, в силу тех или иных причин, отказывается пересматривать эти нормы и тем самым неизбежно ставит президента перед дилеммой — либо отказываться от реформ, предусмотренных его предвыборной программой, и обмануть доверие избирателей, либо идти на нарушение действующей в стране конституции. Примеры Бразилии, Перу, Гватемалы — лучшее тому свидетельство.

Возможен ли выход из такой ситуации, не нарушающий существующие законы и конституцию? Тот же Альберт Фухимори, например, считает свои действия конституционными. «по духу», так как их цель — не возврат к тоталитарному обществу, не восстановление старых методов руководства, а, напротив, создание условий для укрепления демократии. Тем самым они являются как бы частью общего демократического процесса, который происходит в стране с неокрепшими государственными демократическими структурами. «Порой просто необходимо временно поступиться принципами демократии, отказаться от буквалистского следования им во имя спасения самой демократии и построения истинного демократического общества. Демократический процесс — это не учебник и не кодекс поведения, которому надо следовать во что бы то ни стало. Иногда приходится переворачивать страницу назад, повторять пройденное с тем, чтобы более уверенно двигаться вперед. Другими словами, порой возникают ситуации, когда президент, отвечая за страну, руководствуется не сиюминутными правовыми соображениями, а иными, более соответствующими данному моменту, в том числе и морального характера. И он вправе брать на себя ответственность за принимаемые решения», — утверждал Фухимори в интервью газете «Комерсио».

Видный аргентинский социолог Гильермо О'Донелл пошел дальше. Он пытается теоретически обосновать «перуанский феномен» и даже вводит новое политологическое понятие «делегируемая демократия».

Ученый утверждает, что некоторые из демократических режимов (Перу, Эквадор, Боливия, Бразилия, Сальвадор, Гватемала) лишь условно можно считать таковыми. Да, в этих странах проведены выборы, действует конституция, что дает основание утверждать, что они уже не являются тоталитарными. Но до классической западной модели демократии еще далеко. Их можно считать демократическими в том смысле, что в этих и некоторых других латиноамериканских странах только созданы условия для взаимодействия различных политических сил, многие годы находившихся либо в подполье, либо в бездействии. Они достаточно влиятельны, но лишь для того, чтобы блокировать принятие решений, не устраивающих ни одну из сторон.

В силу этих причин такой режим можно считать переходным, так как на этом этапе становления демокра-

тии имеются равные условия как для ее укрепления, так и для реставрации тоталитаризма. Чтобы не допустить последнего, подчеркивает аргентинец, на определенное время необходим своего рода арбитр. Им и может стать так называемая «делегируемая демократия». Ее «основой» является политический деятель, завоевавший большинство на президентских выборах. Отсутствие прочной институциональной системы в переходный период создает благоприятные условия для ориентации политического процесса на единоличного лидера, претендующего на выражение общенациональных интересов. При этом законодательная и исполнительная власти рассматриваются как второстепенные по отношению к власти всенародно избранного президента или политического лидера, который взял на себя делегирование демократии.

Президент, таким образом, является воплощением, главным хранителем национальных интересов, которые он как президент и обязан определить. При этом вовсе не обязательно, чтобы его деятельность в период нахождения у власти как-то соотносилась не только с конституцией, но и с его обещаниями времен предвыборной кампании. Ситуация впоследствии может измениться, что вынудит его отказаться от тех или иных обязательств. То есть, пишет ученый, ему предоставлено право управлять так, как он считает нужным. Поскольку президент — «отец нации» и должен заботиться обо всем обществе, он, вполне естественно, не может опираться на какую-то одну партию, а должен ощущать поддержку массового движения, способного преодолевать фракционность и конфликты, порождаемые партийной жизнью. Председатель христианско-демократической партии Патрисио Эйвин, избранный 14 декабря 1989 года президентом Чили, спустя три дня сложил с себя полномочия лидера и вышел из партии. Свои действия он аргументировал необходимостью представлять не только интересы христианских демократов, идеалам которых П.Эйвин, по его словам, остается верен до конца жизни, и не только интересы Объединения партий за демократию, приведшего его к власти, но и всего чилийского общества.

Аргентинский ученый, правда, выдвигает неременное условие, которое оправдывало бы существование «делегируемой демократии», — безусловная поддержка населения. Исходя из этого, он считает, что перуанский вариант как раз подходит под такое понятие. Думается, если следо-

вать принятым им критериям, то в эту категорию входит и Гватемала.

Вспомним, что всего за два месяца до конфликта Рамиро де Леона Карпио с парламентом, о чем говорилось выше, в серьезное противостояние с конституционными органами власти вступил его предшественник, президент Хорхе Серрано, который действовал более решительно. Он распустил конгресс, Верховный и Конституционный трибуналы, приостановил действие конституции. И хотя бывший глава государства оправдывал свой шаг «интересами нации», необходимостью «бороться с коррупцией среди законодателей», «улучшить функционирование государственных структур», заверял, что «лишен диктаторских замыслов» и не намерен оставаться на своем посту после 14 января 1996 года, когда истекает срок его полномочий, гватемальцы не поддержали его, усмотрев в его действиях как раз стремление восстановить тоталитарный режим. В конечном итоге широкая кампания протеста не столько за пределы страны, сколько внутри ее вынудила новоявленного «отца нации» бежать из страны в Панаму. Более того, после его бегства вскрылись серьезные факты коррупции и финансовых махинаций, допущенных бывшим президентом.

Что же касается конфликта Рамиро де Леона Карпио с парламентом, то большинство гватемальцев, включая католическую церковь, профсоюзы, ряд политических партий, армию, оказались на стороне нынешнего президента. И это несмотря на то, что Хорхе Серрано был избран на пост главы государства в ходе всеобщих выборов, а Рамиро де Леон Карпио — парламентом. Казалось бы, Серрано имел больше оснований рассчитывать на поддержку нации, однако за два с половиной года своего президентства он растерял ее. Рамиро де Леон Карпио, ранее занимавший пост прокурора по правам человека, напротив, пользуется популярностью и доверием среди гватемальцев, что и предопределило их позицию.

Теоретически «делегируемая демократия» выглядит довольно заманчиво и даже соблазнительно. Но невольно возникает ряд вопросов. Где, например, гарантия, что «отец нации» не переволнуется в свою противоположность и не станет ее злом? Кстати, в истории Латинской Америки были подобного рода прецеденты. Так, в 1946 году президентом Чили был избран представитель радикальной партии Гонсалес Видела, выступавший с демократической программой. Причем был избран при поддержке коммуни-

стов и социалистов. Характерно, что член ЦК КПЧ Пабло Неруда возглавлял его предвыборную кампанию, что в немалой степени предопределило успех Гонсалеса Виделы. Однако через год после избрания он резко изменил свои убеждения и принципы. Даже был принят «Закон о защите демократии», поставивший прогрессивные партии вне закона.

Второй вопрос: кто должен определять, как долго будет длиться режим «делегируемой демократии»? Сам «отец нации» или кто-то другой? Но ведь может случиться, что президент, или, говоря словами Гильермо О'Доннелла, «воплощение нации», так войдет в роль, что ему трудно будет отказаться от нее. Правда, в истории той же Латинской Америки были и прецеденты добровольной отставки. Например, Симон Боливар. Но, увы, далеко не все политические деятели латиноамериканского континента обладают такими моральными качествами. Да и где тот критерий, который определил бы, что режим вступил в стадию, которую можно сравнить с подлинной демократией?

Власть президента или любого другого политического лидера при «делегируемой демократии» во многом зависит от колебания общественных настроений. В переходный период вполне возможно углубление социальных, экономических и межнациональных конфликтов, что способно подорвать хрупкую систему власти и подтолкнуть ее к новому авторитаризму.

Правда, пример Перу обнадеживает. Режим «делегируемой демократии» там действует полтора года. Пока можно говорить о положительных моментах. Власти успешно ведут борьбу с основным социальным злом страны — терроризмом, унесшим за последние 12 лет более 25 тысяч жизней. Арестована практически вся верхушка экстремистской организации «Сендеро луминосо», включая и неуловимого многие годы ее лидера и идеолога Абимаэля Гусмана. Начинает выкарабкиваться из стагнации экономика: в этом году ожидается прирост ее объемов в три процента. Президент Альберто Фухимори сдержал свое слово и по политической стабилизации: проведены выборы в Демократическую конституционную ассамблею, которая закончила разработку новой конституции и закона о выборах. Ожидается, что в скором времени будет проведен плебисцит, участники которого рассмотрят Основной закон.

ВАШ ДОМ — ВАША КРЕПОСТЬ!

Фирма «СТОЛИЧНАЯ НЕДВИЖИМОСТЬ» поможет Вам решить жилищную проблему и экономически грамотно распорядиться сбережениями. Вступив в члены жилищно-строительного кооператива «СТОЛИЧНАЯ НЕДВИЖИМОСТЬ», Вы получаете реальную возможность стать владельцем квартиры в Москве или коттеджа в Подмосковье.



Наш адрес:
Москва,
пл. Революции, д. 2
(музей В.И.Ленина).

Тел.: 928-83-01, 921-43-37.

О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ И РОЛИ ПРЕССЫ В СУДЬБЕ РОССИИ

Бывший председатель Комитета по законодательству ВС России Михаил МИТЮКОВ:

— Пресса должна вести себя сдержанно, не провоцировать обострение обстановки. Не нагнетать истерию. Это может привести к столкновениям сторонников и противников новых выборов, сторонников и противников президента, избранного народом и назначенного Президиумом ВС РФ... Пресса может еще больше развить процессы двоевластия, когда будут два президента, два правительства и т.д.

Если сравнивать августовские события 1991-го с нынешним кризисом, то ясно: тогда психологический настрой москвичей был иной — они в полной мере понимали, что идут на защиту правого дела, а сегодня — увыл! Я сегодня еду в «Белый дом» в метро (президентский указ действует — машину за мной, депутатом, не прислали...) — никаких эмоций среди пассажиров об указе и прочем. Но подъезжаю к «Баррикадной» — стоят две бабушки, призывают к защите «Белого дома». Прохожие идут мимо, спрашивают: «А от кого защищать?» Те молчат...

Все же на ситуацию надо взглянуть трезво: выход здесь для обеих конфликтующих сторон один — признать необходимость новых выборов. И парламента, и президента. Если это признать за политическую аксиому — тогда есть основа для решения кризиса. И только в этом случае можно рассчитывать на компромисс с обеими сторонами.

Один из лидеров Фронта национального спасения Геннадий САЕНКО:

— Пресса прежде всего должна стоять на своих гражданских позициях. Что я имею в виду под «гражданской позицией»? Все мы любим свое Отечество. Или — не любим... Любим (или не любим) людей, которые нас взрастили,

что-то красивое в нас вложили... Любим или не любим то, что нам пытались внушить наши предки... То, что определял в свое время наш великий Карамзин: свое Отечество надо любить физически, морально и политически.

А во-вторых, хотелось бы, чтобы пресса делала это профессионально и с большой ответственностью. Поскольку очень ответственный момент совершен Ельциным, ответственнейшие решения приняли мы, депутаты, весьма ответственное дело принимаете на себя вы, пресса, сообщая населению о том, что видите, чувствуете, оцениваете...

...Кстати, я ваш журнал «Столица» не регулярно читаю. Только вижу ваши обложки, которые иногда так бьют, что аж дрожь берет. А что касается моего отношения вообще к прессе... Как я могу ответить на ваш вопрос, если сегодня, например, мне вообще не принесли в «Белый дом» никаких газет?! А дома я не был сутки...

А пристрастия к прессе у каждого человека индивидуальны. Ну, нравится мне, к примеру, как пишет Владимир Бушин, что я могу поделаться?! Стиль его нравится, мысли и так далее. Я его статьи откладываю, как на десерт...

Лидер партии «Демократический союз России» Валерия НОВОДВОРСКАЯ:

— Сегодня пресса должна делать то, что вообще должна делать: не только информировать граждан, но и стать, как учил Ленин, коллективным пропагандистом, организатором и агитатором: все должны знать, куда им идти и где собираться. А еще стать авангардом идущей сейчас в России буржуазной революции. Пресса, которая себя уважает — а в основном российская пресса именно такова: это порядочные люди — встанет по одну сторону баррикад. Я не говорю об исключениях типа «Дня» и «Советской России», да еще, может быть, «Незави-

симой» — ее горбачевская позиция очевидна, тот уже сказал, что не видит особого смысла в действиях Ельцина. Это, конечно, так. То ли дело махнуть в Форос!

Конечно, «День» и «СовРоссия» будут убеждать всех идти на Москву. Только кто пойдет-то? Те, у кого есть свинки, кустики и грядки, — нет. Придут те, у кого этого ничего нет. Так пусть себе: места на газонах у «Белого дома» хватит на всех.

Радуется только, что это даст импульс развитию российской или даже мировой психиатрии: можно просто будет ходить вокруг «Белого дома» и писать диссертации.

Зато в провинции все будет хоть и своеобразно, но спокойно: Советы будут за Руцкого, а главы администраций будут размышлять и ждать. Но недолго. Деньги-то дает Центробанк, а он контролируется правительством!

Ситуация будет «юморизироваться». Не исключено, что Руцкой начнет провозглашать себя королем Испании. На эту же должность станет претендовать и Хасбулатов.

Не стоит бояться и перемен в силовых министерствах: не для того сели в кресла Грачев, Ерин и Голушко, чтобы выскочить из них по решению советской власти. Места эти хорошо оплачиваются. А разборки с президентом они отложат на потом.

Умные, а таких в России все больше, особенно после августа 1991 года, объединятся вокруг президента. Те в правительстве, кто способен

действовать, скажем, Гайдар и Федоров, рванут строить капитализм ускоренными темпами, может быть, им теперь хоть удастся окончательно аннигилировать колхозы и остановить инфляцию. Может быть, и произойдут забастовки, но и пусть себе, урона не будет, так как зарплаты-то платить не надо.

Одним словом, непредсказуемых поворотов не предвидится: разве только какой-нибудь отчаянный батальон забредет в Москву. Но тут его давно уже ждут демократически настроенные массы, готовые лечь под первый же танк.

А если серьезно, то ведь в России всегда побеждало не количество, а закон «Кто смел, тот и съел». С этой точки зрения Ельцин впереди — он уже жует. А те, кто способен только сидеть и засесть, могут продолжать это делать. Быть может, даже такую возможность у них отнять не надо, так будет для всех спокойней.

В ближайшем зарубежье и в российских автономиях и республиках ситуация вполне предсказуема. Чечня и Звиад Гамсахурдиа уже готовы прийти на помощь Ельцину. Кравчук, например, будет ждать, ждать, а потом к-а-ак поддержит (и, наверное, опять попробует поманипулировать старыми козырями: Крымом и флотом). Татарстан, как и многие другие республики и автономии, сделает вид, что его это все вообще не касается. Зато, когда все станет ясно и Россия двинется семимильными шагами к капитализму, будет просить разрешения встать в строй.

Записали Григорий КРОШИН и Александр КАСАТОВ

22 сентября 1993 года



На проходившем в Нижнем Новгороде заседании Всероссийского ЦИК советов рабочих, крестьян, специалистов и служащих (создавшего, кстати, и «теневое» правительство) рассматривалось несколько вопросов, сама постановка которых позволяет судить, возможно если не о смене его курса, то о внесении серьезных коррективов. По крайней мере, в ходе работы ЦИКа чувствовалось, что он стоит перед принятием важных решений, которые, по замыслу, могут серьезно повлиять на обстановку в стране в ближайшие месяцы.

Первый же вопрос повестки дня (об опыте создания трастовых ассоциаций в Санкт-Петербургском морском порту) вызвал разногласия.

До сих пор вся политика Всероссийского ЦИК советов рабочих была направлена на борьбу с политикой приватизации, а на этот раз обсуждался опыт деятельности рабочих советов по акционированию.

— Мы создали ЦИК советов не для того, чтобы помогать приватизации, — напомнил В.Анпилов. — Надо рабочим брать власть, а не собственности!

Однако высказывались мнения о том, что если уже

ПРИДЕТ ЛИ В МОСКВУ МОРДОВСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ?



Рис. А. Зайцев

есть акционерные общества, то ЦИК обязан помогать рабочим. В частности, предлагалось создавать на предприятиях свои торговые точки, повесить там портреты Ленина, красное знамя поставить.

Поступило и предложение создавать предприятия и банки ЦИК. То есть от политической борьбы с нынешней властью переходить к экономической.

— Купите еще свечной заводик! — с иронией посоветовал В.Анпилов после этого

предложения.

По мнению председателя совета министров «теневого» советского правительства профессора А.Сергеева, надо быть реалистами и признать, что рабочий класс к политической стачке и к выдвиганию политических требований не готов. Впрочем, один выход, проверенный, был найден: выступивший на заседании ЦИК В.Анпилов сказал прямо:

— Как брать власть? Нужно привести в Москву фактически ополчение.

Сам он берется собрать в Москве 300 тысяч человек, еще 200 тысяч должна дать провинция.

Оказывается, группа депутатов ЦИК от Мордовии уже даже дала согласие, чтобы эта республика стала базой для формирования ополчения. В.Анпилов заявил, что готов идти в нем рядовым бойцом. Финансовую помощь В.Анпилову будто бы обещали коммунистические партии некоторых зарубежных стран, которые очень огорчены распадом СССР. На заседании ЦИК звучало, что «теневое» советское правительство не способно сейчас удержать власть. Идея же поддержки правительства национального согласия В.Анпилову тоже не нравится: оно существовало бы на принципах антикоммунизма, что неприемлемо для рабочих советов.

Создание на всех предприятиях страны советов рабочих, начиная с цехов, а потом с этой базы — всей вертикали советской власти маловероятно, зная, насколько народу надоела политика и любая власть в принципе.

Вот и остается только послать ополчение.

Валерий КИСЕЛЕВ

Один из важных показателей развития правового государства или по крайней мере движения к нему есть публичность и гласность принимаемых решений, причем еще на стадии подготовки. Одно время при Михаиле Горбачеве были даже общественные экспертизы некоторых готовящихся законов и документов. Сами участники этих экспертиз до сих пор не знают: было ли это в шутку или всерьез.

Не то теперь. Военная реформа, о которой столько говорено, оказывается, уже всерьез идет. Огромные деньги из бюджета тратятся, а насколько это все проработано, проверено, соответствует мировому опыту, российским традициям, здравому смыслу, наконец, — никто не знает.

Хотя нет, знает один человек. «Военная реформа — это я!» — так или почти так сказал как-то Павел Грачев. Это, мягко говоря, не совсем

ИЗ ТАЙНОГО — В ЯВНОЕ ПРИ ПОМОЩИ ЭКСПЕРТИЗЫ

верно. Есть люди, которые этими вопросами занимались, еще когда Павел Сергеевич командовал всего-навсего дивизией. Писали документы, дорабатывали, перерабатывали. Узкому кругу специалистов известны даже их имена, звания и должности.

Вот этот-то узкий круг и загорелся желанием известить как можно более широкий круг о том, что принимается в недрах Министерства обороны. С этой целью рядом общественных организаций, партий и движений (ассоциация «Гражданский мир», Христианско-демократическая партия, Московский либеральный клуб, движение писателей

«Апрель» и др.), средств массовой информации, научных центров (Институт социально-политических исследований РАН, Институт мировой экономики и международных отношений, Центр «Молодежь и армия») организован постоянно действующий «круглый стол» «Армия и общество». Среди целей его — экспертиза решений и проектов, связанных с военной сферой. Некоторую надежду на успех работы «круглого стола» дает участие в его деятельности представителей государственных организаций: Межведомственной комиссии по социальным вопросам военнослужащих, Ана-

литического центра Администрации президента РФ по социально-экономической политике. На первом заседании даже был наблюдатель от Минобороны — капитан 2 ранга, — хранивший гробовое молчание.

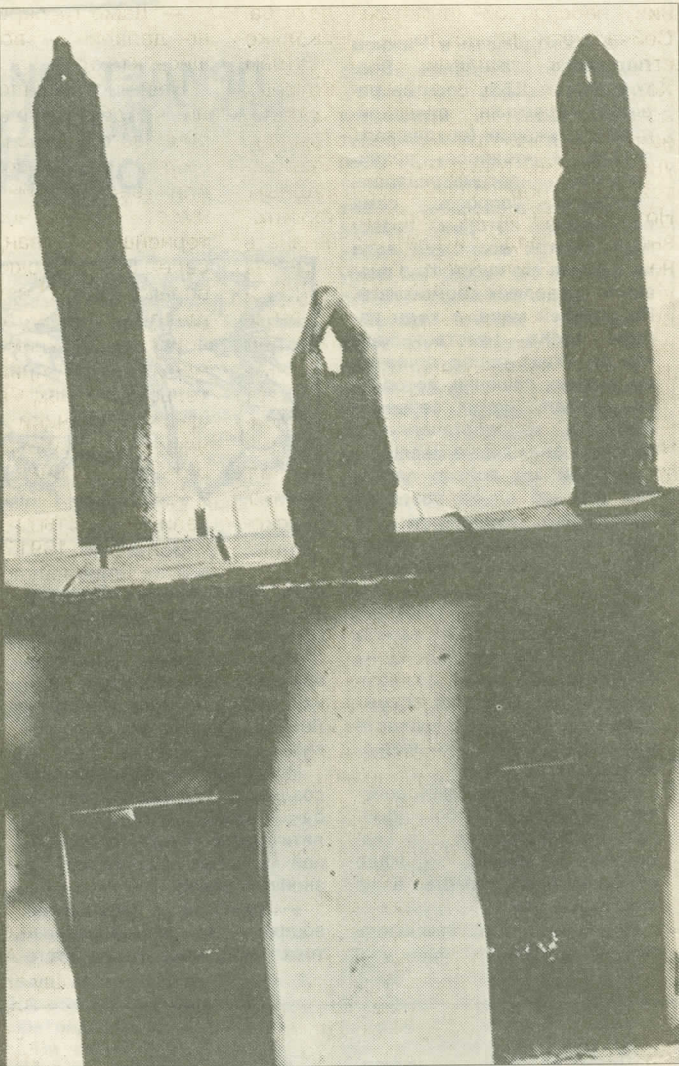
По мнению генерал-майора Владимира Дудника, председателя «круглого стола», одного из лидеров движения «Военные за демократию», такое объединение вполне способно проводить квалифицированный анализ, а кроме того, «даст голос» силам, группам и слоям общества, которых руководители военного ведомства намеренно отодвигают от себя, ибо те нервнируют министерство своим интересом к тому, как и куда будут тратиться деньги налогоплательщиков.

Александр КАСАТОВ



Валентин ОСКОЦКИЙ

КАРАБАХСКИЙ ДНЕВНИК



Пригород Степанакерта. Фото В. Ивлевой

1.

Начиная с вконец разрушенного Лачина и на протяжении всего «коридора» под вертолетом проплывают сплошь обезлюдевшие армянские села с обугленными остовами домов без крыш, продырявленными коробками стен, незрячими глазницами выбитых окон, пустыми проемами дверей. Новыми руинами встречает и Степанакерт. Полностью или частично в нем разрушено 270 домов. Но еще вопрос, каких зданий сегодня в городе больше — разрушенных или восстановленных.

Строительный кран — такая же неотъемлемая деталь городского пейзажа, как заплатки на уличных мостовых и окрестных дорогах, разбитых снарядами «Града». Проявляя изобретательность и сноровку, дома отстраивают, что называется, «на ходу» — по секциям, дабы не выселять всех жильцов сразу. Не хватает бетона, цемента, нет стек-

ла — окна затягивают пленкой.

Прошлый приезд сюда пришелся на последние дни 1991 года. Вместе с известным армянским писателем Зорайром Халафяном, карабахцем по рождению, и секретарем Союза писателей Нагорно-Карабахской Республики, преподавателем Степанакертского педагогического института, теперь уже университета, Вартаном Акопяном я ходил тогда по подвалам, где, спасаясь от каждодневных, а еще пуще каждоночных обстрелов, укрывалась едва ли не большая часть городского населения. Подвалы обитаемы и сегодня: в них остались те («Живем с крысами», — горько обронила работница швейной фабрики Розалия Бабяян), чьи квартиры разрушены прямыми попаданиями. Но и у этих семей появилась надежда вернуться к нормальной, цивилизованной жизни. На восстановление большого жилого дома, рассказывает Юрий Нерсисян, мэр Степанакерта,

энтузиазму, хватке которого город обязан размахом и темпом строительных работ, уходит 6—8 месяцев. На это время людей возможно поселить в пустующих школах, детских садах. К осени снова в полном объеме начнут действовать водопровод и канализационная система. Степанакерт — город без магазинов: при строго нормированном распределении продуктов они закрыты за ненадобностью. Однако запасы продовольствия медленно, но накапливаются. У городских властей появилась уже реальная возможность сверх месячных норм дополнительно выделять нуждающимся и особенно многодетным семьям и муку, и масло, и мясо. Среди всех дефицитов самый необходимый — сахар: от нехватки его больше всего страдают дети.

В канун 1992 года подвальный быт темного Степанакерта заставил меня въяве пережить заново ленинградскую блокаду, отложившуюся в созна-

нии неослабной памятью детства. Сейчас эти впечатления несколько сгладились, ослабли. Со взятием Ходжалы и Шуши, с высот которых азербайджанская армия обстреливала Степанакерт с расчетом на уничтожение, город не воспринимается таким, как тогда, — блокадным. Но по-прежнему остается прифронтовым. Война рядом и дает о себе знать не только военными патрулями на улицах, бесперебойной работой госпиталей, в котором довелось побывать, или отдаленным громоханием танков и бронетранспортеров. В канун нашего прилета в Степанакерт азербайджанская армия предприняла из-под Агдама, тогда еще не взятого, очередную попытку наступления. Удайся она — и танки противника, прорвавшись во фронтовой Аскеранский район, были бы в Степанакерт через пару часов.

Наступление отбили, но без потерь не обошлось. Вертолет, на котором нам предстояло лететь в Мардакертский район, срочно послали за таяждоранеными. Мы встречали их на вертолетной площадке — троих молодых парней на носилках, в трубках капельниц. Тут же видели мальчика, подорвавшегося на mine, которых полным-полно осталось вокруг на дорогах и на полях. Лицо — сплошная кровавая маска, глаза залиты кровью — удастся ли спасти зрение? И раненых, и мальчика перенесли в вертолет, летевший на Ереван. С ними же отправили психически больного, чье помешательство — тоже следствие войны: стресс после потери близких...

2.

В село Багуас Мардакертского района прилетели несколькими часами позже. Оно разрушено полностью — ни одного дома целого.

— Вон где мы жили, — показывает 75-летняя Енуш Сагиян на ближайšie к месту нашей посадки развалины — все, что осталось от просторного, в два этажа (шутка ли, 8 детей в семье!) дома на склоне горы. Строили шесть лет, а лишились в один день.

Она ведет нас на сельское кладбище: поглядите, во что обошлось разбойный захват села азербайджанцами. Не просто грабили жителей, не только издевались и измывались над ними, насильничали, но цинично глумились над тем, что свято для всех.

Любовно обихоженное кладбище разорено. Покорженные ограды, поваленные, разбитые памятники. И развороченные, выпотрошенные могилы. Гробы вытаскивали и ломали, останки выбрасывали на землю и сладострастия ради расстреливали из автоматов.

— Даже гитлеровцы в войну такого не делали! — воскликнул, ужаснувшись, кто-то.

Неверно. Бывало, что и они разоряли кладбища. Фашизм, будь он коричневого, красного или зеленого цвета, «цивилизованный» западный или «варварский» восточный, всегда имеет родовые черты. Одна из характернейших — вандализм. Чиня его в селе Вагуас, оккупанты знали, что вершат дело черное, несправедное. Культ предков, почитание покойных присущи мусульманской религии не меньше, чем христианской. Надругательством над армянским кладбищем насильники намеренно оскверняли национальные святыни — ударить, так больнее и по большему.

Где же вы, мастера культуры, писатели-гуманисты?

В начале 1991 года, когда я впервые соприкоснулся с трагедией Нагорного Карабаха, завязалась ненадолго переписка с давним — и поначалу добрым! — знакомым: председателем Союза писателей Азербайджана Анаром. Он окорял меня за необъективность, объяснял ее односторонней информированностью. И во избежание односторонности пригласил в Баку, чтобы вместе и на «законных» основаниях (прилет в тогдашнюю НКАО через Ереван он посчитал незаконным) отправиться оттуда в Степанакерт: объективная информация в таком случае будет гарантирована. Ах, Анар, Анар! Я вспомнил вашу лукавую телеграмму на кладбище в Вагуасе, на краю одной из разрытых, оскверненных могил. Что может быть объективнее того, что видишь собственными глазами?..

В сравнении с Вагуасом селу Туми Гадрутского района «повезло»: оно не было захвачено, не пережило оккупации. И как интенсивно ни обстреливалось — отделалось немногими разрушениями: спасло удобное местоположение в долине среди крутых, обрывистых гор. Но вооруженным нападениям, от которых приходилось отбиваться охотничьими ружьями, подвергалось. Прошло село и две проверки паспортного режима — палаческое изобретение Виктора Поляничко* в бытность его вторым секретарем ЦК КП Азербайджана и одновременно председателем самозванного оргкомитета по НКАО. Обе

* В связи с гибелью В.Поляничко «Правда» (24 августа 1993 г.) поместила коллективное — с двумя десятками подписей — письмо депутатов и работников Верховного Совета РФ, писателей, военных «афганцев», ученых, артистов, полагающих, будто «лицензия на убийство ... была выдана «демократическими» публицистами». Среди «писак», названных «подлинными пособниками тех, кто стрелял, кто убивал», — члены Комитета российской интеллигенции «Карабах» (КРИК) Ю.Черниченко, А.Нуйкин,

«проверки» сопровождалась безудержным произволом азербайджанского ОМОНа, вымогательствами, грабежами. Одна из многих жертв правового беспредела — Вагаршак Вкрян. Он был студентом, имел степанакертский паспорт, но с ереванской пропиской. Проверявшие омоновцы сочли его пребывание в родном селе незаконным. Предложили откупиться деньгами, а получив отказ, посадили в шушинскую тюрьму. По вызволении из заключения он стал бойцом отряда самообороны.

— Боевик... боевик! — возмущается он расхожими штампами и ярлыками противоармянской пропаганды. — Когда надо защищать народ, наши родные дома, детей, женщин, стариков — каждый становится боевиком...

Как пережили зиму? И как переживут следующую?

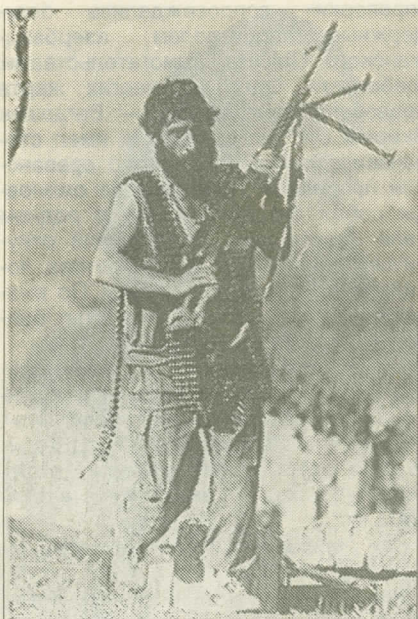
Рассказывает мать четверых детей Нина Мелкумян, в девичестве Захарченко, родом из-под Саратова. Муж, шофер по специальности, как все мужчины-односельчане, в отряде самообороны. С саратовскими родными — почта не работает! — связи никакой. Мать даже не знает, жива ли ее дочь в далеком Карабахе. Пользуясь случаем, посылает с нами весточку: жива, здорова, хотя жизнь не совсем легкой.

Особенно трудно было с зерном, а будет еще труднее. Хлебные поля от села далеко, и на территории, захваченной азербайджанцами. Скот сохранили, но кормить его нечем: лучшие пастбища тоже захвачены. Держатся огородами. Основная еда — фасоль. Для детей взамен сахара варили сироп из тутовых ягод. Но в этом году в майские заморозки со снегопадом тутовые, да и все фруктовые деревья померзли — ни ягод не будет теперь, ни фруктов.

В общем, куда ни глянь — всюду трудности. Но они не так тяжелы, если переносятся сообща, каждым по совести. А у армян есть совесть: некоренной тумичанке это виднее. Вот, к примеру, живет в селе старая азербайджанка, не пожелавшая никуда уезжать из дома, где прошла жизнь. И никакого зла ни от кого не видит, ни одного дурного слова о себе не слышала.

Кажется, этот поворот беседы и

В.Оскоцкий. Считаю ниже своего достоинства выяснять, чье знание карабахских деяний В.Поляничко достовернее — наше или «лидера оппозиции» С.Бабурина, беллетриста М.Алексеева, эстрадной певицы Л.Зыкиной, хотя допускаю, что и они кое о чем слышаны. Другое занимает. Если о покойном, как говорится, или ничего, или правду, то «ничего» подписантов, собранных, организованных редакцией газеты, явно не устраивает. Что же, приходится повторять для них правду.



Боец самообороны НКР

послужил мостом к вопросу, поставленному ребром. Рано ли, поздно ли — конечно, лучше раньше, чем позже, — война кончится, наступит перемирие, затем мир. Смогут ли армяне и азербайджанцы опять жить вместе, рядом, как это было в Карабахе до войны?

Ответило несколько голосов сразу: если и смогут, то не мы. И не наши дети, для которых «враг» — не пустое слово. Они видели врага в лицо, знают, кто в них стрелял, кто грабил, от чьих рук увечились или погибли близкие. Вряд ли они смогут забыть обо всем этом. Другое дело — дети этих детей...

Я смотрел на снующую вокруг, весело гомонящую детвору. И вспоминал себя подростком в первые послевоенные годы, когда, пережив ленинградскую блокаду, долго не мог смотреть на пленных немцев спокойно, без ненависти. И много позже, когда впервые попал в Берлин, не мог одолеть одну и ту же назойливую, как навязание, мысль: отсюда все и пошло. Корил, стыдил, клял себя на чем свет стоит: другая страна, другие поколения, люди, а мысль внушениям не поддавалась, всплывала и всплывала из недр неподвластного подсознания. Стыдиться ли сейчас этого? Не уверен. Груз памяти не из тех, которые легко сбросить волевым усилием, призвав себя к забвению. Память заглядывая сильнее воли. Поэтому, заглядывая в мирное будущее Нагорно-Карабахской Республики, разумнее

всего думать загодя не о том, как заново селить людей «единым человеческим общежитием», а как развести их, положившись на целительное и искупительное время. Без здравого учета психологической реальности, изменить которую по силам лишь времени, причем, после всего испытанного, длительному времени, «за интернациональное» обустройство жизни в Нагорном Карабахе и братья нечего. И то благо, если НКР и Азербайджан установят нормальные межгосударственные отношения — партнерские, добрососедские, взаимовыгодные и взаимоуважительные.

3.

Следующая поездка уже не на вертолете — на машине с красным крестом. Во фронтовой штаб Аскеранского района. Оттуда по тряской и не прямой, а в объезд дороге — путь напрямик заминирован — к линии фронта. Останавливаемся у подножия горы, недалеко от танка, несущего караульную службу. На вершине — снизу не видно — боевой пост наблюдателей. Тех, кто первыми примет на себя удар в случае атаки. Крутой и потому долгий подъем к ним. Настолько крутой и долгий, что Зорий Балаян, сам остановившийся перевести дух, почел за благо взбодрить нас:

— А баронесса Кокс давно была бы наверху...

Наконец мы тоже наверху. Впереди под нами Агдам, который падет несколько дней спустя. Уже давно не город: население вывезено, как и все, что можно было вывезти, вплоть до запасов винной и коньячной продукции на местных складах. Огневая точка, откуда ведутся обстрелы мирных армянских сел. Боевой плацдарм, исходный рубеж для наступательных операций азербайджанской армии. Ее укрепленный район. Агдам как на ладони: каждый отдельный дом виден и без бинокля. Левее — армянское село Храморд, разрушенное дотла.

Здесь, на вершине горы — кажется, ее зовут Верблюжьей, — ясно и четко определилось то главное впечатление, которое я вынес из поездки, существенно отличной от предыдущей. Оно в том, что на этот раз я встречался и разговаривал не с добровольцами-«боевиками» из разрозненных отрядов самообороны, а с бойцами регулярной армии НКР. Именно ее создание, ее внушительные победы стали тем новым и решающим внешнеполитическим фактором, который принудил и ближе и дальше зарубежье если не официально признать НКР, то хотя бы напрямую, без толмачей-посредников прислушаться к ее

неискаженному голосу, авторитетно и ответственно говорящему на равных с равными. Пусть обе стороны встречаются чаще и пусть им так же не понадобятся сторонние третьи лица, будь то даже Армения или Россия, ни в качестве наблюдателей, ни в роли посредников. «Если у Гейдара Алиева есть какие-либо вопросы к НКР, то и звонить он должен в Степанакерт, а не в Ереван», — резонно полагает министр иностранных дел НКР Аркадий Гукасян.

Так, создав регулярную армию, 180-тысячный армянский народ Нагорного Карабаха явил миру свою жизнестойкую силу, которая помогла выстоять ему против 7-миллионного Азербайджана. «Народную армию» — уточнил эту мысль министр обороны НКР Серж Саркисян, наверняка самый молодой в мире министр обороны. И если не единственный, то один из немногих, кто хотел бы перестать быть таковым как можно скорее. Как и абсолютное большинство армейских командиров, он не профессиональный военный. Военным его, филолога по образованию, сделала необходимость, заданная ходом национально-освободительной войны...

Шуша, древний город, культурный центр края, нынче малолюднен, пустынен, жизнь в нем только-только возрождается, налаживается.

При взятии Шуша пострадала сильно, разрушений много. В числе их два памятника зодчества — древний армянский храм и персидская мечеть. О последней писали в азербайджанской прессе, будто «неверные» армяне сровняли ее с землей. Очередная ложь. Как ни пострадала мечеть, а сохранилась ничуть не хуже, если не лучше армянского храма. Целы и два минарета, даже керамическая облицовка не обвалилась. Когда взяли город, одной из первых забот командования было поставить у мечети охрану: вдруг да придется предотвращать стихийный ли выплеск толпы, намеренную ли провокацию. По счастью, не случилось ни того ни другого. В настоящее время на восстановление персидской мечети в Шуше степанакертская мэрия при всей ограниченности своего бюджета выделила 10 млн рублей.

Здесь я позволю себе отклониться от сюжетной хронологии дневника и, забежав вперед, коснуться событий, которые произошли после поездки. Агдам был сначала окружен, потом взят армией НКР несколько дней спустя после того, как мы разглядывали его сверху в бинокль и без бинокля. Совет Безопасности ООН расценил это как оккупацию азербайджанских территорий, потребовал «немедленного, полного и безоговорочного вы-

вода участвующих в конфликте оккупационных сил из района Агдама и всех других недавно оккупированных районов Азербайджана». «Все другое», надо полагать, — не что иное, как те «15 процентов азербайджанской территории», на самоуправное отторжение которой в пользу Армении (?) жаловался россиянам ободренный Гейдар Алиев, выступая 7 августа в передаче останкинского телевидения «Избранники и народ». По представлениям то ли несведущих, то ли введенных в заблуждение ооновских законников, это и есть, собственно, вся территория «Нагорно-Карабахского региона Азербайджанской республики», которую временщики-правители из Баку лишили статуса даже автономии, объявив полтора-два года назад об упразднении НКАО. Они и мысли не допускали, что необратимый ход событий принудит Азербайджан сесть с не признанной им НКР за стол прямых переговоров.

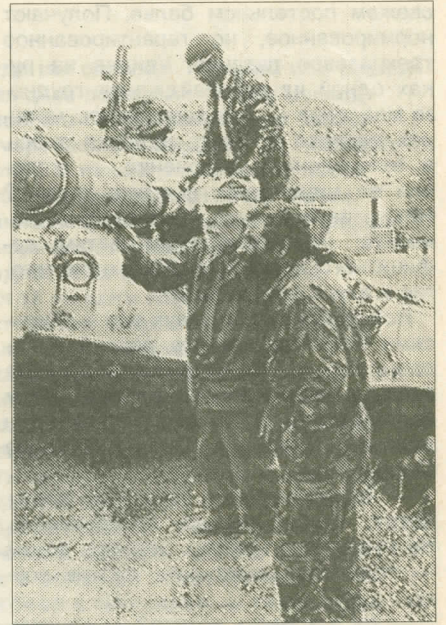
Ничуть не логичней требование Совета Безопасности вывести армейские части НКР как из Агдама, так и из других с боями отбитых бастионов — опорных баз, укрепленных районов, будь то Кельбаджар или Лачин, Ходжалы или Шуша. Ведь если народу НКР навязана многолетняя блокада, которой не видно ни конца ни края, то нет для него никакого выхода, кроме одного-единственного — прорвать блокадное кольцо. Взятие Агдама, как до него Кельбаджара, а после него Физули, — военная необходимость, настоятельно, жестко продиктованная интересами жизнеобеспечения карабахских армян, их национального самосохранения.

Не взять Кельбаджар, Агдам, Физули — значило бы послушно смириться с ними как с боевыми плацдармами, угрожающими новыми наступлениями, как с огневymi точками, держащими на прицеле всю НКР — с ее короткими расстояниями, легко преодолимыми дальнoбойными орудиями. Забыть ли, что систематические обстрелы Степанакерта (эпизодические продолжаютс я до сих пор, один из них был вскоре после нашего отъезда) прекратились лишь тогда, когда армяне овладели Ходжалы и Шушой!

Между тем НКР и без посреднических усилий готова вывести из Агдама, Кельбаджара, Физули свои части, но под твердые и контролируемые гарантии: ни эти, ни другие населенные пункты не станут отныне укрепленными районами. «НКР не имеет никаких территориальных претензий к Азербайджану», и ее боевые операции вызваны «лишь необходимостью подавления артиллерийских огневых точек, с которых постоянно обстреливались Степанакерт и другие районы» Нагорного Карабаха, заявил и.о. председателя Верховного Совета НКР Карен Бабурян как раз в связи с решением Совета Безопасности.

4.

Когда находились на Верблюжьей горе, пару раз возникала короткая и какая-то ленивая перестрелка. Признаться, подумалось ненароком: не для нас ли и телевизионщиков, чтоб позффектней выглядело, соз-



Бойцы азербайджанской армии

дается «всамделишный» боевой антураж? Сомнение оказалось явно беспешным. Снизу, из-под Агдама, по-видимому, заметили необычное скопление людей. Едва мы начали спуск, обстрел высоты — нагнать страху? — стал «настоящим»: пули то и дело повсвистывали справа. Правда, никакого вреда они причинить не могли: выступы скал служили надежным прикрытием, да и шли мы под прямым углом к вершине. Но ощущение все же не из приятных.

Однако не самое неприятное из тех, какие вынесены из поездки. Две встречи оставили впечатления тягостные, гнетущие.

Первая — в степанакертской больнице, где размещены азербайджанские заложники. Когда мы изъявили желание посетить их, разрешение было получено без проволочек и сразу подкреплено делом: поехали. Баронессе Кокс — она рассказывала об этом на пресс-конференции в Москве — азербайджанская сторона в аналогичной просьбе о встрече с армянскими заложниками отказала категорически.

Война есть война, и благодушием было бы думать, будто в ее суровых условиях возможно содержать заложников в неукоснительном соответствии с этими правами. Но максимум возможного, чтобы это не стало унижительным, армяне сделали. Живут заложники под охраной, но только наружной. Не скученно и не в грязи — палаты просторны, чисты. Спят на



Пленный азербайджанец в госпитале

свежем постельном белье. Получают нормированное, но гарантированное трехразовое питание. Увидев на руках одной из азербайджанок грудного младенца — как выяснилось, четырех месяцев от роду, родился здесь, в вынужденном заточении, — спросил ее мимоходом: кормите грудью? Нет, ответила она, дают молоко. Заметьте: степанакертским детям дефицитного молока не достается, многие и вкуса его не знают...

Все заложники из двух сел — Кильсями Кельбаджарского района и Горазыллы — Физулийского. Первые взяты в начале апреля, вторые — три недели назад. Женщины, дети. И один мужчина. Раненый. Гулиев Бахтияр Магомет-оглы.

— Люди измучены, устали от войны. Хотят, чтобы скорей прекратилась. Не нужна она никому. Вернусь домой — тоже буду выступать против войны.

— Ну а воевать хотите? — спрашиваю двух подростков: Ровшана Нухиева (он тут с матерью Райсой Нухиевой) и Мушвига Алиева (сирота, родственники живут в Баку, но адреса не знает).

— Нет, — отвечают в один голос.

— А если прикажут?

— Все равно не будем...

Вопрос ко всем: есть ли жалобы? Ни у кого.

Вторая встреча — в тюрьме. С заключенными Анатолием Чистяковым и Юрием Биличенко, летчиками-наемниками, бомбившими Степанакерт и села Нагорного Карабаха. Одного сбили после 30 вылетов, другого после четырех. «Тот, кто меня сбил, выполнил свою работу на отлично», — считает Чистяков. Но это мы услышим чуть позже, после того, как спросим: согласны ли они на беседу с нами? Оба согласны и готовы отвечать на любые вопросы. Вскоре, правда, окажется: не на любые.

Для начала — справки биографические.

Чистяков Анатолий Георгиевич, 1955 года рождения, майор запаса. Окончил Карачинское летное училище, воевал в Афганистане. Женат, двое детей. Семья проживает в Латвии. В азербайджанскую армию нанялся в сентябре 1992 года.

Биличенко Юрий Викторович, 1966 года рождения. Родился в Полтавской области, учился в Армавире. Родные остались на Полтавщине.

— Что побудило стать наемниками?

А. Чистяков:

— Чисто меркантильные соображения.

Ю. Биличенко:

— Нужны были деньги.

— На что?

— На этот вопрос я бы не хотел отвечать.

— На каких условиях вас наняли?

А. Чистяков:

— Пять тысяч долларов в месяц. Условия выполнены.

— Как проходил наем?

— Еще в Прибалтике разговорился со знакомым парнем-азербайджанцем. Он сказал, что Азербайджану нужны летчики. Через него связался с кем надо.

— Вы знали, что сбрасываете бомбы на мирное население?

— Я бомбил боевые посты.

— Если это и так — они же рядом с селами! И вообще карабахский «пятачок» населен так плотно, что здесь все рядом.

— Мне этого не объясняли, и сам я об этом тоже не задумывался.

Ю. Биличенко:

— В училище нам внушали: умеете убивать. Не убьешь ты — убьют тебя. В войне побеждает сильнейший. Меня сбили потому, что я расслабился.

— Значит, вы вершили правое дело?

А. Чистяков:

— Справедливая эта война или несправедливая, кто в ней прав, а кто виноват — мне в голову не приходило...

Не утаю: оба вызвали во мне сострадание. Не как убийцы, преступники. Как люди, сломавшие свою жизнь, погубившие себя за тридцать сребреников. Ничто не меняется от того, что счет сребреникам шел на тысячи долларов.

Как знать, призови в свое время справедливый суд к заслуженному ответу виновных в сумгаитской, кировабадской, бакинской резне — может, и этим наймитам не пришлось бы летать в ослепительно голубом карабахском небе со смертоносным грузом.

5.

Возвращаясь из Нагорно-Карабахской Республики в Ереван, остановились на день в Капане. Исконно армянском 50-тысячном городе на самой границе республики. В октябре—ноябре прошлого года он подвергался особенно ожесточенным обстрелам. Случались дни, когда на город падало до тысячи снарядов. Один из них разорвался в очереди за хлебом. 28 человек были убиты на месте. Прямыми попаданиями в жилые дома разрушено более 500 квартир. Ни одного уцелевшего дома не сохранилось в близлежащем селе Давид-Бег. Жителей пришлось эвакуировать.

— Вот уже более месяца обстрелов не было, — радовались наши капанские собеседники. Радость оказалась преждевременной. Город снова обстреляли день спустя.

Так кто же агрессор?

Говорят, все равно Армения. Хотя сама в войне не участвует, а карабахским единоплеменникам помогает. И даже блокада, особенно тяжкая минувшей зимой, ей не в помеху...

Но коли блокированная Армения — агрессор, то кем выступает в таком случае Турция, которая усиленно помогает Азербайджану куда в больших масштабах? Как поставками оружия, причем бывшего советского, закупленного на 700 млн долларов, так и советниками-генералами при экс-президенте Эльчибее.

Право же, есть о чем призадуматься, поразмышлять политикам, взявшим на себя ответственную роль представителей мирового сообщества. И выразителей мирового общественного мнения...

**Степанакерт — Ереван — Москва.
1993 год, июль—август
Фото ИТАР—ТАСС, РИА—Новости**

Дети Карабаха





Ирина ХАКАМАДА:

НАЧИНАТЬ ДЕЛО, СОЗДАВАЯ СЕБЯ

— Ирина, если вы видите, что кто-то обижает вашего ребенка, какова ваша реакция?

— Защитить! Но я себя сдерживаю, поскольку считаю, что его надо готовить к тому, чтобы он мог сам постоять за себя.

— Каким образом?

— Ответить обидчику достойно, адекватно обиде. Некоторое время назад в школе к сыну привязался парень на три года старше. Проходу ему не давал, говорил всякие гнусности на счет цвета кожи, узких глаз и пр. В школу я не пошла и жаловаться учителю не стала, а провела с сыном соответствующую «разъяснительную работу». Когда в очередной раз история повторилась, Даня так боднул парня в живот головой, что тот отстал от него навсегда.

— Разделяете ли вы мысль

В.Набокова о том, что детей надо баловать, так как никто не знает, какая судьба им уготована в будущем?

— О да! Детей надо баловать. И самое главное, чтобы они чувствовали, что родители их любят и будут защищать и станут друзьями и единомышленниками.

— Вашим родителям это удавалось?

— По японской традиции отец не занимался воспитанием детей, он только содержал семью. В памяти осталось два отцовских прикосновения, когда он погладил меня по голове. Мама также была постоянно занята, так что я привыкла оставаться дома одна. Но когда два года назад отец умер, я ощутила, насколько он мне близок, несмотря на наше полное идейное несходство. От него у меня осталась любовь к точным наукам и

Когда мы слышим, говорим или пишем «женщина-политик», то наш взгляд привычно оборачивается на Запад: Тэтчер, Виолета Барриос де Чаморро, Акино... В нашей российской пьесе, которая разыгрывается на глазах, принимая форму то драмы, то фарса, женщины-политики, как это ни обидно, пока скорее за сценой. Иногда их шаги глуше, иногда явственнее. И провозглашая те или иные политические взгляды, декларируя принципы, мало чем отличаются от своих коллег мужчин. Между тем есть еще та сторона их жизни, в которой они продолжают быть просто женщинами, множа или, напротив, сокращая список своих добродетелей, — они остаются женами и мамами. Именно об этом, а не о большой политике наш разговор с генеральным секретарем Партии экономической свободы Ириной ХАКАМАДОЙ.

В ее жизни причудливо переплелись русские и японские корни.

В 1964 году, получив в университете экономическое образование, она попыталась заняться научной работой — защитила диссертацию. Но поменяла свой социальный статус — ушла в российский бизнес. Чтобы привлечь как можно больше людей к рыночным реформам и объяснить им, что без рынка все равно никто не станет жить лучше, она с группой единомышленников создала партию.

независимость характера. Если ставлю перед собой цель, то стараюсь добиться ее самостоятельно.

— Судя по тому, что выслушивал ваш сын, вам, должно быть, приходилось слышать и не такое. Вкусив мерзости расизма, как вы считаете, насколько этот недуг поразил Россию.

— Я не думаю, что болезнь опасно разрослась. С одной стороны, в России сильно влияние сил «патриотической» ориентации, которые используют лозунги, основанные на национализме, а с другой — не менее сильно преклонение перед фигурами, не имеющими российских корней, то есть какое-то упование, надежда на то, что чужой сумеет разобраться и решить проблемы, а это как раз и свидетельствует в пользу того, что русский народ в основе своей лишен

«расистской жилки», а значит, весьма реальны перспективы не довести эту хворь до размеров эпидемии.

— **Уйдем от политики! Вам, например, нравятся молодые люди, которые целуются на эскалаторах в метро?**

— Иногда меня это шокирует. Но чаще нравятся.

— **Разделяете ли вы точку зрения, что мужчине в браке позволительно все, а женщине нет?**

— Не разделяю. Я отношусь к женщинам, не признающим вялотекущего «синдрома хронического брака». Если брак обязателен как новые туфли или как чистка зубов по утрам, то такой брак мне не нужен. Я долго искала человека, с которым мне интересно.

— **Какой тип мужчин вам импонирует внешне и какие мужские качества цените?**

— Красавцы оставляют меня равнодушной. Мой тип — это американский актер Марлон Брандо. Что же касается внутренних качеств «моего» мужчины, то прежде всего это сдержанность, полная ответственность и самостоятельность в поступках. Хорошо, когда это умный собеседник, терпеть не могу развязных болтунов.

— **А какие женщины вам симпатичны?**

— Мне нравятся красивые женщины. Правда, в отличие от мужчин, здесь нет стандарта, потому что женская красота более многообразна. Но женщина не должна быть глупой куклой, она обязана осмысливать свои поступки, свою жизнь. Как бы очаровательно она ни выглядела, но, если во взгляде ее пустота, увя, ничего кроме раздражения это во мне не вызывает. Женщины не должны быть улиткой, мне нравится, когда она открыта для общения.

— **Знакомо ли вам чувство зависти?**

— Да. И прежде всего к тем людям, которые внутренне свободны. Скорее всего это так называемая белая зависть. Например, очень завидую западным детям. Они воспитаны так, что чувствуют себя свободно в любом окружении, их не тяготят комплексы. На мне же лежит печать общества, в котором я росла и живу. Наши люди страшно закомплексованы, порой они даже не осознают всей силы своей зажатости и потому весьма часто разухабистость, пошлость принимают за раскрепощенность. Я пытаюсь снять с себя закомплексованность, однако абсолютно внутренне свободным человеком себя не считаю. Мне нужна помощь друзей, поддержка знакомых. Я завидую тем, кто самодостаточен в любой ситуации.

— **Какое из чувств вы ставите выше других?**

— Любовь. Я — влюбчивый человек.

— **Вам приходилось испытывать неразделенную любовь?**

— Приходилось.

— **Вы ревнивы?**

— До определенного момента я считала, что это чувство мне чуждо. Я позволяла себя любить, а собственное равнодушие казалось мне формой отсутствия ревности. Когда же отношения изменились, я ощутила, сколь глубоко и сильно люблю, вот тогда-то поняла, что вовсе не такая равнодушная. Поскольку мне нравятся люди умные, то чаще всего ревность возникает по отношению к настоящему сопернику — к женщине умной, интеллектуальной, неординарной в поведении, обладающей оригинальной внешностью. Я знаю, что это серьезный конкурент.

— **Помните ли вы себя в минуты гнева, что ощущаете потом?**

— Разумеется, помню. Я не ощущаю своей правоты, но пытаюсь упорно себя оправдать. По-моему, это удел любого слабого человека, потому что несдержанность в поступках — это признак слабости. Когда гнев схлынет, остается чувство опустошенности, депрессии.

— **Вы к себе снисходительны?**

— Вероятно. Чаще всего результаты того, что я делаю или говорю, вызывают во мне некую зыбкость, неуверенность, кажется, что все неправильно и все не так. Но, по счастью, рядом оказываются люди, которые не из лести, не из желания быть хорошими убеждают меня в обратном. Встреча двух противоположных мнений и дает мне возможность быть к себе снисходительной.

— **А этот механизм действует по отношению к другим людям?**

— Детству, юности в значительной степени свойствен ригоризм, жесткая крайность оценок — уж если дурак, то полный, если умный, то непременно гений. Позже с приобретением жизненного опыта, когда жизнь основательно намнет бока, оценочная шкала теряет свою жесткость. Я стараюсь научиться быть снисходительной к людям, искать в них положительное, а уже через это пробиваться к душам людей. В любом ином случае занятие политикой для меня бессмысленно.

— **Есть ли в окружающих вас людях нечто такое, что вы никогда не можете простить?**

— Мне повезло: из тех людей, кто меня окружал и кто мне близок сегодня, никто больших подлостей не делал. Мне хватило ума и интуиции окружить себя такими людьми. Всякие мелочи житейские не в счет, они прощаются автоматически. Характер есть характер — я отходчива и быстро

прощаю, но это поверхностное чувство. Если я глубоко задета и подлость велика, то при всей видимости нормальных отношений доверительность исчезает.

— **Можете ли вы сказать, что качества лидера заложены в вас от природы?**

— Лет в четырнадцать я решила заняться «выдавливанием из себя раба», потому что поняла: у меня совершенно нет друзей, я одна, так жить нельзя. Я отправилась летом в очередной пионерский лагерь, создала и возглавила там какую-то банду. Это звучит смешно, но я стала лидером. И как только это получилось, я поняла, что все зависит от тебя самой.

— **Мы упустили такую часть семейной жизни, как домашнее хозяйство.**

— Наше общество, его инфраструктура таковы, что женщина несет несравненно больше нагрузок, нежели мужчина: домашнее хозяйство, беготня по магазинам, воспитание детей плюс работа. Конечно, домашнее хозяйство — это моя постоянная головная боль. Уборку я стараюсь делать в субботу или воскресенье. Продукты покупаю сама, благо у меня есть машина и я могу сделать это довольно быстро. Но уходит уйма денег, так как я не стою в очередях, а беру все, что попадет, лишь бы плотнее набить холодильник. Моя семья прекрасно понимает, как важно мне быть свободной, и прощает «хозяйственные огрехи».

— **Но разве у вас нет желания хоть иногда раскиснуть, похныкать, чтобы вас пожалели?**

— Случается. Но я позволяю себе это крайне редко и только когда рядом муж. Он знает, что меня надо погладить по голове, сказать добрые слова. Порой хочется все послать к черту, никого не видеть и не слышать, забраться в какую-нибудь тмутаракань.

— **Удавалось такое осуществить?**

— Никогда!

— **А если произойдет худшее и вы потеряете все, что тогда?**

— Вся моя жизнь — это преодоление. Буду начинать заново, создавая себя.

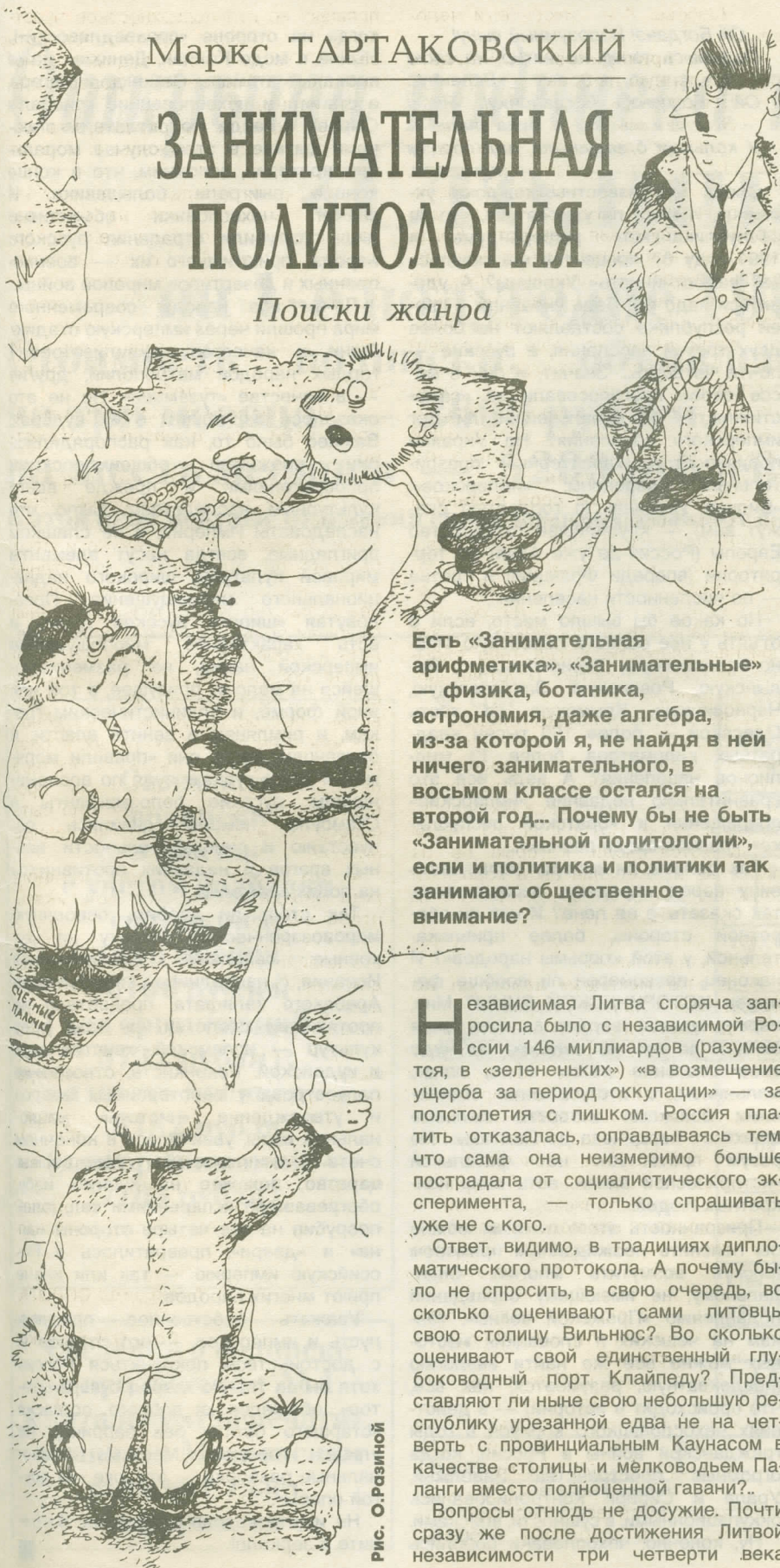
Александр СИРОТА

Фото О.Чумаченко

Маркс ТАРТАКОВСКИЙ

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

Поиски жанра



Есть «Занимательная арифметика», «Занимательные» — физика, ботаника, астрономия, даже алгебра, из-за которой я, не найдя в ней ничего занимательного, в восьмом классе остался на второй год... Почему бы не быть «Занимательной политологии», если и политика и политики так занимают общественное внимание?

Независимая Литва сгоряча запросила было с независимой России 146 миллиардов (разумеется, в «зелененьких») «в возмещение ущерба за период оккупации» — за полстолетия с лишком. Россия платить отказалась, оправдываясь тем, что сама она неизмеримо больше пострадала от социалистического эксперимента, — только спрашивать уже не с кого.

Ответ, видимо, в традициях дипломатического протокола. А почему было не спросить, в свою очередь, во сколько оценивают сами литовцы свою столицу Вильнюс? Во сколько оценивают свой единственный глубоководный порт Клайпеду? Представляют ли ныне свою небольшую республику урезанной едва не на четверть с провинциальным Каунасом в качестве столицы и мелководьем Паланги вместо полноценной гавани?..

Вопросы отнюдь не досужие. Почти сразу же после достижения Литвой независимости три четверти века

назад Виленский (!) край был оттяпан Польшей, превосходившей ее по населению почти в 15 раз. И, не обремененные протоколом, скажем напрямик: не видать бы литовцам древней столицы как своих ушей, если бы в свою очередь «социалистическая Держава», превосходившая Польшу все в той же пропорции, не вернула бы территорию своей «братской республике».

С Мемелем (нынешней Клайпедой) дела для Литвы были еще безнадежнее. Мемельская область была выкроена из территории Германии, проигравшей мировую войну, и в 1923 году отдана «под покровительство» Литвы. А Гитлер при первой же возможности и без единого выстрела возвратил ее рейху.

Лишь победа столь презируемой ныне деятелями «Саюдиса» Советской Армии вернула им этот край.

И почему бы все тем же деятелям не начать отсчет годам оккупации с начала прошлого века, когда Литва (кроме Мемеля-Клайпеды) вошла в состав Российской империи? Ведь правовое соотношение между последней и Советским Союзом совершенно такое же, как между последней и нынешней Россией. И не подумайте ли о претензиях Польше за столетия, когда Литва была объединена с ней в Речи Посполитой, а Вильно (нынешний Вильнюс) по национальному составу был таким же польским городом, как и Варшава? И не должны ли поляки предъявить претензии Литве за оккупацию этого города? Или претензию должны заявить евреи, составлявшие некогда треть населения Вильно, настолько преуспевавшую и образованную, что город именовали порой Северным Иерусалимом?

Вообще, соотношение взаимных претензий составило бы самую интригующую главу нашей еще не написанной «Занимательной политологии». Не представить ли всем нам (с «ближним зарубежьем») счет Латвии за прославленных — и не зря! — латышских стрелков, составлявших лейб-гвардию Ильича и его правительства, спасавших советскую власть на самых крутых поворотах истории: в дни Октябрьского переворота, при переезде Вождя со свитой из прежней имперской столицы в новую, во время так называемого левоэсеровского мятежа 6—7 июля 1918 года?

Слово М.Шатрову, автору «документальной драмы» «Шестое июля».

События (и в драме, и в действительности) разворачиваются в Большом театре на Пятом Всероссийском съезде Советов. Ведущему заседание Свердлову сообщают об

Рис. О.Развиной

убийстве германского посла Мирбаха. «Свердлов и большевики уходят из президиума съезда. В углах сцены появляются часовые, пока их никто не видит...

Спиридонова (Голубовскому)*. Выясните, что там происходит? Внезапное заседание... Чем-то мне все это не нравится...

Голубовский направляется к выходу со сцены. Дорогу ему преграждает часовой.

Голубовский. В чем дело, товарищ?

Часовой. Выходить со сцены нельзя.

Голубовский. То есть — как это?

Часовой. Приказ товарища Лациса.

Голубовский. Это уже становится смешным. А если мы хотим курить, не говоря уже о прочем?

Часовой. Курите здесь...

(Возгласы.) — Что здесь происходит? — Почему охрана? — Приказ товарища Лациса. — Это безобразие! В чем дело? — Приказ...

(Появляется Лацис.)

Лацис. Граждане эсеры!... Вы все здесь останетесь до особого распоряжения Совета Народных Комиссаров».

Лацис (Судрабс Ян Фридрихович) — заместитель председателя ВЧК Ф.Э.Дзержинского (выходца, кстати, из польских дворян Виленской губернии) — знал, что говорил и делал. За его спиной стояли «викинги революции» — стойкая и дисциплинированная Латышская стрелковая дивизия, возглавленная Иоакимом Иоакимовичем Вацетисом... Так у кого же и к кому теперь счеты: у Латвии к России, или у России к Латвии, или у тех и других — к Польше?

Захватывающая вышла бы глава «Занимательной политологии»... Если согласно общерусским летописям Киев — «мать городов русских», то неизвестно еще, чему бы называться Россией, а чему — Украиной («окраинной»).

Мий любый краю неповинный!

За що тэбэ Господь кара,

Карае тяжко? За Богдана,

Та за скажэного Петра...

Тарас Шевченко

«Скажэный» (осатанелый) — Петр Великий, прорубивший «окно в Европу», Богдан — гетман Хмельницкий, возглавивший (как сказано в советском издании шевченковского «Кобзаря») «воссоединение Украины с братским русским народом».

Устами Шевченко «нэнько Украина» прокликает гетмана:

*Оба — лидеры партии левых эсеров, участвовавшей в Октябрьском перевороте.

...Ой Богданэ! Нэрозумный сыну!

*Подывись тэпэр на матир, на свою
Украину...*

*Ой Богданэ, Богданочку! Якбы
була знала —*

*У колысци б задушыла, лид сэрээм
прыспала.*

Слова эти известны каждому украинцу. И надо ли удивляться, что на республиканском референдуме в 1991 году 87 процентов высказалось за «самостийность» Украины? А удивиться надо бы! Ведь украинцы в своей республике составляют не более двух третей населения, а русские — почти четверть... Значит, и они в массе своей проголосовали за «самостийность»? Не печальнейший ли итог имперского правления? На Украине произносят с характерным презрительным ударением: «имперское». «Вильна Украина» (с гордостью скажут вам) — крупнейшее государство Европы (Россия-де уже Азия) по территории (впереди Франции!) и третья — по численности населения...

Но какое бы вышло место, если бы отнять у нее области Львовскую, Ивано-Франковскую, Тернопольскую, Волынскую, Ровенскую, Закарпатскую, Черновицкую, Крымскую да треть Одесской — более 150 тысяч квадратных километров, более 13 миллионов населения? А ведь все это сравнительно недавние «имперские» приращения к «братской республике», «равной среди равных»...

Так должна ли империя испытывать вину перед народами, возвращенными, так сказать, в ее лоно? И нет ли оборотной стороны, более привлекательной, у этой «тюрьмы народов»? И наконец, правомерен ли вообще феномен ИСТОРИЧЕСКОЙ ВИНЫ? Мне, еврею, чувства твердят: да, есть такая вина. Я до сих пор ощущаю как чудо свое спасение летом 41-го, когда, мальчиком, с отступавшими советскими войсками истоптал пыльные шляхи от Бердичева до Полтавы... Но разум протестует: нет фатальной «исторической вины», есть вина конкретных людей.

Призрачность этого понятия можно бы пояснить неожиданным примером (рискуя возмутить многих). Скандальному, не имеющему оправданий подавлению «Пражской весны», танкам на чешских и словацких мостовых можно все же найти аналогию (неадекватную, разумеется, как все, что происходит в истории) — в действиях чехословацкого корпуса в годы гражданской войны в России, когда огромные пространства Заволжья, Урала и Сибири контролировались оккупационными, в сущности, войсками. Ну, конечно: чехословаки боролись

тогда на стороне «справедливости»!. Нынче в моде Колчак, Деникин, даже кровавые атаманы Семенов и Унгерн, а значит, и чехословацкие генералы Сыровы и Гайда. Но, оставив за скобками шаткие в этом случае моральные критерии, вспомним, что в конце концов выиграла большевики. И значит, чехословаки объективно лишь усугубили страдания русского народа, приоткрывшего их — военнопленных и дезертиров мировой войны...

Почти все народы современного мира прошли через имперскую стадию. Одни в качестве «цивилизаторов», гордых народов метрополий, другие — в качестве «туземцев». Но не это оказалось решающим в их судьбах. Важнее было то, как распорядились они прежними общеимперскими приобретениями и прежде всего культурным наследством. Было что наследовать! Империи, и не слишком приглядные, всегда несут элементы мировой культуры, широкого наднационального мироощущения. Пресловутая «широта русской души» и есть характерное мироощущение имперской нации, не разменивающейся на мелочи, присущее, в той или иной форме, и эллинистическим грекам, и римлянам в зените власти, и британцам, когда они «правили морями», и даже туркам: судя по воспоминаниям, русские белоэмигранты в Стамбуле немало дивились сочувствию и снисходительности вечных врагов и недавних противников на полях сражений.

Так стоит ли дробить освоенную мировоззренческую широту на духовные осколки?! Арабоязычная Испания, наследница необъятного Арабского халифата, процветала на протяжении столетий на базе трех культур — исламской, христианской и иудейской. Реконкиста, отвоение полуострова у веротерпимых мавров и утверждение «чистоты» национальной веры, увенчалась в конечном счете инквизицией. Московское царство, похожее на курную избу, обогреваемую испарениями тел, лишь прорубив на все четыре стороны «окна» и «двери», превратилось в Российскую империю — так или иначе приют многих народов.

Уважать собственное прошлое, пусть и имперское, — вот главное. И с достоинством поклониться России хотя бы за то, что «парад суверенитетов» обошелся с доброго согласия «старшего брата» без баррикад на улицах городов. Местные национальные разборки — это уже «из другой оперы».

Не ищите козлов отпущения. Взгляните в зеркало!

Открыта подписка на журнал «Столица»

на 1-е полугодие 1994 года!

Стоимость подписки, объявленная редакцией:
на три месяца — 2600 рублей,
на шесть месяцев — 5200 рублей.

К этой цене местные отделения связи приплюсовывают свою надбавку.



Ф СП-1

«Роспечать»

АБОНЕМЕНТ на газету		73746									
"Столица"		(индекс издания)									
(наименование издания)		Количество комплектов:									
на 19 _____ год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
(почтовый индекс)						(адрес)					
Кому											
(фамилия, инициалы)											

Стоимость подписки в Москве с учетом надбавки составляет:
на три месяца — 3166 рублей (для организаций — 3732 рубля);
на шесть месяцев — 6182 рубля (для организаций — 7164 рубля).

Сведения о подписке в приложении № 1 к каталогу «Роспечати», а также в Московском каталоге газет и журналов

ДОСТАВочНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	ли-тер	на газету журнал	73746							
"Столица"				(индекс издания)							
(наименование издания)											
Стон-мость	подписки пере-адресовки	руб.	коп.	Количество комплек-тов:							
		руб.	коп.								
на 19 _____ год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
(почтовый индекс)						(адрес)					
Кому											

Рекламный центр еженедельника
«Столица» приглашает рекламных
агентов для работы по всем видам
рекламного обслуживания.
Вознаграждение от 10%.
Тел. 928-83-40.

Еженедельник «Столица»
приглашает распространителей
на выгодных условиях!
Контактные телефоны: 925-73-09,
928-27-69.
Редакция выдает
разрешение на распространение.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки)

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати

Уважаемые московские читатели «Столицы»!

*Если вы имеете
возможность
приезжать за нашим
журналом в
редакцию,
мы подпишем вас
на первое полугодие
1994 года*

по льготной цене:

3900 рублей

(на полгода),

1950 рублей

(на квартал),

650 рублей

(на один месяц)

*Подписку можно
оформить в редакции
по адресу:*

Петровка, 22

*(вход с Рахмановского
переулка),
комн. № 610.*

*Справки по телефону:
928-27-69*

ВНИМАНИЮ ЗАРУБЕЖНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Редакция еженедельного журнала
«СТОЛИЦА»
 продолжает подписку с рассылкой за границу

Вы можете подписаться на журнал,
 обратившись непосредственно в редакцию по адресу:
 101425, Москва, ГСП, К-51, Петровка, 22.

Телефоны: (095) 928-23-49, 928-27-69.

Телефакс (095) 921-29-85.

Стоимость подписки за 1 номер:

Европа: \$ 2,68 (обычной почтой), \$ 2,98 (авиапочтой);
 США, Канада, Израиль, Япония: \$ 2,98 (авиапочтой).

Редакция гарантирует рассылку журналов из Москвы в день выхода.



NAME _____

ADDRESS _____

TOWN/CITY _____

POSTCODE _____ COUNTRY _____

13 weeks 26 weeks 52 weeks

Please find enclosed my cheque in favour of STOLITSA WEEKLY

I will pay to account 1137 CED of NGSbank, Moscow, Russia with **Banca Agricola Mantovana, Mantova, Italy** — favour «Stolitsa weekly».

I will pay to account 49233002 of NGSbank, Moscow, Russia with **Moscow Narodny Bank Ltd., London, England** — favour «Stolitsa weekly».

SIGNATURE _____

Пожалуйста, пошлите этот купон и денежный чек (или копию платежных документов)
 по нашему адресу: 101425, Москва, ГСП, К-51, Петровка, 22. «Столица».

ВАМ ХОЧЕТСЯ ПЕСЕН? ИХ ЕСТЬ У МЕНЯ

Очень хочется поддать газу и запеть. Не мне, не мне — поскольку в рабочее время как-то неловко. Вокально-инструментальное сопровождение процессу извлечения из недр голубого топлива решили заказать газавики великой и неделимой. Захотели обзавестись профессиональной песней, поставив жесткое условие получения полумиллиона рублей победителем конкурса. Стихи должны быть хорошими, подчеркивает ИТАР—ТАСС, а мелодия — ласкать слух. Неясно, правда, когда будет исполняться марш — до, после или вместо. Но идея похвальная: раз хочется петь работникам отрасли, давшей России премьер-министра, значит, есть еще порох, вернее, газ, в пороховницах.

Тем соискателям, которые уже занесли перо над бумагой, я бы посоветовал перевести строчки про трудовой энтузиазм на немецкий. Пусть услышат их дети Германии, которые, по данным Мюнхенского института молодежных исследований, располагают сбережениями на общую сумму 11,5 миллиарда марок. В свою очередь белорусские экономисты произвели расчеты и выяснили, что при желании немецкие школьники могли бы одарить каждого жителя республики суммой в 1 миллион 380 тысяч рублей. Детских сбережений вполне хватило бы, чтобы скупить всю промышленность Беларуси, уверяет «Постфактум». Ибо упомянутая сумма намного превосходит дефицит республиканского бюджета, составляющий 80 миллиардов рублей, и задолженность предприятий республики другим государствам в размере 41,7 миллиарда.

Пока основной вклад в бюджет республики, по данным того же агентства, вно-

сят коммерческие банки. Так что если возникнет желание спеть кому-нибудь величальную на белорусском, то в ней обязательно должно упоминаться про инвестиции, кредиты и процентные ставки. Заодно можно в нескольких строках сделать комплимент пробивной способности местных мастеров газетного пера, из-за которых Комитету по драгоценным металлам и драгоценным камням при Совмине Беларуси, вероятнее всего, придется искать новое место для хранения золота республики, сообщает ИТАР—ТАСС. Бывший подземный склад ядерных боеголовок под Барановичами, переоборудованный в обстановке строжайшей секретности под хранилище драгоценностей, рассекречен базобидной, на первый взгляд, заметкой в белорусской печати.

А в Воронеже, наоборот, вполне компетентные органы раскрыли подпольную лабораторию, где был налажен весьма выгодный, но незаконный бизнес. Умельцы — граждане одного из государств СНГ — кустарным способом выделяли техническое золото из микросхем и других содержащих драгметалл радиоэлементов, похищенных с предприятий этого города. Производство было поставлено на широкую ногу, сообщает «Постфактум». Мастера сыска изъяли у золотых дел мастеров слитки, порошок и не менее драгоценную валюту.

Морально-песенному стимулу, о необходимости которого заговорили газавики, некоторые распорядители кредитов предпочитают простую наличность. Особенно щедр на руку президент Калмыкии Кирсан Илюмжинов. Комитету госбезопасности идущей по капиталистическому пути республики

он выделил премию — 100 миллионов рублей. Денежную награду местный щит и меч отработал на совесть — предотвратил хищение полутора миллиардов рублей из государственной казны. Ингушской же семье Мамиловых илюмжиновская премия обломилась за здорово живешь. Своего первого сына они назвали Кирсаном. Благодарность калмыцкого лидера, приславшего Ингушетии гуманитарную помощь, обернулась Мамиловым автомобилем иностранного производства.

Натуральный обмен любезностями стали с недавнего времени предпочитать на вольной Украине, сообщает ИТАР—ТАСС. Запорожские коммерсанты гоняют от села к селу грузовики и просят за машину угля подложить им свинью. Поскольку начинается отопительный сезон, а в печку кинуть нечего, черное золото перекочевывает на подворья под аккомпанемент пороссячьего визга. Тут уж не до песен.

Мастеров делать бизнес на отоплении хватает и в России. В Приморье оборонные предприятия «Дальзавод» и «Владивостокский судостроительный завод» начали клепать металлические печи-буржуйки и квартирные

теплогенераторные устройства: в условиях энергетического кризиса, надвигающегося на дальние российские рубежи, нагревательные приборы нужнее, чем пушки. Зимой под треск поленьев во многих семьях начнут хором выводить «вьется в тесной печурке огонь».

Музыкально-экономическую композицию хотелось бы завершить в мажорной тональности. Слава Богу, не весь ВПК перешел на выпуск печей с классово чуждым некогда названием. Каменск-уральские оборонные заводы собираются по контракту выпускать детали для американских самолетов. Новоятский лыжный комбинат отправил в Канаду партию хоккейных клюшек.

Но все-таки, мне кажется, самую лучшую бравурную мелодию вывел удачливый посетитель екатеринбургского казино «Katarinenburg», принявший участие в карточном турнире «Super Black Jack». В качестве приза он получил автомобиль «ВАЗ-2109». Так что теперь можно без опаски говорить находчивым: «Вам и карты в руки, господа!»

Александр АГОПОВ

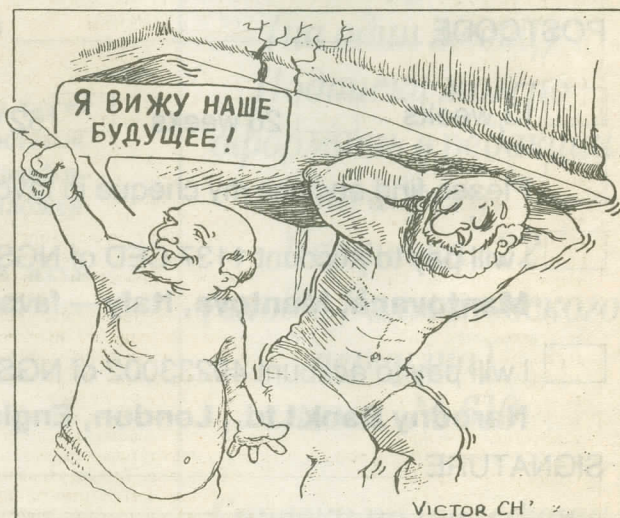


Рис. В. Чумачева

ХРОНИКА

И ТАБАЧОК — ВМЕСТЕ

Куренье, конечно, не самая безвредная штука. Но поскольку миллионы россиян продолжают увлекаться этим занятием, то наш «Табакпром» совместно с одной из крупнейших международных компаний «БАТ» (Бритиш-америкэн табако) Индастриз» созвали в Москве Всемирный табачный симпозиум. По мнению директора-управляющего «БАТ» Ульриха Хертера, табачный бизнес, в котором занято в разных странах более 47 миллионов человек, может сыграть существенную роль в преобразованиях, происходящих в республиках бывшего СССР. Во-первых, за счет крупных инвестиций в экономику этих стран, хотя делать их по-прежнему трудно из-за неопределенности и переменчивости действующих законов. Во-вторых, табачная промышленность и торговля в нормальных рыночных условиях дают государству колоссальный доход от налогов.

Например, в странах Европейского сообщества табачные компании приносят до 3 процентов налоговых поступлений, а конкретно «БАТ Индастриз» в прошлом году выплатила пошлин и акцизов на сумму более 8,5 миллиарда долларов. (Правда, у этой компании и размах завидный — около 100 предприятий и отделений в 50 с лишним странах мира, 200 тысяч работающих. Среди выпускаемых сигарет — популярные «Кент», «Пэлл Мэлл», «НВ», «Лаки Страйк» и т.д.)

Судя по словам г-на Хертера, «БАТ Индастриз» готова участвовать своими инвестициями в развитии постсоветского экономического рынка, опираясь «на местные кадры». Конечно, от этого курение не станет делом безвредным, но если на смену нашему кондовому «Дымку» придут сигареты из хорошего табака, содержащего меньше смол и прочей гадости, — и то благо.

Мировой опыт и французский стиль на российском рынке



**Лазурный берег Франции...
Канны, Ницца...**

Двухкомнатные меблированные апартаменты с видом на море пятизвездочного уровня и полным комплексом гостиничных услуг -
В СОБСТВЕННОСТЬ.

- Фирма гарантирует предоставление банковского кредита на 50 % от стоимости квартиры.
- Вы будете избавлены от уплаты 16 % НДС, если на 9 или 11 лет сдадите свою квартиру в аренду через наш филиал.
- Вы сможете при этом отдыхать на Лазурном берегу 4 недели в году в собственной квартире.
- Фирма гарантирует уплату всех налогов и коммунальных услуг, ремонт или замену любого оборудования, а также **СТАБИЛЬНЫЙ ЕЖЕГОДНЫЙ ДОХОД** в размере 4 - 6 % от стоимости квартиры.

Я бы хотел получить подробную информацию о проектах Катрин Мамэ в: Каннах Ницце

Имя: _____ Фамилия: _____

Адрес: _____

Тел. дом.: _____ Тел. раб.: _____

Пожалуйста, вложите вырезанный купон в конверт и отправьте по нашему адресу:
103104 Москва, Тверской бульвар 25. Тел. 291 19 41 / 61. Факс 202 04 49.
АГЕНТСТВО НЕДВИЖИМОСТИ "КАТРИН МАМЭ"

ЭКО-НЕВИДАЛЬ

**ШТРАФ В ПЕРЕСЧЕТЕ
НА ЗЕЛЕННЫЕ**

Поскольку рубль и моральные соображения плохо действуют на тех, кому близки идеи луддитов, руководство Чайковского завода синтетического каучука решило прибегнуть к помощи доллара. Бережное отношение к казенному имуществу теперь прививается с помощью оригинальных штрафов. За порчу импортного оборудования виновный будет рассчитываться по курсу доллара. По предварительным оценкам, нерадивым и безответственным работникам может не хватить зарплаты, чтобы возместить ущерб, сообщает агентство «Евразийские новости».

**ХОЧЕШЬ ПООХОТИТЬСЯ —
ПЛАТИ АЛИМЕНТЫ**

Оригинальный способ воздействовать на разведенных отцов, которые зажимают алименты, нашли в американском штате Мэн. До сих пор он был известен своей плохой погодой и тем, что президент Буш любил проводить там свой отпуск. Теперь штат прославился и оригинальным ответом на вопрос, мучающий многие правительства. Местные власти объявили, что если коварные отцы не исполняют свои финансовые обязательства, то у них отнимут водительские права и вообще все лицензии, например разрешение на открытие своего бизнеса. Но это еще не все. Самое страшное — у них могут отнять разрешение на охоту и рыбную ловлю, сообщает Би-би-си.

А ЕЛЬЦИН НИ ПРИ ЧЕМ!

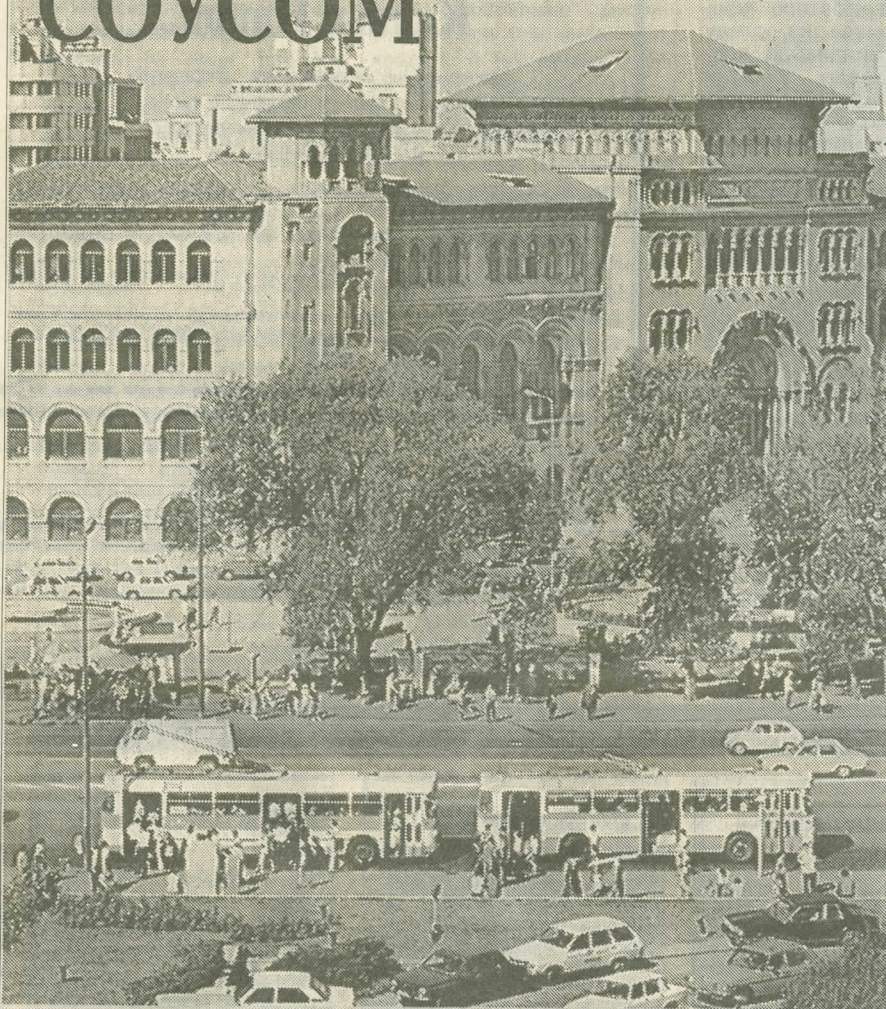
Екатеринбургское правление фонда ПППР (Поддержки Первого Президента России) заявило, что, мол, чековый инвестиционный фонд «АККИП» распространяет ложную информацию о том, что Б.Н. является его акционером. Ельцин, мол, подарил свой ваучер зятю, который и вложил чек в «АККИП», однако Б.Н. «не давал согласия на использование своего имени в рекламных целях». Обещание «аккиповцев» выплатить «президентские дивиденды» не подкреплено гарантиями президента (цитата из сообщения агентства «Евразийские новости»).

ВЕЗЕТ ЖЕ ОБЕЗЬЯНАМ

Оказывается, для того чтобы сделать удачный бизнес, вовсе не обязательно долго думать, производить расчеты, сопоставлять варианты и т.д. Одна стоковая газета дала пять биржевым маклерам и шимпанзе 1250 долларов и предоставила месячный срок, чтобы проверить, кто из них может заработать больше денег на биржевых операциях. Победила шимпанзе, сообщает «Голос Америки». В то время когда биржевые маклеры раздумывали над таблицами, шимпанзе выбирала акции стоковой биржи наугад.

Николай МОРОЗОВ

РЕФОРМЫ ПОД РУМЫНСКИМ СОУСОМ



В Румынии хорошо знают, что такое благополучие: у многих еще свежи в памяти 70-е годы, когда Бухарест называл себя «маленьким Парижем». В витринах гастрономов красовались финская водка и шотландское виски, а для гурманов — французский ликер «Мари Бризар». В бакалейных лавках дурманили голову запахи мясных копченостей, а также привозных «камамбера» и «пармезана». Магазинные полки пестрели цветными этикетками импортных консервов, а универмаги были забиты итальянским трикотажем, германской обувью, французской парфюмерией. По вечерам столица заполнялась беззаботным людом: чинные старушки в кружевах выгуливали кудрявых болонок, группы веселой, но отнюдь не агрессивной молодежи развлекались на площадях. До поздней ночи город был озарен разноцветными огнями, из распахнутых дверей многочисленных ресторанов неслась музыка, а воздух был напоен спокойствием, праздностью, удовольствием. Все больше людей становились обладателями автомашин и собственных домов, обед в ресторане отнюдь не был событием, входили в моду отпуска за границей.

Так Румыния «проедала» кредиты, которые Запад предоставил Чаушеску в обмен на «особый курс» на международной арене и либерализацию внутренней политики. Час расплаты, однако, приближался неотвратно, и он настал, когда из-за войны на Ближнем Востоке был перекрыт ведущий в Румынию нефтяной кран. Одновременно начали сказываться последствия экономического национализма Чаушеску. Результатом форсирования темпов экономического развития, строительства гигантских объектов, вроде канала Дунай—Черное море, атомных электростанций, металлургических и нефтеперерабатывающих комбинатов, стали регулярное невыполнение пятилетних планов, рост внешней задолженности, падение жизненного уровня населения. Пытаясь овладеть ситуацией, Чаушеску сосредоточил в руках все рычаги управления экономикой, так что вскоре Румыния стала страной, где пресловутая «административно-командная система» приняла гротескные формы. «Абсурдный централизм привел к тому, что страной руководил человек, полностью оторванный от действительности, — говорил мне один из ведущих румынских публицистов Ион Кристою. — Так, примарь в самом заброшенном селе назначался указом за подписью президента. Чаушеску определял длину иголок, высоту зданий и формат журналов. Комиссия из 10 человек во главе с секретарем ЦК ежедневно просматривала программу телевидения, а потом этот секретарь не спал всю ночь, так как Елена Чаушеску могла устроить скандал из-за того, что некая певица вышла на сцену в платье с цветочками! Это была, по сути, вовсе не кровавая диктатура, как ее описывали на Западе, а нечто достойное пера Ярослава Гашека!»

Румынскому обывателю, однако, было не до смеха. За какие-то 5 лет страна преобразилась до неузнаваемости. Опустели полки магазинов — на человека теперь выдавалось по литру подсолнечного масла и килограмму сахара в месяц, а ненормированных продуктов было просто не купить. Сверх того, была опубликована «Программа научного питания», предостерегавшая неосторожных румын от ожирения, в которой было тщательно рассчитано необходимое каждому гражданину количество калорий, в зависимости от возраста и специфики труда. В подъездах жилых домов был вывешен график подачи горячей воды — в целом около 3 часов в день. По квартирам ходили специальные общественные бригады, проверявшие, соблюдаются ли

требования экономии электроэнергии. Временами электричество просто-напросто выключалось, и тогда текли холодильники, замолкали радиоприемники, останавливались лифты с людьми. Зимой в неотапливаемых, полутемных квартирах голодные люди в пальто по вечерам усаживались перед телевизором, чтобы посмотреть укороченную, также в целях экономии, двухчасовую программу, состоящую из бюллетеня новостей и концерта, посвященного «карпатскому гению» Николае Чаушеску!

Переворот произошел в насильственной, кровопролитной форме и в считанные дни. 23 декабря Ион Илиеску под звуки автоматных очередей зачитал с экрана телевидения первую программу Фронта национального спасения, экономическая часть которой звучала так: «Перестройка национальной экономики на основе критериев рентабельности и эффективности. Устранение бюрократических методов руководства централизованной экономикой и поощрение инициативы и компетентности».

Фронт национального спасения объявил, что приоритет его политики — удовлетворение повседневных нужд народа.

Продукты начали завозить в магазины, когда на улицах Бухареста еще шла охота за невидимыми террористами. Изголодавшиеся бухарестцы, пересиливая страх, стояли в длинных очередях за маслом, мясом или яйцами, несмотря на гремещение вокруг выстрелы. Был запрещен экспорт продовольственных товаров, которые теперь предназначались исключительно для внутреннего рынка, и неоправданно возрос импорт — в магазинах появились американские сигареты, французский шоколад, японская бытовая техника.

Румынская промышленность функционировала лишь на половину своей мощности, поскольку заводы и фабрики превратились в арену столкновений между профсоюзами, непрерывно требовавшими повышения зарплат, и администрацией. Призывы приступить к работе воспринимались как пережитки диктатуры. «Две стоящие перед румынским обществом задачи: демократизация и переход к рыночной экономике — не могут выполняться одновременно, — утверждал известный политолог Силвиу Брукан, — так как люди используют предоставленные им демократические права, например на забастовку, чтобы уклониться от трудностей переходного периода».

В ходе предвыборной кампании ФНС практически не упоминалось о неизбежных жертвах со стороны населения, о предстоящей

инфляции, безработице, социальной дифференциации. Многие и вправду поверили, что без Чаушеску можно будет хорошо жить не работая. Оппозиция, однако, уже тогда назвала такую политику правительства ФНС «подкупом избирателей». Да и сам премьер-министр Петре Роман позднее, уже после потери кресла главы кабинета, признавал: «Нам пришлось использовать популистские лозунги, чтобы успокоить общественность, настроить людей на оптимистический лад». Так в первый, но не в последний раз в постреволюционной Румынии потребности экономического развития страны были принесены в жертву политическим интересам находящейся у власти команды.

Питая наивно-либеральные иллюзии, правительство резко сократило государственное вмешательство в хозяйственный процесс. Между тем экономическая ситуация в стране ухудшалась с каждой неделей: в результате социальных волнений снизилось производство, развалился рынок СЭВ и соответственно упал торговый оборот. Кабинет рассчитывал на западную помощь, кредиты и капиталовложения, однако эти средства поступали в недостаточных масштабах и с большим опозданием. Провозглашенная автономия предприятий оказалась фикцией: производители не были готовы к самостоятельности. Нарушились хозяйственные связи, не хватало компетентных специалистов, начались перебои с поставками сырья и энергии. Все это послужило предпосылками... для будущих взаимных неплатежей. Предприятиям было нечем не только расплачиваться с партнерами, но даже и платить зарплату собственным рабочим, так что правительство было вынуждено оплатить их долги из бюджета.

Стало ясно, что при замедлении скорости реформ велосипед румынской экономики начал падать. Тогда премьер П.Роман объявил, что кабинет планирует так называемый «законодательный шок» — комплексное принятие парламентом подготовленных правительством законодательных актов о реформе. Он объявил о предстоящей либерализации цен, отказе от дотаций на импорт сырья и энергии румынскими предприятиями, девальвации румынского лея. «Кризисное положение в экономике требует чрезвычайных мер, — заявил П.Роман, выступая в парламенте. — Правительству необходимы эффективные рычаги, позволяющие ему активно вмешиваться в экономику, так как еще только формирующийся рыночный механизм не способен к саморегулированию».

Хотя требование правительства предоставить ему дополнительные полномочия было благополучно «утоплено» в бесконечных парламентских дебатах, кабинет решил приступить к выполнению антиинфляционной программы на свой страх и риск. Для стабилизации экономики на новой, рыночной основе была поставлена цель изъять избыточную денежную массу, вернуть ценам функцию регулятора спроса и предложения, сблизить официальный курс национальной валюты с реальным. 1 ноября 1990 года был осуществлен первый этап либерализации цен в Румынии. Однако слишком короткая пропагандистская кампания в средствах массовой информации не только не подготовила население к удару, но, напротив, подогрела панические настроения. Стали обычным явлением истерики у магазинных прилавков, где дразнили воображение недоступные продукты по «освобожденным» ценам, практически непрерывно шел митинг на Университетской площади, которая еще со времен декабрьской революции стала местом проведения антиправительственных манифестаций. Профсоюзы готовили массовые забастовки, оживилась и политическая оппозиция.

Правительственную программу реформ атаковали как справа, так и слева. Радикальные реформисты считали, что кабинет не уделяет должного внимания развитию частного сектора, недопустимо закладывает с восстановлением частной собственности на землю, а разработанный правительством закон о приватизации в торговле и туризме страдает половинчатостью, расплывчатый формулировками. Из-за отсутствия механизма конкуренции либерализация цен вылилась в обыкновенное их повышение, которому не удалось стимулировать производство.

Консерваторы же обвиняли правительство в том, что оно бросило практическую экономику на произвол судьбы, лишив государство прежней роли в управлении хозяйством. Рецепты МВФ, которые начали осуществляться в стране с 1991 года, по их мнению, годились только для стран, где уже действует рыночный механизм. Они требовали остановить реформу, сосредоточиться на стимулировании производства и вновь взять под государственный контроль цены и зарплаты.

Ну а «в народе» широкое распространение получили щекочущие нервы слухи о коррупции среди высокопоставленных государственных чиновников, об «отмывании денег», о «номенклатурной приватизации».

Премьера П.Романа обвиняли в том, что он получил приличные «комиссионные» за контракт на покупку нескольких самолетов «Аэробус», который Румыния заключила с Францией. Утверждали, будто правительство сознательно подорвало финансовое положение крупных предприятий (например, автозавода «Олтсит» в Крайове), чтобы распродать их по дешевке своим людям. Критиковался и правительственный проект приватизации, согласно которому непосредственно в руки населения передавалось лишь 30 процентов государственной собственности, а остальные 70 процентов акционировались и реализовывались среди частных лиц и иностранных инвесторов.

Давление со стороны политической оппозиции и профсоюзов на правительство достигло точки кипения, постоянно нарастала волна демонстраций и забастовок. Впервые наметились разногласия между «радикалом П.Романом» и «консервативом И.Илиеску». Выкристаллизовалось и главное обвинение в адрес кабинета: «академический» подход к реалиям экономики, переоценка монетаристских методов, иллюзорная надежда на быстрое создание саморегулирующегося рыночного механизма. Поскольку упрямый премьер во всеуслышание заявил, что добровольно отказываться от власти не намерен, был разыгран уже хорошо известный в Румынии «шахтерский гамбит». В сентябре 1991 года Дом правительства в Бухаресте окружили тысячи прибывших из провинции горняков в черных комбинезонах и касках с фонариками, которые гневно требовали отставки «антинародного» правительства, и кабинет пал. Позднее аналитики констатировали, что П.Роману не удалось эффективно воспользоваться политическими преимуществами постреволюционного периода. Упустив драгоценное время, правительство погрязло в политической борьбе, что привело к временной потере источников внешнего финансирования, а затем основное внимание и средства были отвлечены для решения резко обострившихся социально-экологических проблем — спада производства, безработицы, инфляции. Таким образом, задача изобретения современного перпетуум-мобиле — переход от централизованной экономики к рыночной без спада производства и снижения уровня жизни — кабинету П.Романа оказалась не по плечу.

В сентябре 1992 года состоялись долгожданные выборы. Вакантное место премьера занял 49-летний финансист Николае Вэзэрою. Поскольку практически всю ка-

рьеру в «эпоху Чаушеску» он сделал в Государственном комитете планирования, пресса поспешила заклеймить его кабинет эпитетами «консервативный и антирыночный». Однако представленная вскоре премьером «Стратегия социально-экономической реформы» стала сюрпризом — она носила достаточно сбалансированный характер. В ней указывалось, что главное усилие следует направить на экономическую стабилизацию при одновременной — но уже вынужденно замедленными темпами! — перестройке экономических институтов. Хотя и удалось предотвратить гиперинфляцию, но спад производства и сокращение экспорта не позволяют накопить фонды, необходимые для продолжения реформы и оплаты ее социальной стоимости. Поэтому внешняя финансовая поддержка является решающим фактором для преодоления кризиса и продолжения реформы. «Злые языки» утверждают, правда, что в правительстве Вэзэрою кресла строго распределены между представителями различных экономических школ, и первым заместителем премьера-консерватора, лично ведающего производством, был назначен реформист Мишу Негрицою, которому и приписывалось авторство «макроэкономической части» программно-экономического документа кабинета.

Следующими шагами на пути реформы стали окончательная отмена государственных дотаций на основные продукты питания и коммунальные услуги (1 мая), а также введение налога на добавленную стоимость (1 июля). Обе эти меры, понятно, сопровождалась резкими скачками цен, взбодражившими население, несмотря на «уговоры» представителей кабинета. «Отмена субсидий и введение нового налога станут последним сильным шоком для населения, — утверждал управляющий Национальным банком Мугур Исэреску. — Мы рассчитываем, что вскоре последует финансовая стабилизация и мы возьмем инфляцию под контроль». Напрасно! Не возымели действия и посулы правительства обеспечатить 100-процентную индексацию, выплатить многочисленные компенсации и пособия. Власти имели неосторожность заявить, что потери населения от ликвидации субсидий будут покрыты полностью, но на резонный вопрос репортеров: «А какой тогда вообще смысл в повышении цен?» — у них ответа не нашлось.

Настоящая паника охватила людей, бросивших работу и домашние дела для того, чтобы накануне повышения цен совершить последние покупки. В булочных покупатели требовали сотни батонов, очевидно, собираясь

перепродать их, создать запас хлеба или скормить скоту. Штурмовались немногие бензоколонки, где топливо еще не успело подорожать. Словчили предприимчивые хозяева мясных лавок, которые повысили цены еще в апреле или припрятали товар. Было вскрыто более 5 тысяч подобных нарушений закона, в результате которых государство понесло убытки в размере 700—800 миллиардов лей. В мае в четыре раза подорожали хлеб, масло, молоко, на 50 процентов — бензин, а отопление в домах — в 9 раз! Хотя уровень нового налога и был определен в 18 процентов, в реальности цены подскочили значительно выше, поскольку ни производители, ни торговцы не считались с правительственными инструкциями. «Западные цены не очень-то подходят к нашим африканским зарплатам», — писала «Румыния либерэ». Действительно, хотя минимальная зарплата в Румынии с 17 тысяч лей (около 70 долларов) до 1 мая поднялась до 28 тысяч, все равно она не позволяла свести концы с концами. Кроме того, число безработных в стране достигло более миллиона человек, то есть почти 10 процентов активного населения. «Нищета усилит антиреформистские настроения», — писал «Курьерул национал», — а рынок будет отождествляться с неуверенностью в завтрашнем дне». В печати тиражировалась добытая каким-то пронирым-репортером платежная ведомость, в которой были проставлены зарплаты высших руководителей страны: президента — 186 200 лей (необлагаемые налогом как участника декабрьской революции 1989 года), премьера — 133 250 лей и так далее...

У правительства «не хватает рук»: оно налаживает производство, договаривается с профсоюзами, непрерывно угрожающими забастовками, и при этом еще пытается осуществлять антиинфляционную программу, поскольку группа экспертов МВФ, которая в течение нескольких месяцев вела переговоры в Бухаресте, уехала, так и не подписав соглашения о кредитах на 1993 год.

С иностранными инвестициями в Румынии дела обстоят не блестяще. Хотя по количеству созданных в стране смешанных предприятий с иностранным капиталом (27 тысяч) она прочно занимает первое место среди стран Восточной и Центральной Европы, этот рекорд отнюдь не радует экономических обозревателей. Причина проста: в большинстве случаев речь идет о фирмах с более чем скромными средствами. В зарегистрированных в Румынии компаниях «работает» капитал из 125 стран

У Дома правительства
1989 г. Фото автора



мира, но общая его сумма невелика — всего 704,3 млн долларов. Во многих из этих фирм уставной капитал не только ниже установленных законом 10 тысяч долларов, но составляет просто-таки курьезную сумму в несколько долларов. Несомненно, в таких случаях речь идет об иностранных мошенниках, желающих нажиться в Румынии при помощи различных махинаций, да о коррумпированных румынских функционерах, которые за взятку регистрируют подобные псевдофирмы.

В различных классификациях, публикуемых международными экономическими организациями, Румыния по степени привлекательности для западных предпринимателей занимает, как правило, одно из последних мест в Восточной Европе — перед Югославией, Албанией и бывшими советскими республиками. Что отпугивает серьезных инвесторов? Все чаще говорится о непоследовательности и беспорядочности мер по макроэкономической стабилизации. Звучат неприятные формулировки типа «реформа полумер».

Еще резче в своих оценках экономист — обозреватель «Свободной Европы» Щербан Орэску. «Плата за откладывание реформ в конце концов окажется больше, чем за их проведение, — убежден он. — Сегодняшняя Румыния — это экономический монстр, в котором сочетаются государственная собственность на средства производства и авантюризм, присущий дикому, карикатурному капитализму».

На улицах Бухареста вновь появились неоновые рекламы, красочные

витрины, замысловатые вывески. Открылось множество мелких частных магазинчиков, правда, пока нет филиалов больших европейских супермаркетов с громкими именами. Ассортимент товаров в общем-то бедноват, но зато цены удерживаются в разумных пределах — конечно, для румын, с их относительно высокими зарплатами, а не для заезжих российских коммерсантов, обменявших рубли на доллары, а доллары — на леи. Расплодилось небольшие ресторанчики с экзотическими названиями — «У красной змеи», «Синг-Синг», «Три клопа» и даже «Сладкая жизнь» (видимо, чтобы мы не забывали, что находимся в «маленьком Париже»). Вот здесь цены зависят только от фантазии патрона, и поэтому полезно проявить бдительность. Но самое главное — улетучилась, испарилась, растворилась забываемая беззаботная атмосфера начала 70-х годов, когда вечерние бухарестские улицы, казалось, источали пряный аромат наслаждения жизнью и даже с привкусом легкого балканского разврата. Ушла в прошлое приятная расслабленность, когда тебе улыбались прохожие. Сегодня, как и в Москве, здесь запросто можно нарваться на грубость, а лица людей, как правило, нелюбезны. Город будто охвачен лихорадкой, на всем лежит печать скоротечности — кто не успел, тот опоздал.

Как и в России, на словах в Румынии все — за реформу. Но когда нужно лезть в карман за бумажником, то протестам и возмущению нет конца. Вроде бы газеты растолковали суть рыночных преобразова-

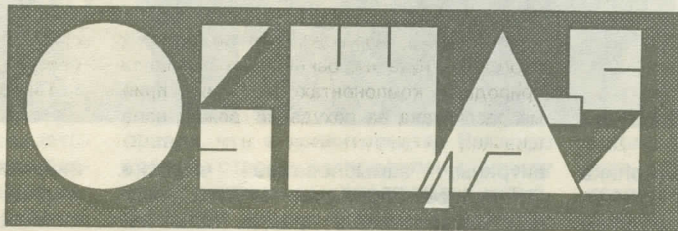
ний, необходимость и неизбежность жертв, вроде бы все поняли и согласились, но... Неистребимо человеческое стремление въехать в рай не молясь. И поэтому люди упрямо требуют, чтобы реформа улучшила их жизнь уже сегодня, а власти, в свою очередь, демонстрируют слабость и идут на популистские уступки. И каждый по-своему прав: ведь у обывателей свои заботы, а у правителей — свои. И тех и других можно обвинять в недалекновидности, но что поделаешь, если люди на протяжении столетий привыкли не доверять властям, не желают вникать в тонкости «макроэкономической теории» и живут сегодняшним днем? В конце концов реформа — это вопрос и национального характера, и не исключено, что румыны проголосовали за своеобразный мягкотелый «капитализм с человеческим лицом».

Ну а если взглянуть трезво и ответить честно, то новая жизнь в Румынии нравится многим. «Прежде, даже если у тебя и водились деньжата, все равно купить было нечего, — объяснял мне весьма среднего достатка инженер. — Теперь же хотя все и дорого, но всегда можно сэкономить, подработать, торговаться... Поэтому сегодня людям некогда. Уже никто, как раньше, не считает ворон, не философствует, не теряет времени попусту. Кто-то уехал на заработки, другой нашел вторую работу, третий просто подхалтуривает. Вы заметили, что перестали появляться новые анекдоты? Нет, хуже не стало, просто стало все по-другому».

Два года назад, когда в дни путча телевизионный экран был отдан „Лебединому озеру“, а демократическая печать запрещена, „Столица“ вместе с 10-ю другими изданиями предприняла выпуск „Общей газеты“.

Теперь Вы можете на неё подписаться.

У нас много общего:
ОБЩИЕ радости, **ОБЩИЕ** заботы
И
ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ



ГАЗЕТА

Наш подписной индекс 32138.

КОРПОРАЦИЯ



МОСКВА

**Покупаем комнаты,
квартиры и дачи
(можно неприватизированные)**

ОПЛАТА В ТЕЧЕНИЕ 2 ЧАСОВ

Расселяем коммунальные квартиры.
Покупаем жилплощадь с правом
пожизненного проживания, в том числе у лиц,
находящихся в экстремальной
ситуации.
Меняем большую на меньшую
с убедительной доплатой.

КОРПОРАЦИЯ



МОСКВА

Тел.(095) 369-95-15, 369-95-40, 369-95-49.

ПРЕДЛАГАЮ:

Грузоперевозки.
Тел. 405-01-02.



Русский язык и литература. Фундаментальная подготовка в вузы Москвы. Индивидуальные консультации. Опытный преподаватель.

Тел. 269-16-78.

Качественный ремонт и настройка пианино и роялей. Преподавателям ДМШ оплата льготная.

Тел.: 291-34-62, 442-96-69, Бронислав Ефремович.

Оригинальные композиции из цветов в интересующем вас стиле (для украшения офисов, квартир, презентаций и пр.).

Тел. 425-51-68.

Определение геопатогенных зон в квартире и на работе и простые способы их устранения. План помещения в любом масштабе и конверт с обратным адресом высылать: 690012, Владивосток-12, а/я 1262. Спонсор.

Настройка пианино, роялей. Цены умеренные.

Тел. 438-31-87.

Эмиграция в Аргентину. Документы на въезд.

Тел. (факс) (095) 955-34-09



Жалюзи солнцезащитные импортные на заказ с установкой.
Тел. 177-40-92.

Дистрибьютор фирмы «HERBALIFE» — уникальное лечение (похудание, омоложение, хронические болезни). ГЕРБАЛАЙФ — чудо американской медицины. В период лечения — 100-процентная гарантия бесплатного мед. наблюдения. Приглашаются врачи.

Тел. 151-84-52 (секретарь).

Herbalife — приглашаем к сотрудничеству организации и частных лиц для распространения уникального американского препарата для оздоровления, снижения веса, очистки организма.

Тел. (095) 522-05-41.

Гороскопы.
Тел. 125-33-03.

Бюро независимых дистрибьюторов американской корпорации предлагает эффективное питание из трав (производство США, Израиль). Это не диета, а программа питания, основанная только на природных компонентах. Методика приема рассчитана на похудание, режим наращивания мышечной массы и оздоровление.

Тел. 351-83-75.

ПМЖ в Австралии в обмен на квартиру.
Тел. 289-50-18.

УСЛУГИ:



Психотерапевт, кандидат психологических наук. Консультации по проблемам личной жизни, снятие эмоциональных стрессов.

Тел. 427-32-48.

Установка металлических дверей и решеток. Форма оплаты любая.

Тел.: 285-85-82, 406-21-16, 337-24-07.

КУПЛЮ:

1—2-комнатные квартиры.
Тел. 281-97-17.

Комнату, 1-комнатную квартиру.
Тел.: 279-36-03, 332-63-53.

ПРОДАЮ:

Квартиры в США.
Тел. 212-47-80.

«HERBALIFE». Скидки.
Тел. 177-46-86.

Участок на лесной поляне, 6 соток, хорошо осв., 2-эт. дом, 2 комн. (одна утепл., с чугунной печкой), закрытая терраса, 3 км от ст. Театральная (70 км) Белорусской ж/д. За 10 тыс. СКВ.

Тел. 498-61-14.

Автомобиль ВАЗ-21063, двигатель 1600, 1990 г. выпуска.
2000 ам. долл.
Тел. 928-70-17.

Престижных щенков добермана из авторитетного клуба «Апольда».

Тел. 461-96-54, эксперт-кинолог Беляков В.Ю.

Пианино «Рига» и письменный стол (полированный). Всё в хорошем состоянии

Тел. 333-17-31

2-комнатную квартиру, м. «Белорусская».

Тел. 332-63-53.

Ювелирные изделия с финифтью и самоцветными камнями мелкими партиями. Принимаю заказы на изготовление мелких партий украшений, в т.ч. с фирменным знаком заказчика.

Тел. 393-08-58, Михаил.

Часы «Cardi Vostok», механические, водонепроницаемые, противоударные, с кожаным ремешком, в футляре, гарантия.

Тел. 187-13-47.

МЕНЯЮ:

3-комнатную квартиру (45 кв.м., телефон, лоджия, 3-й этаж) в Веневе Тульской области на 2—3-комнатную квартиру или дом в Туапсе или Туапсинском р-не или 3-комнатную квартиру в Ярославле. Возможны варианты.

Тел. в Веневе (08745) 5-07-11, в Туапсе (86261) 68-6-95

1-комнатную квартиру и комнату на 2-комнатную.
Тел. 279-36-03.

Меняю участок на Южном берегу Крыма (8 соток с садом) с правом на прописку и застройку на «ГАЗ-3102».

Тел. 923-19-71. С 12.00 до 16.00, Мария.

Приглашаем студентов для работы в издательстве рекламными агентами, менеджерами по рекламе (с обучением).

Тел. 181-94-06.



ВВЦ ИЗМЕНИЛСЯ В ЛИЦЕ

В приснопамятные «за-стольные» годы миролюбивая советская общественность, помнящая, гордо именовала Выставку достижений народного хозяйства (ВДНХ) «лицом страны», всячески умиляясь ее размахом и величелием. Много с тех пор произошло всякого. Выставку включили в список памятников истории и культуры, потихоньку приватизировали, отдали на откуп торговцам, придумали новую, какую-то авиационно-медицинскую кличку — ВВЦ. А про гордые физиономические сравнения и вовсе позабыли. И совершенно напрасно. Ведь именно сейчас ВВЦ демонстрирует заинтересованному исследователю истинные, а не парадно-витринные достижения нашего хозяйства — во всей их парадоксальности и непредсказуемости. Во всем блеске нищеты.

Судите сами.

Павильон «Зерно». Германская фирма «Хайдек» бойко торгует косметикой, стиральными порошками, отбеливателями и прочей бытовой химией.

Это тем более странно, что в павильоне «Химия» химии как раз нет. А есть видеотехника. Если же покупателя не устраивает здесь выбор товара, он перемещается в «Советскую печать», где все — непечатанное, зато смотрительное и слушабельное: «Сони», «Самсунг», «Джей-Ви-Си». У «Геологии» профиль чуть уже — торгуют там только «Панасониками».

«Цветоводство и озеленение» — распродажа мебели «лучших европейских фирм» (как водится, любая европейская фирма, попав в Россию, тут же становится «лучшей»).

«Кролиководство и звероводство». Вот тут чуть теплее, чуть ближе к наименова-

нию. Продают меховые изделия — для зажиточных. Для не очень зажиточных — китайские куртки на пуху.

«Здравоохранение» — еще теплее. Здесь можно не только лекарства купить, но и проконсультироваться с врачом (хотелось бы взглянуть на того больного, который побежит лечиться не в поликлинику, а на выставку). В ассортименте также кожаные лампы.

«Физика» — светильники латвийской фирмы «ВЭФ».

«Москва» — литовские «Шиллясы», «Ле Монти», экстрасенс из Краснодара.

Знаменитый «Космос», краса экс-ВДНХ... М-да. Та часть павильона, где еще сохранились «Союзы» и «Салюты», закрыта на ремонт. А на свободных площадях торгуют иноземными автомобилями. Символично, ничего не скажешь. Примерно та же история — с «Образо-

ванием»: всевозможных ино-марок там столько, что хоть географию по ним изучай.

Самый необычный товар, на наш взгляд, — в павильоне № 68. Там торгуют обмундированием западных армий.

А «Торговля и товары народного потребления», по-настоящему, отданы брокерам.

Отчасти соответствующему своему предназначению (кое-что выставляется не только на продажу, но и «для души») павильоны «Культура» и «Минералогия».

Закрыты для посетителей в связи с капитальной реконструкцией: «Коневодство» (овес нынче дорог) и — ну конечно же! — «Атомная энергия».

Вот такие достижения. Вот такое лицо. Вот такая держава.

Сергей ЛАБАНОВ,
Кирилл РЫБАК

P.S. Глубокоуважаемые хозяева (они же — администрация) ВВЦ! Советуем вам в срочном порядке заказать в типографии тираж листовок со схемой выставки и подробной аннотацией — где что продается. Эти бумажки как раз и будут самым ходовым товаром.

P.P.S. Рассчитываем на свой процент с прибыли — за идею.

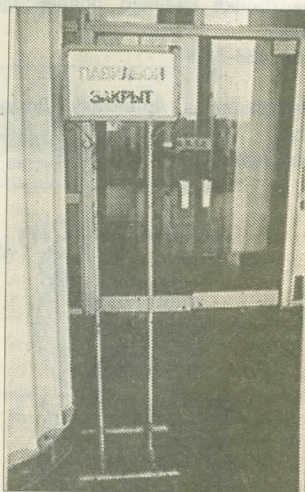
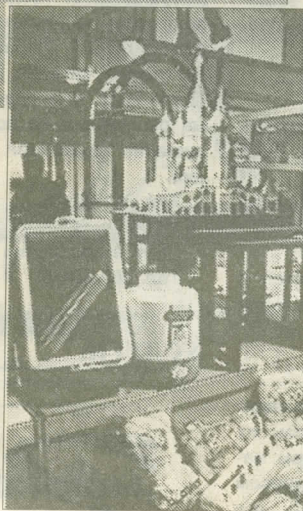


Фото О.Чумаченко

КОМАРИНСКАЯ. СО СМАЗКОЙ

Изворотливость западной технической мысли иногда поражает не только воображение наших людей, но и их кожный покров.

Группа туристов недавно отправилась в дикие леса Алтая. Дабы спокойно провести вечер у костра и ночь в палатке, они предусмотрительно взяли с собой мазь от комаров. Да не простую, а импортную, патентованную. Каково же было потрясение любителей леса, когда ночью их, обмазанных спасительным средством, буквально облепил кровожадный гнус. Как сообщает газета «Свободный курс», дело дошло до больницы, где пострадавшим растолковали, что зарубежные химикаты, учитывая нежелание человека отчаянно благоухать, изобрели состав, ПРИВЛЕКАЮЩИЙ кровопийцу: смазываешь им какой-нибудь предмет в створке — и все летучие твари там, а ты — спишь как младенец. Но в нашей стране не принято читать руководство к применению даже на родном языке, не говоря уж об иностранных.

Сергей ТЕПЛЯКОВ

УСТАЛА АЛЛА ОТ СТОЛИЦ

Из заслуживающих доверия источников, приближенных к Шестому хирургическому отделению (отделению пластической хирургии) Екатеринбургской областной клинической больницы, нам стало известно: пациенткой этого заведения стала недавно наша знаменитая эстрадная суперзвезда Алла Пугачева.

Обожгшись на молоке (всем памятна тяжелые последствия пластической операции в Европах), А.Б., видимо, дует теперь и на воду — избегает московских и питерских «кудесников скальпеля». Возможно, причины были и иные, но факт остается фактом: Пугачева ввела свое лицо, а также некоторые другие заметные части организма уральским хирургам. И те выполнили свою

работу на высочайшем уровне.

Уже на вторые сутки после операции Алла Борисовна появилась в коридоре отделения и, обворожительно улыбаясь, раздавала автографы поклонникам, которых и в больнице оказалось превеликое множество.

Олег ДУЛЕНИН

НАМ НЕ ДАНО ПРЕДУГАДАТЬ, КАК НАШЕ СЛОВО ОБЗОВЕТСЯ...

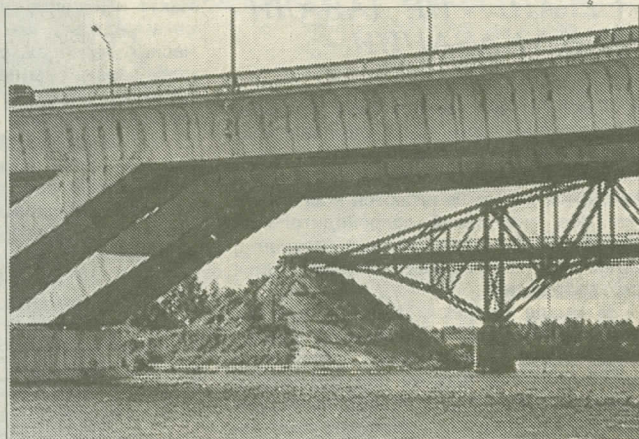
«Красноярская газета» (нечто вроде «Дня» краевого масштаба) неизлечимо больна «народностью», а потому ее сотрудники в подборе печатных выражений совершенно не стесняются. За два с половиной года со дня рождения газета стала зачинательницей нескольких крупных скандалов. Причем практически каждый из них наносил ей ощутимый материальный ущерб — по решению суда.

Вот самое свежее разбирательство.

Анализируя текущие события, «Красноярская газета» небрежно заметила, что популярная в крае телеведущая Марина Добровольская ведет обзоры новостей «с обезьяньими ужимками». Марина, понятно, не согласилась с такой оценкой — и отнесла заявление в нарсуд. Газета же, прознав об этом, поспешила направить официальный запрос на кафедру биологии местного института: является ли сравнение человека с обезьяной оскорбительным для кого-то из них? Медики были шокированы. Что они там ответили, журналистам узнать не удалось. Во всяком случае, заключение экспертов института оглашено не было.

Прозаседав три дня, суд признал иск журналистки правомерным и «приговорил» аполлодетов Чарльза Дарвина к штрафу в 800 000 рублей.

Еще судьи потребовали опубликовать извинение. И «КГ» откликнулась с максимальной оперативностью: на следующий же после окончания процесса день напечатала выразительный и ла-



ЗАВТРА БЫЛА КАТАСТРОФА...

Скоро уж десять лет, как по Дмитровскому шоссе через Канал им. Москвы перекинулся современный автомобильный мост. А вот на то, чтобы снести его «предшественника», давно отслужившего свой срок, видимо, времени и денег не хватило. Так что теперь он возвышается над водой абсолютно без пользы — ведет в никуда.

И ладно был бы просто бесполезен, так нет. Капитаны судов, проходящих под мостом, очень недовольны: на голову им то и дело падают увесистые железяки. Древняя, насквозь проржавевшая конструкция стала опасна — в любой момент может рухнуть.

Владелец сооружения — центр «Автодор» — все никак не соберется приступить к демонтажу. Наверное, ждет крупномасштабной катастрофы. Гром не грянет...

Фото ИТАР—ТАСС

коничный отклик: «Не обезьяна!»

Добровольская не признает этот выкрик извинением и подумывает о повторном обращении в суд.

Борис ЯРОВ

ВОЙНА — ДВОРЦАМ. И СТОЛБАМ

В деле растаскивания собственности не отстают от номенклатуры и рядовые граждане. Так, в Альметьевском районе (Татарстан) ограждения вокруг многочисленных нефтяных скважин очень популярны в качестве заборов для деревенских домов. Деталям насосов (с тех же скважин) рачительные хозяева тоже приращивают.

У горожан делу индивиду-

ального жилищного строительства неплохо служат заборы между дворами (до чего же бестолково в свое время кирпич расходовали!). Или вот мраморная облицовка Дворца культуры и техники нефтяников — на кухню в самый раз. И облицовки не стало.

Но всех прочих «приватизаторов» превзошел некий почти чеховский злоумышленник, спиливший дюжину телеграфных столбов вдоль железнодорожного полотна, вследствие чего на несколько часов остановилось движение составов по линии Бугульма — Набережные Челны. Пропавшие столбы были обнаружены на строительстве частного дома в селе Верхний Актас. Бревен, видите ли, не хватало...

Георгий КУЗНЕЦОВ,
«Вечерняя Казань»

«ОРГАНЫ» НЕ ДАВАЛИ МНЕ УКАЗАНИЙ

Я мог бы чувствовать себя польщенным: впервые вижу свою фамилию набранной таким крупным шрифтом («Арзамасцев в сфере культуры». «Столица», № 5), при жизни печатаются воспоминания обо мне, своей сопроводительной заметкой их снабжает литературовед С.Лесневский. Смущает только одно: страдает истина.

В начале прошлого года во все инстанции, имеющие отношение к музею-заповеднику А.А.Блока, поступило письмо группы бывших сотрудников с критикой в мой адрес. К нему была приложена и записка М.Ильиной (автора статьи в «Столице») о моей работе 20 лет назад в музее Лермонтова в Тарханах. Право, М.Ильиной как бывшему научному сотруднику Лермонтовского музея надо бы знать: в церкви Михаила Архангела никогда не было никаких фресок, нельзя было извлечь из фундамента кирпичный, а людская изба (не сарай) была восстановлена такой, какой представляется по имеющимся документам. Верх абсурда — сообщение Ильиной о причинах появления воды в склепе М.Ю.Лермонтова. Три специализированные организации, включая столичный институт «Спецпроектреставрация», бились над этой проблемой и с трудом нашли ее решение. А по Ильиной, «нашелся в окрестностях (!) старичок, который понял причину трагедии и отвел (!) воду».

Ильина очень любила своих подруг и не выносила директора. Поэтому им можно было хамить, орать на него, не возбранялось манкировать своими обязанностями, распивать водку в музейном парке, «болтать и греться чаем» в рабочее время, а директор не смел требовать соблюдения распорядка дня, выполнения плановых заданий и должной охраны музейных ценностей. Большое воображение Ильиной рисует причудливые картины, вроде той, когда директор раскладывает по карманам не только мелкие личные вещи Лермонтова, но и огромную дорожную шкатулку, которая не уместится и в объемистом портфеле.

Стоило посмеяться, когда я читал статью. Если бы не два абзаца в конце, в которых я обвиняюсь в сотрудничестве с КГБ, объявляюсь главным виновником смерти Л.Б.Магон, называюсь «чиновником по призванию» и непрофессионалом, который «многие годы чинит уничтожение культурных ценностей». Почтеннейшие! Такое надо доказывать более убедительно.

Как известно, о мертвых — или ничего, или хорошо. Л.Б.Магон действительно была способным, начитанным человеком, интересным собеседником. Сначала у нас были с ней добрые отношения, мы обсуждали не только напечатанный «Один день...» А.Солженицына, но и «Раковый корпус», который тогда

был известен по «самиздату». Литературные разговоры без всякой цензуры были обычными в нашем коллективе. Никто и никогда «из органов» не пытался выведать у меня сведения о политических взглядах сотрудников, тем более давать какие-то указания. Из-за неумения доводить любое дело до конца и попросилась Людмила Борисовна из методистов в экскурсоводы. А потом и Тарханы ей наскучили. Не надо вешать на меня всех дохлых кошек.

Газета «Московский комсомолец» напечатала фельетон «Грузите негров чемоданами», где на основании «воспоминаний» Ильиной предъявила мне претензии в том, что я в Тарханах «похмельно издевался над сотрудниками, стряпал политические доносы, заштукатурил фрески в церкви Михаила Архангела, погубил усадебный пруд, затопил гробницу Лермонтова». Суд признал все факты публикации в «МК» не соответствующими действительности, позорящими мою честь и достоинство и обязал газету опубликовать опровержение и выплатить мне компенсацию за моральный ущерб.

Что же касается профессионализма, не М.Ильиной и не С.Лесневскому судить об этом. Как-никак после ухода Ильиной из музея Лермонтова я проработал в системе культуры двадцать два года (с 1974 года — генеральным директором Объединения литературных музеев), не только довел Тарханы до уровня популярности, которой они пользуются теперь, но и перестроил музей В.Г.Белинского, создал музей А.И.Куприна, заложил твердые основы Литературного музея в Пензе, участвовал как руководитель и научный работник в организации более одиннадцати экспозиций, реставрации десятков памятников, напечатал более полсотни литературоведческих, научно-популярных книг и статей, защитил диссертацию по специальности «музееведение, реставрация, консервация и хранение художественных ценностей». Да и по музею Блока ни от непосредственного руководства, ни от коллег ко мне претензий нет.

С.Лесневскому удалось передвинуть дело о пожаре в земской школе в селе Тараканово поэтапно в три следовательские инстанции, но ни одна из них не обвинила в нем директора. Сегодня восстановление школы заканчивается, и в ноябре она встретит посетителей новой экспозиции.

Проблем у музея много. И если «Столица» на самом деле болеет за российскую культуру, она могла бы поставить действительно важный вопрос — о выделении средств на Шахматово, на восстановление погубленной в 1921 году усадьбы великого поэта по федеральной программе «Наследие» Министерства культуры РФ.

Валентин АРЗАМАСЦЕВ,
директор Государственного
историко-литературного и природного
музея-заповедника А.А.Блока,
кандидат исторических наук,
председатель Совета директоров
музеев Московской области

КАРАУЛОВ УСТАЛ

В «Моменте истины», показанном 23 августа по «Останкино», телезрители наверняка заметили некоторую усталость Андрея Караулова. В ходе передачи его собеседник, недавний член Политбюро ЦК КПСС Гейдар Алиев, взял инициативу в свои руки и использовал телевизионное время для доказательства истинного благородства своего партийно-чекистского прошлого. Оказывается, возглавлял долгие годы КГБ и КПСС Азербайджана, Алиев так много сделал для народа, что теперь масса людей настойчиво требовала его возвращения в Баку, а его «бесценный» командно-партийный опыт необходим сейчас Азербайджану как никогда, ибо пришедшие к власти демократы не умеют управлять страной. Однако Алиев не сказал ни слова о до основания разрушенных партийными чекистами материальных и духовных ценностях своего края. Да и ведущий передачи А.Караулов не осмелился спросить его, почему же при таком бурном партийно-хозяйственном развитии АзССР жизненный уровень народа тащился в предпоследних строках списка мирового стандарта даже в лучшие, процветающие годы застойного времени? Видимо, Караулов не только устал, но и не был подготовлен к разговору с опытным, хитрым чекистом высокого ранга.

Вообще, не только Алиев, но почти все гэбисты и партক্রаты гордятся своим прошлым опытом построения Великой сверхдержавы, хотя теперь всему миру известно, что эта держава состояла из архипелага ГУЛАГ и 280 миллионов вольнонаемных рабочих, крестьян и интеллигентов с жизненным уровнем африканских банановых республик. Даже в недавние застойные годы, когда уже были доказаны преступления Сталина, коммунисты убеждали нас в том, что именно благодаря сталинскому стилю управления страной была выиграна война. Однако многие уже давно знали, что, не будь Сталина и, вероятно, не было бы не только этой четырехлетней войны, но даже и самого бесноватого фюрера. Теперь этот факт доказан архивными документами и публикациями авторитетных ученых.

Так что вряд ли поможет странам СНГ партийно-командный опыт людей, подобных Алиеву. С помощью их опыта мы можем вернуться лишь к своему тоталитарному прошлому.

Л.ЗАКИРОВ

Казань



Ксения КЛИМОВА



ТАНЕЦ В ИНВАЛИДНОЙ КОЛЯСКЕ

— Чего ты так напряглась? Садись спокойно ко мне на колени, руку на плечо. Да не цепляйся когтями — не уроню. И ноги подбери, чтоб в спицы не попали. Ну, тронулись!

...И тогда он поднял коляску на задние колеса и медленно повернул ее. И я поняла, что такое настоящий Страх. Нигде — ни в каких окопах, темных подъездах и падающих самолетах — невозможно испытать такого первобытного ужаса, как этот, когда под тобой лишь шаткая опора, сверкающая спицами. Мир качался перед глазами и размыто искрил на поворотах. Пол, нестерпимо далекий, парил, то приближаясь, то отдаляясь, и каждое па казалось последним. Все, сейчас полетим. Сейчас грянет спиной вперед мой партнер, а я рухну сверху на него тушей, и сообща мы вновь сломаем ему уже однажды сломанный позвоночник. Возможно, тогда он прекратит ернически ухмыляться и советовать мне расслабиться. Пусть только скорее кончится это издевательство, это вращение-верчение...

Еще поворот! Господи, как жутко танцевать в инвалидной коляске! Господи, как страшно в ней жить.

ЗАТАКТ

Сюда не забредали ни Дант с Вергилием, ни посетители адских сборищ «У ЛИС Са». Такое и произнести трудно, а не то чтобы вообразить: дискотека инвалидов. Здесь не танцуют — пляшут. Здесь есть свой бомонд — я сама встречала одного русского австралийца, одного министра и десяток англичан, не говоря уж о простых богатых покровителях. Увидеть, как двадцать человек кружатся в колясках под шлягер последней новизны, дано редко и не каждому. В Москве — раз в год, когда загадочная организация с расхожим названием «Преодоление» устраивает в одном из корпусов Измайловского гостиничного комплекса лагеря или сбо-

ры для инвалидов.

Три года назад шведский реабилитационный центр пригласил нескольких наших инвалидов в лагерь, где люди с физическими недостатками учились по специальной методике жить нормальной человеческой жизнью. Шведы не ожидали ответного размаха. Вернувшись, эти несколько не только основали «Преодоление» и стали регулярно и в разных городах устраивать сборы, но и наладили выпуск уникальных колясок «активного типа», которые раздают участникам сборов даром. Как им это удается, без производственных площадей, без комплектующих, — уму непостижимо.

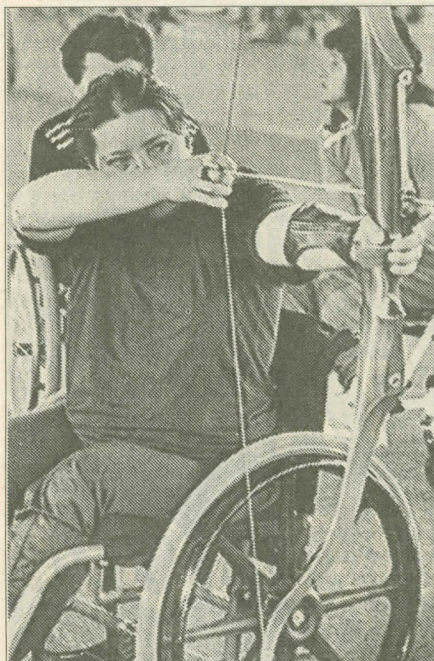
С помощью «Преодоления», нанявшись на сборы работать кем-то вроде помощ-

ницы, я и внедряюсь в пространства неузаченной страны «Диз-эйбл». Проникнуть сюда так же трудно, как прижиться в резиденуре иностранной разведки. В связи с чем все ниженаписанное можно считать абсолютно несекретными разведданными.

Донесение 1. Страна «Диз-эйбл» и ее обитатели

Довожу до вашего сведения, что все написанное до сих пор об инвалидах с употреблением слова «милосердие» является плодом лжи или пагубных заблуждений. Умный и тонкий противник, каковым можно считать каждого жителя страны (мы бы назвали ее «Инвалидией», в цивилизо-

УТРО



ванном мире — «Диз-эйбл», что соответствует английскому «ограниченная возможность»), не нуждается в проявлении унижающих чувств. Он гораздо сильнее каждого из нас психологически. Страдания развивают в нем нечеловеческое терпение, а боль учит никого не подпускать на расстояние удара. Население страны — десятая часть всех жителей Земли.

Следует признать, что инвалиды давно презрели мир здоровых и совершенно сепарировались. Они имеют свою культуру, дома, автомобили, предметы быта и даже города в миниатюре — реабилитационные центры, где все устроено по их усмотрению. В стране «Диз-эйбл» есть свои политики, герои, легенды, проводятся свои съезды и конференции при участии собственных международных организаций, обладающих значительным влиянием.

Непосвященные полагают, что ввиду бедности материальной культуры в нашей стране инвалидам остается только развивать свой фольклор да юмор, переходящий в сарказм. Но именно у нас инвалиды раньше были необычайно богаты. Еще тридцать лет назад они владели предприятиями Промкооперации и приписанным к ним движимым и недвижимым имуществом. Сегодня, пока инвалидные политики требуют вернуть утраченное, в массах зреют свои влиятельные магнаты. Они ездят за границу и возят с собой спонсоров и государственных чиновников с целью привлечь их на свою сторону. Существуют инвалидные организации, вращающиеся огромными капиталами. Одна из них, «Аппарель», год назад дурачила всю страну азартной игрой в биржу. Выманив у простаков кучу денег, «Аппарель» устроила международный фестиваль инвалидов и легла на дно. Точка. Прием.

Утро начинается со стука. Две медсестры стремительно несутся по параллельным коридорам 19-го этажа, где живут участники сборов, и колотят подряд во все двери. Сигналом к подъему мне служит ритмичное бряканье коляски и шелест колес по ковру. Это значит, что моя соседка инструктор Лида вскочила в седло, похватила свои вещички и унеслась в ванную. А мне надо вскакивать и спешить. Иначе я упущу Игорешу.

Каждое утро я ловлю Игорешу. Пронюшу мимо кучки колясочников, изучающих расписание на сегодня: кому из лука стрелять, кому в теннис играть, — прыгаю в лифт, достигаю ресторана. Ага, тут он, родимый. Жует что-то меланхолично. Но я знаю, что стоит мне зазеваться — Игореша исчезнет. Фантастически упрямый парень. Каждый день умоляю его подождать, чтобы вместе проделать путь от гостиницы до спорткомплекса, то есть помочь ему, толкая коляску, и всегда он уезжает один. Притаскивается на тренировку, измочаленный дорогой, и уже не в силах ни поднять коляску на задние колеса («баланс»), ни толком пройти хоть один тренажер. Инструкторы-колясочники, Лида и Васька, похоже, руками на него махнули, прочно зачислив в категорию «пофигистов». А Игореше просто трудно. Потому что десять лет назад, рухнув в шахту лифта, он ухитрился не только разбить затылок и сломать позвоночник, но и задеть при этом шейный отдел, что осложняет работу рук.

Игореша уникам еще и по другой причине: у него есть дочь. Рождение ребенка в семье, где папа — спинальник, равно чуду. Когда Игореше и его жене стало ясно, что чудо станет реальностью, они метнулись в клинику, где оперируют легендарные хирурги, вытаскивали из операционной одного из них и упали в ноги. Ведь если Игорь способен иметь ребенка, значит, спинной

мозг будущего папы не совсем разорван и, может быть, есть шанс на удачную операцию, способную вернуть Игореше ноги?

Хирург оказался честным человеком. Он позвал Игорешу в кабинет и интимно спросил: слушай, а ты правда кое-что можешь? Правда, у тебя получается? Игореша поклялся, что правда. Тогда хирург такое загнул матом и прибавил: мотай отсюда быстро и никогда никому под нож не ложись! И ко мне не ложись, потому что еще никому в мире не удалось срastить спинной мозг. Сроду такого спинальника не видел. А что имеешь — можешь потерять запросто.

Донесение 2. Спинальники, основные экологические характеристики

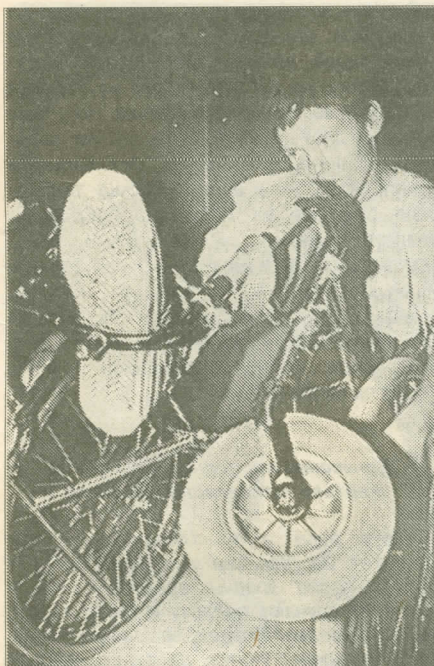
Спинальников, или людей с переломанным позвоночником, легко опознать по содержанию сумок, болтающихся позади колясок. В сумках находятся: банки, платки и масса неизвестных предметов из резины и трубок. Причина в том, что поражение спинного мозга влечет за собой не только отключение ног, но и проблемы с функциями некоторых органов. Дополнительные признаки: возможно наличие мешка с просом в качестве подушки в коляске (ввиду отсутствия специальных противопролежневых подушек).

Среда обитания — везде, куда удадется проникнуть на коляске.

Не надо полагать, что все спинальники — жертвы войны в Афганистане или глобальных катастроф и землетрясений. Ряды спинальников регулярно пополняются за счет любителей быстрой езды (автокатастрофы) и высоты (падения из окон домов и производственных сооружений).

Есть и редкие случаи точных попаданий твердых предметов на позвонки. Молодого мужчину жена буквально стрясла с яблони. В сердцах она трянула дерево, и сборщик урожая упал спиной на край скамейки. Молодая женщина шла в кино, когда попала каблуком в решетку канализации, упала, а бордюрный камень пришелся





ся бы он замечательно, если бы одного из основных, из «преодоленцев», не обуяла гордыня.

Гордыня охватила Александра Евдокимова после обеда. Он решил, что поймал бога за бороду и никакие лестницы ему теперь не страшны. После обеда он не стал, как все нормальные люди, ждать лифта, а смело подвалил к краю широкой мраморной лестницы, поднял коляску на баланс и запрыгал вниз. Рядом, раскинув руки на манер японского актера, пошел двуногий страховщик.

Рванули к перилам лестницы иностранцы, засверкали фотовспышки. Ахнула официантка. Высунулся из дверей ресторана мэтр. Евдокимов скакал, как заведенный, со ступеньки на ступеньку, неторопливо впечатывая большие колеса коляски в ненадежную опору. Маленькие колеса парили в воздухе. Внизу он спокойно опустился на все четыре, царственно кивнул и покатил через холл.

Все бы хорошо, но гордыня обуяла Евдокимова вторично. После ужина он решил повторить шоу, но уже без страховки. А судьба таких штук не прощает.

Как он грохнулся, не видел никто из своих. Его поймали и вернули в коляску

ей как раз на поясицу. Дети прыгали с крыши сарая в снег, куда кто-то выбросил старый таз, угодивший одному из прыгунов под спину. Инструктор «Преодоления» Лида нашла свой камень (наверное, единственный во дворе), приземлившись с балкона, где развешивала на веревке белье.

И президент страны легко мог стать спинальником, пострадав однажды во время жесткого приземления самолета. По мнению экспертов, легкое нарушение координации движений является типичным при таких травмах.

Шансы на излечение у людей с поражением спинного мозга пока равны нулю. Полагают, что легче пришить голову, и она некоторое время будет жить.

ДЕНЬ

День на сборах посвящен улучшению породы пострадавшего человечества. Представители «хомо спиналиса» буквально преобразились. Во всех концах огромного манежа седоки отважно ставят коляски на баланс, въезжают на горки, скатываются, прыгают со ступенек и лазают вверх и вниз по лестнице. Если в первые дни двуногим помощникам приходилось кого-то страховать, а кого-то и уговаривать, и ловить по углам, то к концу сборов чуть не каждый, кому пытаешься предложить помощь, орет: не трогай, я сам!

Сам так сам. Девочки-помощницы, все сплошь почему-то красивые и длинноногие, ввиду своей ненужности забрались на здоровенный кубообразный мат и блаженствуют на нем. В провалах соседнего столь же глобального мата мелькают смуглые руки и колени. Там медсестра Дина сосредоточенно целуется с Мишей, по общему мнению, вылитым Бельмондо в молодости. Не день, а малина. И закончил-

парни из «секьюрити». Но итоги падения удручали: они были скрытыми и потому особенно зловещими. Одна рука совершенно отказалась сгибаться и дико болела.

В койку Евдокимова переселяли двое здоровых мужиков, гарантируя ему горькую судьбу не только спинальника, но еще и шейника. Социальными последствиями его шоу были: неучастие в соревнованиях по гонкам в Киеве и в Московском марафоне, ранний отъезд со сборов и невозможность станцевать на дискотеке. Сам он присутствие заносчивой гордости в себе начисто отрицал. Может, и правда, за что его винить, жертву?

Донесение 3. Спинальники как жертвы тоталитарной системы

Год назад в нескольких западных газетах был опубликован рассказ о том, как восемь инвалидов в колясках ворвались в швейцарский банк и наскоро его ограбили. С добычей они умчались в ближайший скверик, где спокойно дождались полиции. На вопрос, зачем они это сделали, главарь банды ответил с чарующей наших инвалидов простотой: чтобы привлечь



внимание к проблемам людей с физическими недостатками, чтобы доказать, что мы такие же, как все.

Поскольку наши инвалиды живут в стране тотальной убежденности, что надо быть, КАК ВСЕ, то достичь, догнать, доказать и быть еще «как все» они стремятся с большим упорством, чем западные. Трое жертв этой горе-истины, трое инвалидов-марафонцев, сейчас машут руками, как крыльями птицы, крутя колеса колясок по дорогам Европы. Предварительно они отмахали путь в 11 тысяч километров по российскому бездорожью. Уже были приняты на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, уже получили орден из рук лично президента, а стремление стать «буревестниками» все не угасло. Они делают по сотне километров в день, ломая крылья, теряя перья.

При грамотно организованной рекламной кампании на их порыве можно было бы и заработать. Но, скорее всего, на этот пробег уйдет уйма денег, а сам он быстро будет забыт. Потому что не имеет ничего общего с нормальным стремлением пострадавшего человека восстановить не только свои силы, но и свои права в обществе.

Заниматься восстановлением прав и чувства собственного достоинства в нашей стране инвалидам приходится чаще, чем в иных, опять же по причине тотального убеждения, что если ты инвалид, то еще и придурок. Вот почему множество пострадавших людей решаются на отчаянные путешествия и безумные, с точки зрения двуногих, поступки.

ВЕЧЕР

— Рано ты на дискотеку спешишь, красавица. Девчонки еще только перевязки пошли делать.

Начало бала обычно бывает размы-



тым. Столы накрыты, тарелки с арбузами, персиками и пирожными расставлены с равномерной аккуратностью, кучки бутылок пепси торчат на белых скатертях через каждые 2,5 метра, а танцоры все не собираются. Уж въехал в зал директор «Преодоления» Дима Сениуков, с наполеоновской улыбкой окинул взглядом поле сражения с собственной немощью. Остался удовлетворен.

Наконец у стола на сцене утвердился, обставленный техникой и обвешанный наушниками, диск-жокей Гена. И грянул бал.

Тут что ни личность, то уникам. Гена побывал на всех концертах звезд в «Олимпийском», переписывается с английским драматургом, мыслит цитатами песен и редких поэтов. Когда он восседает на возвышении, высокий, с прической в виде длинного хвоста сзади, и окидывает публику мглистыми взглядами, сравнить его можно разве что с проповедником, представляющим паству. Для меня — загадка, как он справляется со множеством тумблеров, регуляторов, кнопок музыкальной аппаратуры. Потому что Гена — глубокий шейник, а это значит, что и руки у него действуют плохо, по крайней мере в кистях.

Донесение 4. Подвид — ласторукие

Шейники — люди с поврежденным шейным отделом позвоночника — отделяют себя от всех спинальников. Шейники всю жизнь платят за мгновения полета, причины их несчастья сплошь в сфере падений и ныряний вниз головой. Есть и виртуозы: один ухитрился воткнуться головой в землю, врезавшись на мотоцикле в фонарь. Диск-жокей Гена вошел головой в пол на уроке физкультуры.

Руки шейников представляют собой сложное сочетание рук пианистов и ласт водных животных: они тонки, изящны и пластичны, но почти не поддаются управлению. Трудно удержать вилку, почти невозможно — стакан. Однако шейники достают ключ, отпирают машину, перемещаются на сиденье, заводят мотор и уносятся вдаль. При этом кисти их приходится закреплять на руле с помощью различных приспособлений. Шейника Сергея Берковского — одного из основателей «Преодоления» — приглашают для участия в ралли инвалидов в других странах именным приглашением.

Особая отличительная черта шейников: разбойный шрам наискосок на передней поверхности шеи. Шрам свидетельствует: врачи были настолько упорны в своих намерениях исправить позвонки, что подкапывались к ним со всех сторон. По некоторым данным, шрамы изготавливают лишь в одной московской больнице, и побывавшие там могут считать себя братьями по дыре в шее.

Он все-таки полетел на пол, Васька. Давно к этому стремился. Или это день та-

кой, с усиленным земным притяжением: то Евдокимов махнул с лестницы, то двое американцев вознамерились помочь Лехе-шейнику, да и вышибли его из коляски по неумению, теперь вот Васька. Но у последнего девиз: не упадешь — не сплывешь. После очередного музыкального вопля «что такое осень» Васька так весело очутился на полу, что продолжал плясать плечами, лицом, руками, валяясь плашмя. За компанию к нему рыбкой метнулся другой инструктор, Володя, и еще кто-то. Они бы устроили жуткую кучу-малу, да музыка кончилась. Вот что такое осень. Отвязались. Сборы достигли своей цели и апогея.

Донесение последнее. Еще раз о жертвах тоталитарной системы

Хирург верит в нож. Спинальник в нож не верит. За границей уже через два-три месяца после травмы средней тяжести человеку вручают коляску и говорят: все, живи по-новому. Владей, весь мир для тебя. И он живет, учится, работает, заводит друзей, путешествует... У нас значительная часть сил уходит на бесполезную надежду на операцию, которая позволит встать. Зачем поддерживать пустые надежды?

Тем, кто навсегда перешел в сидячее положение, остаются две географические точки, связанные с понятием «реабилитация»: Дикюль в Москве и город Саки в Крыму. Реабилитационный центр Дикюля недавно объявили обычной поликлиникой с перспективой ее закрытия. Крым далек. Кто же здесь, дома, скажет: живи? «Преодоление» — одно, и сборы — только дважды в год. Если отчаяние приходит чаще — жди до следующих сборов.

НОЧЬ

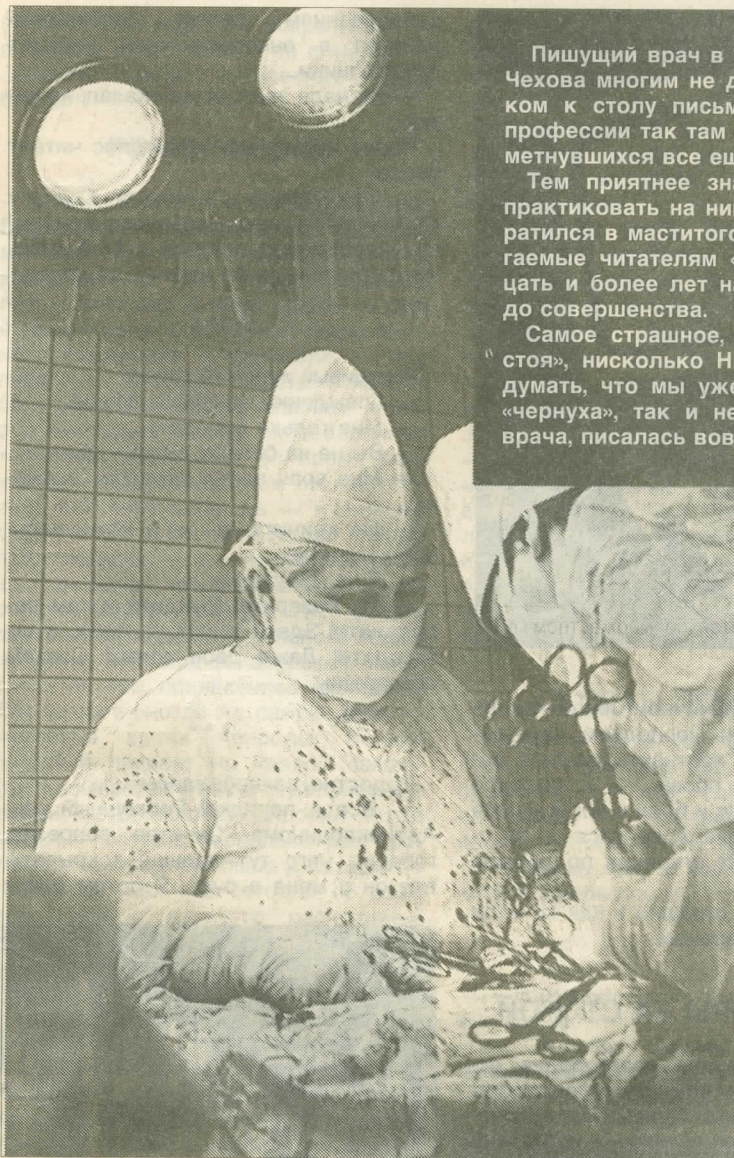
Ночью мне снится стена. Длинная, обитая ржавыми железными листами с криковыми заклепками. Я бреду вдоль стены, разыскивая лазейку. И плача царапаюсь в нее голыми руками. За стеной — страна «Диз-эйбл».

Фото В.Кантора, Ю.Владимирова

Пишущий врач в нашей стране — это уже традиция. Лавры доктора Чехова многим не дают покоя, от стола операционного толкая прямоком к столу письменному. Отдельные представители этой древней профессии так там и остаются. Но, слава Богу, не все, поэтому у переметнувшихся все еще хватает читателей.

Тем приятнее знать, что Никита Данилов продолжает с успехом практиковать на ниве медицины и из начинающего врача давно превратился в маститого. А вот публикация у него — первая. Хотя предлагаемые читателям «записки» записаны доктором Даниловым пятнадцать и более лет назад. Будем считать, что он все привык доводить до совершенства.

Самое страшное, что все, подмеченное Даниловым в расцвет «застоя», нисколько НЕ УТРАТИЛО АКТУАЛЬНОСТИ. А ведь так хочется думать, что мы уже начали, хоть немножко, движение вперед. Ведь «чернуха», так и не сумевшая отвлечь от медицины начинающего врача, писалась вовсе не ради дешевого эпатажа...



Никита ДАНИЛОВ

НЕЛЬЗЯ УМИРАТЬ НА КОЛЕНЯХ

Записки начинающего врача

Доктора те же адвокаты с той только разницей, что адвокаты только грабят, а доктора и грабят и убивают...

А.П.Чехов. Иванов

БОЛЬНИЦА

В терапевтическом отделении профессорский обход. Профессор маленький, еще не старый, любит поговорить и пошутить.

— Да тут у вас передозировка строфантина. Мерцание, экстрасистолы, потом фибрилляция и смерть. Мы, конечно, не станем говорить, что его убили врачи, а сам он сказать не успеет...

— Дадим мономицин. Он оглохнет. И вы всю жизнь будете платить, потому что он имеет право на вас жало-

ваться. Но ничего не поделаешь, лечить надо...

— Лечение гормонами — вещь серьезная. Он у вас погибнет от гормонов, но погибнет и без гормонов. Так что продолжайте лечение...

— А это хороший пример эффективности нашей терапии: температура — антибиотики, бронхит — антибиотики, пневмония — антибиотики. И вот сейчас, наконец, хроническая пневмония — опять антибиотики. Десять лет уже получает антибиотики...

А недавно в отделении умер молодой парень во время бронхоскопии. Он и в первый раз ее плохо перенес, а на второй — умер. Видно, не нужно было делать. Профессор об этом ничего не сказал. А медсестра Мира, которая до последнего момента не отходила от парня, вдруг исчезла. Через несколько дней кто-то ездил опознавать труп в областной морг. Ее нашли за городом, в лесу. Покончила

с собой. Строфантином.

Заплывший отеком усатый грузин в маленькой одноместной палате эндокринологического отделения. Под кроватью пять пар тапочек, подоконник заставлен бутылками с боржомом, на тумбочке пироги и икра. Умирает от уремии. Его уже никто не лечит — смерть запланирована.

Промываю желудок. Грузин говорит о смерти — он смирился с этой, всем очевидной, мыслью. От промывания сначала отказывался — я долго объяснял, что это нужно, что поможет. После процедуры вдруг обнимает меня:

— Может быть, я буду жить? Буду?

Я сначала молчу, растерянный от неожиданности. Потом начинаю повторять утешения, пытаюсь ободрить. Блеск надежды в глазах. Мне стано-



вится страшно, ведь он уже был готов к неизбежному.

Яркая брюнетка с широкими бедрами и в плохо натянутых черных колготках. Заведует терапевтическим отделением. Сейчас, когда врачи в отпусках, приходится ей самой писать истории болезней:

— Плохо я умею писать. Раньше всегда только контролировала и требовала, а сейчас самой приходится, — жалуется она мне.

Заполняют дневники вместо нее сестры, буфетчицы и сами больные. Чего только там не написано! Но зато каждый день подробно, по схеме, а названия всех дорогих и дефицитных лекарств, не говоря уже о наркотиках, выписываются на каждой странице неумело детским почерком на смеси русского с латинским. Состояние у всех больных получается средней тяжести, а у бабушки 84-х лет с раком яичника — удовлетворительное, и жалоб нет, и аппетит хороший.

— Почему, — спрашиваю.

— А я завтра ее выписываю.

Советуется со мной по поводу больного с подагрой:

— Что бы ему еще назначить? Может быть, унитиол? Только я не дочитала инструкцию — он ураты выводит? Да нет, наверное, не выводит. Лучше аскорбинку с глюкозой будем колоть...

Жалуется:

— Такие больные все непонятные!

Конечно, контингент больных в спецкорпусе особый: одинокие старики или просто люди, захотевшие от-

дохнуть на больничном листе, вроде как в санатории. Последним, действительно, трудно поставить диагноз, зато с первыми проще — и высокое РОЭ, и зуд кожи, и боли в ногах — все от атеросклероза. А лечится он трудно, вот и лежат старички по два-три месяца...

Господи, как страшно и как хочется быть хорошим врачом...

РАЗГОВОРЫ ЗА СТЕНОЙ

Тонкая фанерная перегородка отделяет учебную комнату от онкологического кабинета. Прием там в понедельник, среду и пятницу — в эти дни приходится разговаривать вполголоса, иначе в стенку резко стучат, а потом появляется в дверях сам онколог — бледный нервный еврей лет сорока с черной бородкой и высоким, постоянно раздраженным голосом. А иногда приходит сестра — небольшого роста, пожилая, с худыми морщинистыми руками, и дружелюбно уговаривает нас вести себя потише.

Когда я остаюсь в комнате один, я слушаю разговоры за стеной.

Женский голос, читает:

— Гражданину Пятеркову Степану Сергеевичу в связи с подозрением на опухоль легких необходимо явиться в онкологический кабинет поликлиники...

Мужской голос, раздраженно:

— Не надо этого, не надо!

— Ну тогда так: гражданину Пятеркову Степану Сергеевичу в связи с

заболеванием легких необходимо явиться в онкологический кабинет поликлиники...

— Не надо этого, я же сказал, не надо!

Через минуту женский голос читает снова:

— Гражданину Пятеркову Степану Сергеевичу в связи с заболеванием легких необходимо явиться в 14-й кабинет поликлиники 24 марта к 10 часам...

Визгливый женский голос:

— Гражданка, закройте дверь!

— Мне только передать...

— Вы не на базаре, здесь кабинет!

— Мне врач велел передать выписку...

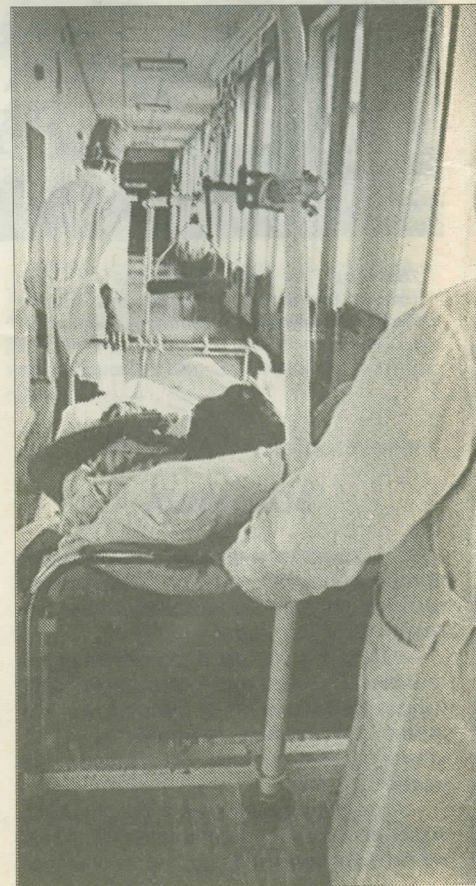
— Не кричите, вы не в коммунальной квартире!

— Я на минуточку...

— Не базарьте! Выйдите и там передадите! Здесь голый человек, а вы заходите! Даже двое голых! Совсем обнаглели...

Радостно, захлебываясь:

— Все в порядке! Роскошный рак! Аденокарцинома. Санитар разрезал, говорит: чего тут дальше вскрывать, вот он у меня в руке. Я потом сразу



ушла. А там еще того вскрывали... — понизила голос, ничего не слышно, — ...видите, какие интересные вещи бывают!

РЕАНИМАЦИЯ

Сегодня опять пили за упокой души. Владимира Ивановича. Футболиста, мастера спорта. От него остались в холодильнике три бутылки боржома, груши, виноград. А яйца, сырые — еще с воскресенья, с прошлого трупa. Яичницу поджарили в кастрюле — под перцовку здорово пошла. Сначала брезговали, особенно маслом, которое вытащили из-под окровавленных тампонов, брошенных во время реанимации на прикроватном столике. Но ведь все пережарилось — и яичницу съели с большим аппетитом. Глупые предрассудки — грех выкидывать пищу. Тем более, что хозяин умер. А для родственников всегда в запасе прекрасная версия: у больного перед смертью прорезался зверский аппетит, и он все, принесенное ими, съел. Так бывает иногда на самом деле — жестокая шутка природы. Кстати, прошлый пациент на «малой земле» (так называется у нас в отделении малая шокковая палата) попросил перед смертью молока: несколько раз просил, да все недосуг было дать, другое отвлекало. Как раз сегодня об этом вспомнили с каким-то раскаянием: нужно было дать. Может быть, важнее исполнить последнее желание умирающего больного (да еще такое простое, что даже не обращаешь на него внимания), чем реанимировать его из академического интереса и гордиться потом какими-то успешно выполненными манипуляциями, чувствуя удовлетворение от того, что встопел...

Владимира Ивановича случайно обнаружили мертвым: кардиомонитор исправно посылал звуковой сигнал, тревога не сработала, а на койке лежал уже труп. По абсолютной неподвижности сразу отличаешь от живого, ведь глаз подсознательно фиксирует мельчайшие незаметные движения.

Возились над трупом с каким-то пьяно-разухабистым возбуждением — галдели на все отделение, смеялись, кричали друг на друга, матерились и кощунствовали, — но до конца пытались уловить мельчайшие признаки жизни, никому не пришло в голову отступить, пожалев себя или грешное растерзанное тело. Яростно-кровожадная радость заранее обреченной борьбы со смертью захватила всех, радость безнадежного отчаяния — каждый помнит, что и ему суждено когда-нибудь преклониться перед всемогущим смертью. А потом,

бросив все в кроваво-бесформенном хаосе, пошли гурьбой пить перцовку в ординаторскую. И долго еще подчеркнуто пьяными голосами старались перекричать друг друга и включенный на полную мощность радиоприемник, матерясь и хохоча уже без стеснения.

Фельдшер Игорь отвез «пассажира» в морг, заработав свой дежурный троак. В отделении постепенно наступала тишина, а когда все уже стали разбредаться спать, Игорь, вдруг посерьезнев, спросил, дает ли мне что-нибудь эта работа, для опыта или для души. Я задумался. Потом мы пожелали друг другу спокойной ночи — и отделение затихло, только ритмично сигналил кардиомонитор, вспыхивала в такт пульсу красная лампочка и неуловимым зигзагом прыгала на экране осциллоскопа кривая кардиограммы, подобная маленькому зеленому ангелу, охраняющему покой спящих.

СКОРАЯ ПОМОЩЬ

Берем в больницу одинокую бабушку. Общая квартира, на двери бабушкиной комнаты большой навесной замок. Это участковый велел повесить: «Чтобы знать, где ты ешь. А то помрешь там, а нам придется мучиться, дверь ломать...»

— Дайте мне сесть, я умираю, дайте мне сесть!

— Нельзя, бабуля, подождите, нельзя сейчас садиться.

— Не могу лежать, мне сидя ды-

шать легче, я умираю, дайте воздуха! — Нельзя, бабуля, нельзя.

Нельзя умирать сидя, не положено ни в коем случае. А что старуха умирает — ясно каждому, в том числе врачу бригады интенсивной терапии, который приехал нам на помощь. Но главное знать, от чего человек умирает — снимаем кардиограмму. Старуха хрипит, на губах пена, сами губы почти черные, лицо синевато-пепельное. — Бабушка, подожди, не двигайся!

Агония — это ведь тоже движение. Старуха пытается встать, последний раз сообщает о том, что всем очевидно: кричит сквозь прерывающееся дыхание о смерти — и вот конец: старуха сразу вдруг успокаивается, дыхание становится тихим, спокойным (непотребная шутка природы — улучшение перед смертью) — и прекращается вовсе, чтобы потом уже за смертельной чертой вырвалось несколько безобразно-хрипящих судорожно-глубоких вдохов. Тут мы все набрасываемся на старуху — затыкаем ей рот и нос неудобными и нескладными дыхательными приспособлениями, доктор интенсивной бригады со всей силой месит бабушкину грудь, тцетно стараясь сломать ей хоть несколько ребер (показатель эффективного массажа) на пружинящей мягкой кровати, а весь вид его говорит — да умри же ты, сука, поскорей и наверняка — и месит, месит с остервенением. Приносят из кухни и подкладывают большую доску для теста — наверное, для полного уже сходства.

Когда все кончили (старуха еще пыталась продонуть сквозь мешанину давящих и душащих ее рук — или мне только показалось), доктор интенсив-



ной бригады, с улыбкой наклонившись ко мне, тихо сказал: «Не долго мучилась старушка в поповских опытных руках». Я должен был понимающе улыбнуться и закивать в ответ.

После бабушкиной смерти доктор стал опять спокойным и самоуверенным, мы закурили и стали знакомиться...

Выезжаем из ворот подстанции, а нам машут: «Там женщину сбило!» Переход на Садовом кольце, поперек стоит машина, около нее несколько человек, сумка валяется на асфальте, а в стороне тело мешком на боку, с поджатыми ногами, лицом к асфальту, слишком гладкому, когда на нем неровностями своими лежит человек. Юбка задрана, никого поблизости. В машине смотрим — нет дыхания — глаз сразу фиксирует особую трупную неподвижность. Успели уже позвонить и получить Лефортовский морг, когда я вдруг заметил, что платье слева на груди вздрагивает. Послушал — глухие ритмичные удары, которые дико слышать у трупа. Засуетился, зачем-то схватил капельницу. В это время забирается в машину доктор с шоковой бригады, сразу уже настроившись: «Труп?» — «Нет, еще бьется...» Не верит, слушает, без особого энтузиазма пытается наладить искусственное дыхание, но не получается и аппаратура неисправна. Слушает опять: «Черт, автомат какой-то!» Сердечные тоны стихают. «Кто хочет попрактиковаться в реанимации?» — предлагает доктор. Перегружаем труп в их машину, доктор беспокоится, чтобы не забыли сумку: женщина, похоже, приезжая и сумка тяжелая... Мой шофер ругает — зачем отдал такой лакомый кусочек. А у меня настроение отвратительное, хотя и безнадежно была женщина.

Молодой мужчина лежит в коридоре с накинутым на голову ватником. Мать плачет, брат помогает отнести тело на кровать. Когда кладет, рука

опускается неожиданно плавным движением. Брат настораживается, я успокаиваю уверенным голосом, а сам долго еще мучаюсь — а вдруг живой?

Приехали на отек легких, заходим, увешанные аппаратурой, — на столе гроб, в нем аккуратно лежит виновник торжества. Только цветы еще положить не успели. Поздно приехала скорая помощь.

...Бабушка на кухне у батареи. Идет газ, на плите сгоревшая каша. Тело еще теплое. Сын просит отвезти в морг — сейчас вернется внучка из школы. Намекали, что нужно заплатить, — не понял. Отвезли, но потом шофер с фельдшером хотели вернуться и набить ему морду. Еле отговорил.

Труп старухи, сын в офицерской форме, спокойный. Подвязали у трупа челюсть, закрыли глаза. Уходя, немного помедлили в коридоре — получили три рубля. А офицер остался в пустой квартире ночью с мертвой мамой.

Едем на вызов по проспекту Мира. Передним колесом на тротуаре стоит скорая с вмятым передком, номер знакомый, трубка от рации висит, еще слегка покачиваясь. У кабины растерянный знакомый шофер. Спросили у него — говорит, их уже увезли. Когда вернулись на подстанцию, узнали: доктор Наташа — с тяжелым сотрясением мозга и фельдшер Галка — с ушибами. Наташа бывший патологоанатом, хороший диагност, боится чужой боли и крови. Невысокая плотная женщина с простым симпатичным лицом. Держалась немного особняком, но отзывчиво и дружелюбно, не сумев или не захотев скрыться за нагло-латинской скоропомощной манерой поведения. Троллейбус неожиданно притер их машину к тротуару, и они влетели в столб... На ско-

рую Наташа пришла случайно, на несколько месяцев, но хотя с самого начала ей везло на тяжелые вызовы, подумывала уже остаться навсегда. Понравилась работа.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

В лицо мягкий ветерок, в конце января уже пахнущий оттаивающим весенним городом — тающим снегом, размокшей землей, именуемой здесь грязью, горьковато-пряным нежирным бензином. Подставляешь лицо освежающей прохладе, как подставляешь лицо и рот прохладной чистой струе воды. Мерцает гамма запахов. Вот настоящий древесный дымок, вот откуда-то печеная картошка, вот вспыхнул сухим прутиком дым прохожей сигареты. Это город — грязный, утомительный, шумный, но ставший для нас всем: лесом, рекой, полем... Это жизнь — путаная, спешащая, утомительная, мерцающая гаммой чувств, ставшая для нас всем: любовью, творчеством, радостью и горем...

Ни к чему трудная гордость и верность идеалам — в конце концов все приходит к простой мудрости доброй человеческой жизни, сам факт которой чудо и великое благо, и в предсмертной агонии мерцают образы и мысли, скрытые от всех под отвратительной маской беспомощного, жалкого человеческого страдания, но открытые всем через простую мудрую доброту жизни.

Я люблю жизнь, я частичка ее. Ярываюсь лицом в подушку, в душистые женские волосы, в ворох полевых цветов, подставляю его влажному мягкому ветру, теплым каплям дождя, медленно выплывающим из темноты огромным легким снежинкам, устало опускаю его на предплечья лежащих на столе рук, стираю с него слезы, пот, тихонько трогаю разбитую бровь, брею щеки, сцарапываю с губы прилипшую бумажку от сигареты.

И нет места беспокойной тоске и страху.

Москва, 1972—1979 гг.
Фото Э.Кудрявицкого

Рекламный центр еженедельника «Столица» приглашает рекламных агентов для работы по всем видам рекламного обслуживания.

Вознаграждение 10%.

Тел. 928-83-40.

Еженедельник «Столица» приглашает распространителей на выгодных условиях!

**Контактные телефоны: 925-73-09,
928-27-69.**

Редакция выдает разрешение на распространение.

«ЛЕ МОНТИ» ДЛЯ МАРИНЫ

Год назад мы уже писали о Марине Парусниковой и возглавляемой ею фирме «Марина» («Столица», № 38, 1992). Год в жизни фирмы — это очень много в наше динамичное время. Поэтому нам показалось интересным рассказать, чем же живет Марина Парусникова и ее «Марина» сегодня. Оставалось только договориться по телефону о встрече. Но на звонки мне неизменно отвечали: «Марина вышла в магазин». Что за чушь, подумал я, почему президент солидной рекламной фирмы проводит рабочее время в магазине, а сотрудники сообщают об этом как о чем-то само собой разумеющемся. Наконец, все прояснилось. Оказалось, Марина Парусникова открыла СВОЙ магазин.

— Марина, какие наиболее существенные события произошли в жизни твоей фирмы за прошедший год?

— Ну, во-первых, мы перерегистрировались и стали индивидуальным частным предприятием, несколько видоизменив при этом название фирмы. Теперь мы называемся «Марина Парусникова и компания», что должно уберечь нас от появившихся фальшивых «Марин». А во-вторых, открыли свой магазин, рядом с нашим офисом, буквально в соседнем подъезде.

— А как же реклама, презентации, конкурсы, шоу? Пройденный этап?

— Совсем нет. Рекламная деятельность и, в первую очередь, телевизионная реклама, благодаря чему мы получили известность и популярность, продолжают оставаться одним из основных направлений нашей работы. Не оставляем мы и сервисный бизнес — организацию презентаций, пресс-конференций. Правда, подготовить и провести на хорошем уровне больше чем одно-два крупных мероприятия в месяц просто физически невозможно. Продолжаю вести и передачу «Козырная дама», в которой я рассказываю о преуспевающих в области бизнеса женщинах. Передача для меня — творчество, отдушина. Я ведь люблю журналистику и никогда ей не изменю.

— А как появился магазин, снимающий сейчас, насколько вы успели понять, utility ваших сил и времени?

— Мы проводили презентацию радиостанции «Надежда», генеральным спонсором которой была фирма «Ле Монти». На ней я и познакомилась с президентом «Ле Монти» Леоном Гандельманом. Ему понравился уровень нашей работы, и мы начали сотрудничество в области рекламы. А через некоторое время Леон предложил мне открыть маленький эксклюзивный магазин, пообещав поставлять небольшие партии товаров, которые будут только в нашем магазине. А у нас как раз было неиспользуемое помещение, правда, совершенно в запущенном состоянии, таком, что мы уже не надеялись освоить эту площадь. И идея эксклюзивного магазина заглянула мне настолько, что мы привели это помещение в надлежащий вид, восстановив в нем отсутствующие по-

лы, коммуникации, отделали стены деревом и получили очень уютный зал. И назвали мы наш магазин «Ле Монти для Марины». Конечно же, одна с таким хозяйством я бы не управилась, и здесь мне очень помогают мои сотрудники — управляющий магазином Евгений Игнаткин, генеральный менеджер Владимир Марков, бухгалтер-экономист Ольга Шолохова. А часть хлопот, связанных с презентациями, взял на себя мой заместитель Алексей Богач.

— Марина, а для кого твой магазин, на какой круг покупателей он рассчитан?

— Я сразу оговорюсь, что магазин наш — исключительно дамский, причем его ассортимент ориентирован как раз на деловых женщин. Ведь в своей передаче я немало уделяю внимания тому, что носить, как одеваться, как подбирать обувь к тому или иному платью. Кроме того, я веду из магазина репортажи, рассказывая о том, как начать свое дело, как получить, скажем, валютную лицензию, как открыть кафе, магазин. Из «первых рук» все это легче объяснить, да и доверия у людей больше, когда они видят, чего можно добиться. Я как бы привожу эксперимент сама на себе. И мечтаю, что у меня будет уютный дамский салон, посетители которого не будут торопиться с покупками.

Я надеюсь, что наши продавцы — а это молодые девушки и юноши, никогда раньше в торговле не работавшие, — проникнутся моей идеей. Мы работаем, как все нормальные магазины во всем мире, без выходных, без перерыва на обед, с 11 утра до 7 вечера, правда, в воскресные заканчиваем на два часа раньше. Ведь выходные — самые удобные для обстоятельных покупок дни.

— Есть ли еще какие-то особенности в работе вашего магазина?

— Ну, например, покупки стоимостью свыше трехсот тысяч рублей можно оплатить по безналичному расчету. В оплату мы принимаем как валюту, так и рубли, причем по официальному биржевому курсу. Кроме того, сотрудники фирмы могут доставить покупки на дом. Некоторые мужчины, делая подарки своим дамам, предпочитают этот способ вручения. Такого сервиса легче достичь в маленьком магазине, где мы стремимся узнать каж-



Фото В. Кантора

дого покупателя, сделать его нашим постоянным клиентом. Если дама не нашла нужного ей размера, то мы заполняем специальную карточку и стараемся, чтобы через неделю этот товар был. Вообще же, мы получаем новый товар два раза в неделю.

— А что вы можете сказать о ценах?

— Я думаю, что на Западе некоторые вещи могут стоить дороже, чем у нас. Мы работаем с поставщиком напрямую и к тому же торгуем на условиях консигнации. То есть мы не делаем наценки на поставляемый товар, получая проценты своей прибыли с общей суммы реализации. Поэтому наши цены не завышены, хотя и совсем дешевыми их не назовешь. Но наши покупательницы — это уже достаточно состоятельные люди, прежде всего мои телезрительницы, деловые женщины, приходящие купить представительский костюм или вечернее платье.

Постоянными покупательницами уже стали певицы Ирина Отиева, Тамара Гвердцители, Лариса Долина, актриса Наталья Варлей, советник президента Екатерина Лахова. Это также и жены предпринимателей, они чаще приходят с мужьями, долго выбирают, советуются. И покупают, как правило, не одну вещь.

— Что бы вы пожелали нашим читательницам?

— Посетить наш магазин, а читателям — привести сюда к нам своих жен и девушек.

Вадим КАНТОР

Адрес магазина
«Ле Монти
для Марины»:
Рыбников пер., д. 2/6.
Тел. 924-66-08;
928-56-95.

Как известно, нравы в среде русской творческой эмиграции — те еще. Известно также, что на критику со страниц отечественных изданий эмигранты реагируют крайне болезненно. С другой стороны, некоторые наши издания до сих пор включают «зеленый свет» перед любым обосновавшимся на Западе соотечественником, полагая, очевидно, что Запад плохого не держит. Увы, это не так.

В № 51 «Столицы» за прошлый год читатели могли прочесть статью Я. Могутина «Блеск и нищета «американской публицистики», в которой на богатом фактическом материале рассматривалось щедро публикуемое российскими средствами информации творчество малоизвестного в США, но чрезвычайно амбициозного эмигрантского публициста Льва Наврозова. За статьей Могутина последовал, естественно, ответ Наврозова, сопровождаемый многочисленными (по телефону, факсу, в письмах) требованиями опубликовать его в полном объеме и как можно скорее. Мы попросили выступить в роли арбитра нью-йоркского журналиста Владимира Козловского. Используя в качестве литературного приема форму некролога, он своим «ответом на ответ» температуру полемики отнюдь не снизил. Дорожа читательским вниманием, оба текста предлагаем в сокращении. И заранее сообщаем всем заинтересованным сторонам, что на этом в дискуссии ставим точку.

Лев НАВРОЗОВ

ГРЯДУЩИЙ ПАРТХАМ

Мои московские читатели прислали в Нью-Йорк копию статьи Ярослава Могутина о мифическом чудовище, носящем мое имя («Столица», № 51, 1992 г.). Они считают, что текст Могутина — это, прежде всего, нагромождение нелепой лжи. Например, он пишет про меня, что «из номера в номер «Известий» и «Московских новостей» появляются его пережеванные в тысячный раз «статьи». Слово «статьи» Могутин закавычивает, как делала это «Правда» полвека назад по отношению к врагу, ибо статьи врага — это не статьи, а, как выражались следователи ГБ, бумагомарательство. «Известия» называют меня американским публицистом. По всему тексту Могутин закавычивает это название в духе разящего сарказма сталинской «Правды».

Могутин легко, нагло и безостановочно лжет как в отношении того, что известно любому читающему газеты москвичу, так и когда дело касается того, что в Москве проверить более трудно: так он залихватски сочинил, что «Нью-Йорк дейли ньюс» издается «сектой религиозных фанатиков-мунитов», а это не менее нелепо, чем утверждение, что «Правда» основана апостолом Павлом.

Все мои московские читатели полагают, что на статью Могутина должен ответить я сам. С другой стороны, мои литературные знакомые высказались против того, чтобы я отвечал Могутину, ибо любой ответ на «хулиганскую выходку» (как выразился один из них в разговоре со мной из Москвы по телефону) ни к чему, по их мне-

нию, не приведет.

И все же статья Могутина достойна внимания. Дело в том, что она говорит больше о нынешней России, чем тома научных исследований или вечерняя программа московского телевидения за весь год. Начнем с того, что на Западе такая статья невозможна. Печать резко делится на элитарную и бульварную (желтую). Но является ли статья Могутина бульварной (желтой) в западном смысле? Отнюдь нет. Бульварная периодика тоже борется за бульварных читателей, как элитарная за читателей элитарных. Мыслители, поэты, ученые никак не могут быть темой бульварного чтива потому, что бульварному читателю они неинтересны. Тема бульварного чтива — спортсмены, звезды экрана, известные преступники и вообще «знаменитости», то есть те, которых «все знают», и прежде всего их половая жизнь, роскошь, развлечения, необычайные происшествия с ними, причем факты тут имеют не большое значения, чем в статье Могутина, но вымыслы должны быть забавными, «пикантными», изобретательными, а не вымыслами Могутина в духе лживой сталинской «Правды», газеты ни бульварной, ни элитарной в западном смысле этих слов, а называемой на Западе «самой скучной газетой в мире», несмотря на всю ее лживость.

Многие российские издания, как я писал в российской прессе еще прошлой весной, не стремятся привлечь ни бульварных, ни элитарных читателей. До 1991 года советская печать существовала не для читателей, а для диктатуры. Старая

олигархия рухнула в конце 1991 года, а новой диктатуры (еще?) нет. Но многие российские издания существуют опять же не для читателей, а ради тщеславия чиновников, составляющих их штат (и, конечно, их закадычных дружек). С точки зрения западного или российского элитарного читателя, статью Могутина мог написать любой советский обыватель с семиклассным образованием. В статье нет ни одного живого слова, ни одного живого образа, ни одной мысли, ни одного остроумного замечания (если не считать таковым непристойность в эпиграфе). Статья — ниже уровня любого клеветнического пасквиля «Правды» полвека назад, ибо Могутин чересчур хамит, лжет чересчур грубо, обзывает врага всеми презрительными именами на свете чересчур усердно и вообще пишет, как начитавшийся «Правды» семиклассник, а не как профессиональный работник «Правды».

В старые советские времена хулиганить позволялось лишь работникам ГБ по отношению к подследственным, а клеветать — лишь работникам советской печати по отношению к врагам. То есть все эти «темные силы» были заключены в единую централизованную систему государственных канализационных труб. В конце 1991 года трубы лопнули, «темные силы» разлились, многие издания превратились как бы в маленькие «советские союзы», получив возможность хамить, как ГБ, а клеветать, как сталинская «Правда».

Я написал статью, где «главный тезис», согласно Могутину, заключается в том, что «переводы на английский Бродского, Симонова, Пастернака, Тихонова, Вознесенского и других звучат как одинаковая галиматья». Но чего же в этом «главном тезисе» обидного для Бродского и других? Даже Сталин не обижался, когда ему доносили, что переводы его произведения не на уровне. И ведь Бродский или Вознесенский могли бы выступить в печати. Увы, Могутину возможность такого поиска истины в отношении переводов перечисленных выше поэтов даже не приходит в голову. Ликуя, он пишет: «Единственной реакцией Бродского на эту статью была просьба к Эдуарду Лимонову при первой же встрече дать «американскому публицисту» в морду».

И всего-то? Но ведь на случай прихода сталинизма к власти в России сталинист Лимонов назначен, по его собственному заявлению, министром безопасности «теневого кабинета». Могутин не упоминает этого, ибо его статья, видимо, и вызвана необходимостью оклеветать меня, чтобы обелить будущего министра безопасности после моей статьи о нем в «Известиях». Так или иначе, если Лимонов станет министром безопасности в условиях сталинизма, у него будет множество следователей, которые, если надо, не только дадут в морду всем критикам переводов поэзии Бродского! Правда, Лимонов может вдруг приказать американским агентам своего ГБ дать в морду и самому Бродскому. Утащив его из США, а?

Текст Могутина напоминает противоречивый, насквозь лживый, полуграмотный протокол следствия сталинского ГБ. Без сомнения, подобные же протоколы будут писать следователи министра безопасности Лимонова. Как и полагается, я,

подследственный, заведомо виновен во всем, причем мои грехи, пороки и преступления — взаимоисключающие. Например, с одной стороны, я жаден, пронырлив, несметно богат и влиятелен. Даже в России меньше чем за год я проник, вопреки бдительности русского народа (Могутина), в ведущую периодику, которая печатает меня «из номера в номер» и стала для меня «выгодным рынком сбыта». Что же еще можно ожидать от лица «еврейского происхождения», как выражается Могутин в духе «Правды» 1952 года? Возникает даже подозрение, что настоящая моя фамилия не Наврозов, а Рабинович. Мое замечание в том интервью, которое цитирует Могутин, что по старым российским законам я — российский дворянин, он опускает как к следствию отношения не имеющие.

С другой стороны, я, согласно следствию, пребываю в такой нищете, столь глубоко презираем в США и так завидую Лимонову, будущему российскому министру безопасности, а пока что якобы преуспевшему в США изобразителю своей половой жизни с помощью чистого русского мата, что даже сурового Могутина проши-

бает скупая следовательская слеза: ему меня «становится жалко».

Следствие идет. С одной стороны, я, согласно следствию, лишен скромности, которую Ленин и Сталин, два самых скромных человека в истории человечества (не считая Лимонова и Могутина), без устали превозносили. Правда, тут я смогу сказать Могутину, если не самому министру безопасности, следующее. Гражданин следователь, поймите снисхождение. Вы установили, что меня сравнивают с «Мильтоном, Марком Твенном, Оруэллом и прочими в одном лице». Но ведь это не я пишу или говорю. Это все Беллоу, Хук, Роберт Масси и подобные им западные писатели, мыслители, ученые. Ужас, что они пишут и говорят, гражданин следователь. Вот читайте: «Лев Наврозов определенно один из самых выдающихся умов в истории человечества». Да за такое расстрелять мало. Расстреляйте их всех, гражданин следователь. Расстреляйте прежде всего 100 западных рецензентов моей предыдущей книги, редакторов 500 западных журналов, опубликовавших мою статью «Что знает ЦРУ о России», и весь конгресс США за

то, что он «вчитал» свыше 20 моих статей в протоколы конгресса. Расстреляйте редакцию «Нового мира», «Дружбы народов», «Известий», «Московских новостей» и всех остальных российских газет, журналов и книжных издательств, которые публикуют или собираются публиковать меня. Расстреляйте всех моих читателей на Западе и в России, а предварительно дайте им всем в морду.

Но, конечно, все это лишь гнусное заpiresательство подследственного, заведомо виновного в страшнейшем советском преступлении: нескромности.

С другой стороны, я, согласно следствию Могутина, более чем скромнен — я сказал: «Мы, графоманы, все-то пишем...» Сам, падла, признался в том, что графоман. И даже в морду ему ни разу дать не понадобилось.

...Что ж, текст Могутина — свидетельство в пользу того, что сталинизм вернется. Но вопрос еще в том, кто кому тогда даст в морду с полной для себя безопасностью: Могутин Лимонову или Лимонову Могутину.

Владимир КОЗЛОВСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЕ О НАВРОЗОВЕ

Читать Наврозова было как ходить по размазанной на асфальте жвачке, и я бы поостерегся приставлять его тексты к гигиеническим надобностям в опасении, что потом не отдерешь; взять хоть его тягостный ответ Ярославу Могутину, охавшему его (местами, впрочем, и за дело) в московской «Столице» году, кажется, в 1994-м, нет, 1993-м. Тягототина Могутина, впрочем, тоже была не без справедливых упреков: тот и впрямь перепутал издававшуюся корейским проповедником Мун Сон Меном жалкую «Нью-Йорк сити трибюн», напечатанную до своего закрытия львиную долю навровозских американских статей, с нью-йоркской «Дейли ньюс» или лукаво выгораживал нашего общего знакомого Лимонова, чьи книги издавались «Глаголом» (к которому Могутин имеет отнюдь не косвенное отношение). Бродский-де прошил Лимона расквитаться с Наврозовым. Однако Лимон возвел на Бродского еще худшую поганку в «Амulette», поэтому записывать его в заступники Бродского было нечестно. Но, как когда-то ядерные державы, Могутин с Наврозовым пребывают в состоянии этического паритета: первый закладывает продюсершу Люси Джарвис как «любовницу» художника Купермана, хотя она при всей своей внешней непригожести — замужняя дама, тогда как второй по своему обыкновению следует в полемике блатному призыву: «Ты че, обиделся?! Так набери в рот дерьма и

плюй на нас!» У меня скопилось тонна вырезок с навровозскими наскаками на Довлатова, Лосева, Сахарова, которого публицист называл «прощенным холопом», и других людей: везде набрал в рот и знай себе плюется! «Лучше Наврозыча дерьмом никто не плевал!» — уважительно вспоминают мужики у нас в НьюЙоркшине.

Перед тем как разбиться насмерть, упав со сцены Китайского театра в Голливуде, где ему вручили «Оскара» за усовершенствование американской публицистики, социологии, политологии, геополитики, историософии и капрофагии, Наврозов выделил из себя необыкновенное множество слов (по-английски — главным образом прилагательных, хотя пособия по стилистике приказывают их беречь), но я оставлю их анализ на будущее, а сейчас помяну наши встречи, ибо Наврозов умел оставить о себе сильное впечатление, как переехавшая поездом собака или бьющийся на тротуаре эпилептик.

Из наших редких, но насыщенных Наврозовым встреч больше всего врезалась в память дискуссия (или «дебат», как любит выразиться наш герой, на английский манер уплотняющий это слово в единственном числе), произошедшая в июне 1988 года между «советскими представителями» (Анатолий Ананьев, Александр Флярковский, Алексей Арбатов и белорусский биолог членкор Анатолий Лобанок) и «представителями эмиграции» (Алек-

сандр Янов, Наврозов, биолог Александр Гольдфарб, издатель «Нового русского слова» Валерий Вайнберг и автор этих строк, впоследствии описавший происходившее в «Слове», откуда и берутся цитаты в этом мини-мемуаре; настоящие воспоминания будут обширнее, ибо Наврозов так же неисчерпаем, как и атом).

Поскольку «дебат» в основном финансировался малотиражной «Нью-Йорк сити трибюн» (вконец испортившей навровозский стиль, так как публициста там почти не редактировали и он одно за другим нанизывал прилагательные, как баранину на шампур), ведущий Григорий Винник первым преодолел слово Наврозову, начавшему по-английски, на котором он изъясняется хорошо, но с противным акцентом. На первый взгляд, английский в такой компании был ни к чему, но Наврозов целил, по его словам, на большую американскую прессу, которой в актовом зале гостиницы «Дорэл» не оказалось, несмотря на его присутствие и исторический характер диспута между советскими и эмигрантами (Наврозов печатался в США не только в покойной «Нью-Йорк сити трибюн», но и в еврейских журналах «Комментари» и «Мидстрим», в принадлежавшем его сыну Андрею журнале Йельского университета и в ряде консервативных изданий, и поэтому его самоназвание «американский публицист» не вполне самозванно, однако он прошел по Америке стороной, как проходит косой дождь, оставшись практически безвестным: спросите у любого американца, и навровозское имя оставит его в недоумении. Сенатор-республиканец Джесси Хелмс однажды распорядился, чтобы две дюжины созвучных ему идеологически статей Наврозова из «Нью-Йорк сити трибюн» были внесены в протоколы конгресса, но это prerogative любого конгрессмена. При жизни Наврозова почти не знали за пределами узкого круга американских консерваторов, а сейчас и вовсе забыли, хотя в России продолжают выходить его посмертные публикации, так покоробившие Могутина, хотя,

казалось бы, они одного поля ягоды).

«Наши оппоненты, видимо, все члены партии и будут выступать единым фронтом, — заметил Наврозов, — а вот среди эмигрантов единства нет, потому что среди нас, например, г-н Янов, который больше звучит как «Правда», чем сама «Правда», и является представителем либерально-демократического истеблишмента США».

Арбатов обратил внимание на то, что Наврозов читает заготовленный текст, и заметил, что тот, очевидно, привез с собой на Запад «скверные советские традиции» — «развешивать политические ярлыки и читать по бумажке». Наврозов опять открыл рот, как ведущий перебил его: «Только по-русски, пожалуйста». «По контракту я должен говорить по-английски», — возразил Наврозов, но тут же сменил гнев на милость, и его начала, наконец, понимать аудитория, на 97,3 процента состоявшая из эмигрантов.

«Откуда взялся Горбачев?» — начал он. «Откуда все», — вставил Арбатов. «Через труп Машерова!» — заявил Наврозов, чей тезис свелся к тому, что перестройка была делом рук КГБ.

Профессор Янов, человек добрый, но простодушный, начал экскурс в историю Государства Российского, но Наврозов, постоянно перебивавший всех выкриками с места, перебил и его: «Российская империя никогда не обманывала Запад! Это ваша стряпня!» «Невежество — не аргумент», — парировал Янов. «Вы клеветник, вы клеветаете на Российскую империю!» — крикнул Наврозов.

«Меня всегда умиляло, когда еврейские националисты заступаются за Российскую империю», — с улыбкой встал ведущий Винников. «Во-первых, я русский дворянин! — закричал Наврозов. — Свинья! Советский холоп!» Винников извинился.

«Давайте прекратим эту невежественную болтовню!» — сказал несчастный Янов. «Профессор кислых щей! — парировал Наврозов, а хозяин ресторана «Русский самовар» Роман Каплан, синхронно переводивший все это безобразие для 2,7 процента аудитории, вышел из положения, передав «профессор кислых щей» как «бортш профессор». — Болтун и клеветник! Вы советский болтун!»

«В этом месте, — написал я в репортаже в «Новом русском слове», — у меня появилось желание попроситься за советский стол».

Лукавый Гольдфарб обратился к Наврозову как к дворянину. «Нет, я по матери еврей! — закричал тот. — Ни русского дворянства, ни еврейства я не отдам никому, и вам, Гольдфарб!» Гольдфарб, который ни на что такое не претендовал, не стал настаивать, и Наврозов сохранил в тот вечер и то и другое с тем, чтобы унести с собою в результате падения со сцены Китайского театра.

Его положили под камень, а на камень написали: «Единственный эмигрант, который был готов печататься за рубли». Одним из его последних предсказаний был правый переворот в России в декабре 1992 года.

Иногда мне не хватает его, но эта фантомная боль скоро проходит.

«Советская Россия остается, к большому разочарованию западных аналитиков и советников, имеющих самые добрые намерения, той же загадкой, о которой говорил Уинстон Черчилль почти столетия тому назад. Как и тогда, сейчас это мешает пониманию природы и пути этой уникальной страны. Пришло время исправить этот недостаток».

Так пишет американский студент Роберт Эдье, побывавший недавно в Москве. В своих небольших эссе, которые мы публикуем сегодня, он вовсе не претендует на обобщения, но зорким взглядом постороннего замечает те «кажущиеся мелкими и незначительными» штрихи, которые нам уже примелькались, но без которых общая картина всегда бывает неполной.

Роберт
ЭДЬЕ

О БАНАНАХ

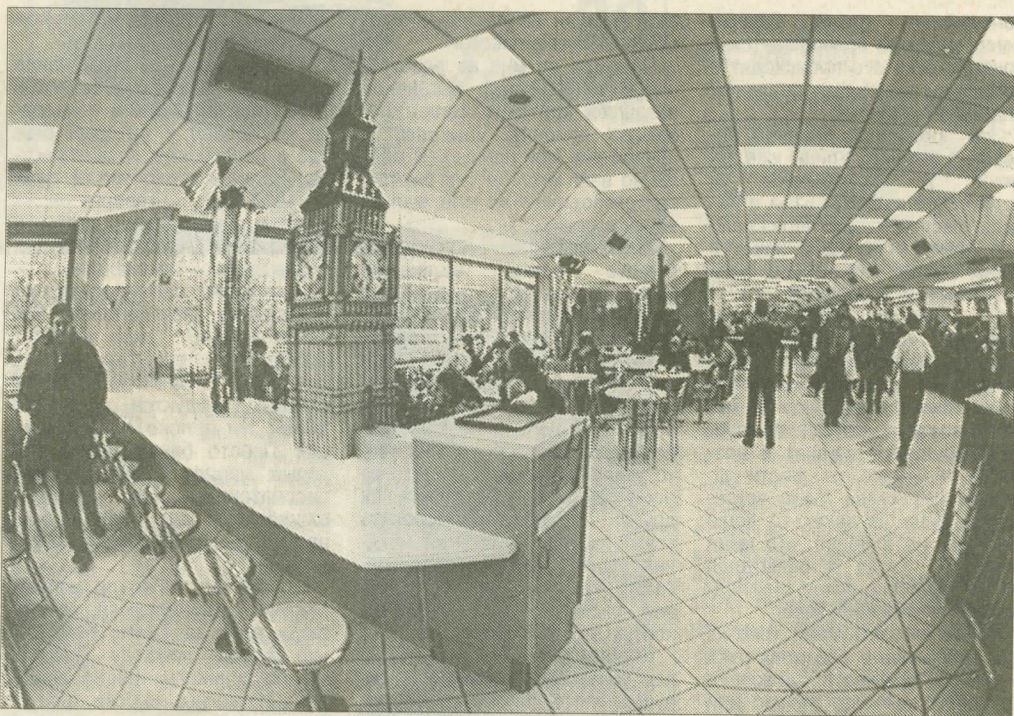


**Ирония.
Милая ирония**

Я сидел в «Макдональдсе» в центре Москвы (теперь одним из трех!), почти в двух шагах от Кремля и от Мавзолея Ленина, вгрызаясь в биг-мак с особым соусом и готовясь к приему пирожка с яблоками. Все казалось вполне естественным и обычным. Я чувствовал себя абсолютно как дома.

Вокруг меня сновали русские, американцы, японцы, азербайджанцы, люди практически всех возможных национальностей, в поисках свободного места. Я мог бы сейчас находиться в центре Манхэттена или Токио, а также недалеке от «железного занавеса», в столице «империи зла», где я, собственно, и был.

Образцы творчества английского рок-музыканта Стинга, звучащие в динамиках, были завершающим мазком к



И БОЛЬШЕВИКАХ

картине. Наконец, я услышал его хит 1983 г., «Русские»...

*Как мне спасти моего
малыша
От смертельной игрушки
Оппенгеймера?
Монополии на здоровый
смысл не существует
Ни по одну сторону политическо-
го забора.
У нас одна и та же природа,
Вне зависимости от идеологии.
Верь мне, когда я тебе говорю,
Я надеюсь, русские тоже
любят своих детей.*

Что скажете?

Песня, музыку и стихи которой я всегда считал весьма драматичной и напряженной, теперь казалась чем-то вроде шутки. Я оглядел ресторан, где русские, для того чтобы их дети могли съесть биг-мак на обед, тратили суммы, считающиеся довольно-таки крупными в этой стране, и мысль о том, что когда-то все мы могли так думать, казалась чем-то

нереальным.

И так было не поколение, не жизнь назад. Лишь десять лет тому.

Лишь десять лет назад безумие Взаимно Гарантированного Разрушения было в порядке вещей. Ты взрываешь меня, а я взрываю тебя, и тебе придется еще хуже. Это оправдывало громадные военные расходы, которые не только ввергли в нищету русский народ, но и сильно повредили экономике Соединенных Штатов.

Десять лет назад дети в американских и, скорее всего, в русских начальных школах, такие, как я, больше всего на свете боялись умереть в ядерной войне, которая, и это самое ужасное, разразится, как считало большинство детей, когда им будет по двадцать лет.

Сегодня, десять лет спустя, в двадцатидвухлетнем возрасте, я рад, что мы ошибались.

Правда, мы не перешли от холодной войны прямо к миру и спокойствию, как многие ожидали, надеялись и молились. По всему земному шару, в особенности в странах бывшего

советского блока, мечта о мире во всем мире, казалось бы, никогда не была так далека от воплощения.

Однако через десять лет нам следует четко помнить, откуда мы пришли.

В мире, привыкшем к войне, прогресс не наступит быстро, однако его можно достигнуть постепенно, если мы будем двигаться в верном направлении. Такие решения, как недавнее обязательство президента Клинтона приложить все усилия для разрешения конфликта в странах бывшего советского блока, представлял собой первые шаги на этом пути.

Возможно, пройдет еще много лет, прежде чем мы придем к новому мировому порядку, но не может быть сомнения в том, что, невзирая на все различия, сербы, хорваты и боснийцы тоже любят своих детей.

Цыганенок

Часто нечто, кажущееся мелким и незначительным,

обретает глубокий смысл. Поэтому незаметный поступок подчас имеет власть большую, чем самые громкие слова.

В течение последних месяцев, по мере того как мощная волна преступности захлестывала Москву, многие жертвы и потенциальные жертвы начали терять терпение. Их все меньше волнуют страдания нуждающихся и униженных, которые являются первыми кандидатами в будущие преступники. По мере того как на наших друзей нападают или грабят их, мы начинаем забывать о сочувствии и тревоге, думаем о нарушителях как о матерых преступниках, заслуживающих страдания. И я стал думать так же, но маленький мальчик, маленький «преступник», исправил мою ошибку.

Одним из источников преступности являются цыганские семьи, прибывающие в Москву из провинции и не имеющие возможности заработать себе на жизнь. Приезжая в «большой город», они не находят ничего. Буквально через несколько дней они вынуждены присоединиться к остальным и обеспечивать себе жалкое существование, воруя деньги у туристов. Однако весь ужас этой «работы» заключается в том, что их оружие — их дети. Они обучают своих малышей воровать деньги, используя одну и ту же модель, которая, когда о ней слышишь в первый раз, производит впечатление

комедийного трюка. Однако юмор ситуации превращается в кошмар, если это происходит с вами и вы выясняете реальную подоплеку событий.

Это произошло поздним вечером в пятницу. Улицы уже затихли. Я возвращался со встречи в Институте США и Канады, неся по сумке через каждое плечо и большой пакет в обеих руках, что делало меня неспособным к обороне.

Я проходил по Арбату, бывшему когда-то тем районом, где туристы делали свои покупки, и посмотрел в конец улицы. Футах в двадцати от меня стояла и разговаривала группа оборванных цыганят в возрасте примерно от шести до десяти лет. Наши глаза встретились лишь на какую-то долю секунды, но я понял, что меня заметили. Когда я попытался уйти и пересечь улицу, они подбежали и окружили меня.

Крича что есть мочи, трое из них вцепились в обе моих руки и начали стягивать одежду, в то время как еще пятеро или шестеро запустили руки в мои карманы и сумку. Я боролся, вопя и крутясь во все стороны, чтобы стряхнуть их. Я тянул и толкал, пытаясь высвободить руки, но безуспешно.

«Убирайтесь к черту! Прочь, маленькие дикари!»

Наконец, изо всех сил отбиваясь от них, я вырвался и пробил себе дорогу на свободу, совершенно обессиленный и, должен со стыдом признать, до смерти испуганный. Увидев их невдалеке, вновь сбившихся в кучу, я прислонился к ближайшей стене, чтобы перевести дыхание, прежде чем продолжать свой путь. В карманах у меня ничего не было, и казалось, что сумка была закрыта, так что я с гордостью заключил, что эти «чужовища» не смогли украсть ни копейки.

Но внезапно один из самых маленьких, карапуз лет шести или семи, отделился от группы и побежал ко мне. «Он что, с ума сошел? — подумал я, в равной мере и испуганный, и разгневанный. — Он хочет еще?»

Он мне заплатит за все, пообещал я себе. «Прочь, пацан! Клянусь, я убью тебя!»

Но он подбежал все ближе и ближе, чтобы еще раз напасть на меня! Дрожа от потрясения, усталости и страха, я положил сумки на землю и закричал ему, чтобы он не смел подходить. Наконец, когда он был уже близко, я поднял стиснутый и трясущийся кулак, чтобы ему было ясно, что кулак этот опустится на его череп и разобьет

его, если он не повернет и не оставит меня в покое.

Подойдя ко мне на расстояние вытянутой руки, цыганенок внезапно протянул свою крохотную ручонку, улыбаясь и вручая мне мой пропуск. Я медленно взял его. Так же быстро, как он подошел ко мне, малыш исчез в ночи.

Тот, кого я «ненавидел» больше всего, маленький мальчик, которого я в ужасе готов был убить, практически спас мне жизнь. Пропуск (удостоверение личности) был единственным средством прохода в мой институт, в мой офис, без него я не смог бы покупать билеты и т.д. Они как-то ухитрились вытащить его из моей сумки, и, в то время как другие собирались выбросить его и забыть, маленький мальчик понял, какие неприятности это мне причинит, и предпочел рискнуть своей безопасностью, чтобы вернуть его.

Храбрый малыш. Маленький вор и маленький ангел. В ловушке у той печальной жизни, которая довела тебя до этого. Я помню тебя. Я прощаю тебе это нападение. Я надеюсь, что ты будешь цел и невредим и как-нибудь освободишься от этой своей беспокойной судьбы. И более всего я надеюсь, что когда-нибудь смогу отплатить тебе за то, чему ты научил меня.

Спасибо.

О бананах и большевиках

Взгляните на те маленькие шаги, которые подтверждают

движение России в верном направлении.

В политике — это замечание одного из бывших советников Горбачева, с которым я недавно беседовал и который сейчас в российском правительстве. «Если бы я работал на царя до 1917 года, — говорит он, — весьма сомнительно, чтобы я нашел себе работу в октябре, после русской революции!»

И, конечно, бананы. А теперь на минутку задумайтесь о бананах. БАНАН. Такое вкусное, роскошное слово. Похожее на сам фрукт. Едва ли не один из главных продуктов чьей-либо диеты. Не яблоко и не апельсин. Просто банан. Фрукт, который, наряду с киви, можно рассматривать как слишком фривольный для сухой и бесцветной жизни России при коммисарах.

Но сейчас, гуляя по улицам Москвы, удивляешься, зачем люди едут на Таити. Кажется, что бананы повсюду. Похоже, что люди никогда ими не наедятся. Магазины, киоски, рестораны... Когда будут решены все прочие проблемы, по сути дела, следующим экологическим кризисом в России будут сплошные банановые шкурки!

Это не означает, что России не грозит ряд серьезных бедствий и кризисов, которые еще разразятся. Ловушек, которые ее по-прежнему подстерегают, достаточно для того, чтобы устроить даже самых смелых российских реформаторов и мечтателей. Однако существует надежда. После 74 лет движения «в никуда» Россия, кажется, наконец нашла свой

порт назначения.

Перед современной Россией стоит громадная задача — политическая, экономическая и психологическая. Давайте отвлекусь на минуту и подумаем о тех многочисленных проблемах, которые пришлось бы решить в Америке, попытайся она осуществить полную коллективизацию сельского хозяйства, объединение всех источников энергии и стандартизацию всей швейной промышленности.

А разве сейчас Россия не вовлечена в решение столь же монументальной задачи, только с противоположным знаком?

Мы с таким волнением подерживаем и с нетерпением ожидаем ухода большевиков из России. Может, выберем минутку и поприветствуем приход бананов?

Подготовила
Консуэло СЕГУРА

Фото О.Чумаченко,
Ю.Штукина, ИТАР—ТАСС



С МИРУ ПО НИТКЕ



«ЗДОРОВЫЕ» РЕЙСЫ

Америка курить уже почти бросила. Настойчивые попытки избавиться от этой пагубной привычки теперь предпринимает Европа. В Англии, например, ограничена возможность дымить практически во всех публичных местах, а с 1988 года любителям табака приходится воздерживаться от курения на всех внутренних рейсах воздушного транспорта.

Однако массивная атака на опасную для здоровья страсть на этом не заканчивается. Как сообщило информационное агентство ЭФЭ, недавно британские власти ввели запрет на курение на всех рейсах авиакомпании «Бритиш Эйрвэйз», продолжительность которых не превышает полутора часов. Таким образом, «здоровыми» станут рейсы из Лондона в Париж, Амстердам, Брюссель.

Введение этой меры явилось результатом многочисленных требований самих пассажиров, ведь ни для кого не секрет, что курильщик, наслаждаясь «горькой затяжкой», наносит значительный ущерб здоровью окружающих. «Бритиш Эйрвэйз» планирует также сделать «безникотиновыми» и более длительные полеты, например, в Лос-Анджелес и Сан-Франциско. Кто знает, может быть, эта мера поможет и самим курильщикам расстаться с вредной привычкой, ведь свежий, пусть даже кондиционированный, воздух гораздо приятнее горького дыма.

АРНОЛЬД, КИНО И ДИНОЗАВРЫ

Известный американский киноактер австрийского происхождения Арнольд Шварценеггер, видимо, устал крушить черепа и кости врагов, сражаться с роботами и всячески демонстрировать прочие атрибуты своей «крутизны».

Только этим можно объяснить его горячее желание сняться не в очередном супербоевике, а в более спокойном и добром фильме из жизни динозавров и динозавренков, о котором он поведал недавно американским журналистам.

Съемки фильма, название которого пока еще точно не определено, начнутся уже в этом году. В них будут участвовать лучшие специалисты Голливуда в области компьютерной графики, которая в последнее время сильно потеснила другие способы создания на киноплёнке образов самых невообразимых чудищ.

Как писал недавно американский журнал «Ньюсуик», многие из этих чудовищ создаются теперь прямо на экране мощных компьютеров, способных рассчитать все,



вплоть до выражения глаз и малейших движений тела животного. Затем графическая схема накладывается на снятый сюжет, программа «двигает» масштабы и координирует изображение, а другая программа-аниматор как бы оживляет получившуюся картинку.

Свое намерение сняться в фильме о динозаврах Шварценеггер объяснил желанием стать помимо «символа крутизны» близким и понятным детям Америки и всего мира, составляющим значительную часть его зрительской аудитории.

АЗС для НЛО

С некоторых пор жители небольшого болгарского городка Враца пребывают в состоянии удивления, граничащего со страхом. Дело в том, что начиная примерно с августа в небе над городом периодически курсируют три неопознанных летающих объекта (НЛО).

Самое интересное, что все это — не фантазия одного человека или «глюки» подвыпивших приятелей. Сотни людей независимо друг от друга утверждают, что перед ним часто наблюдают летающие над городом в одном и том же направлении световые пульсирующие тела. Любопытно, что некоторым НЛО видятся в эллипсоидной форме, а некоторым — в сферической.

Большинство врачей, пишет болгарское информационное агентство БТА, единодушны в том, что имеют дело с настоящими пришельцами из космоса.

Один из местных экстрасенсов, Цветан Атанасов, утверждает даже, что сам город, расположенный у подножия массивного горного хребта, находится под постоянным наблюдением НЛО. По его мнению, «тарелки» покровительствуют городу и его жителям, в то же время используя это место в качестве «заправочной станции» и подзаряжаясь энергией, излучаемой врачанинским горным хребтом.

РАЗБОЙНИКИ С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ

Если вы решили продлить себе удовольствие погреться под теплым летним солнышком и отправиться на родину Пиноккио и спагетти, то будьте морально готовы к возможным приключениям и переживаниям. В чудесной стране Италии в последнее время необычайно расплодился последователи лисы Алисы и кота Базилио. Все они — большие любители звона золотых монет. Впрочем, если вы не привадили с собой золотых в надежде одарить папу Карло новыми джинсами, то рано

радуетесь. Нынешнее поколение итальянских разбойников с большой дороги не брезгует ничем, весьма оперативно оставляя богатеньких Пиноккио прямо в том, в чем их «полено родило».

Все дороги ведут куда? Правильно, в Рим, именно в этот необыкновенный город съезжаются любители изысканной архитектуры и ярких впечатлений со всего мира. И именно на этих дорогах поджидают свою добычу «работники ножа и топора», удачно приспособив железнодорожные станции и вокзалы под прикрытия и убежища. Только за минувший год были совершены налеты на 132 поезда и

около 13 тысяч краж в железнодорожных вагонах. Общая сумма награбленного оказалась гораздо значительнее пяти золотых и достигла двадцати миллионов долларов. Итальянское министерство транспорта спохватилось довольно поздно: железнодорожные вокзалы и прилегающая к ним местность уже давно стали криминогенной зоной. Здесь постоянно обретается весь «джентльменский набор» уголовного мира: наркоманы, грабители, проститутки, нищие, бомжи, цыгане.

Что же делать бедняку Пиноккио, если ему ну очень надо в Рим? По утверждению министра тран-

спорта Рафаэле Косты, необходимые для безопасности пассажиров меры уже принимаются. Это на словах. А на деле эти меры свелись пока что лишь к укреплению замков на дверях в купейных вагонах и выдаче пассажирам инструкций с ценными советами о том, как избежать ограбления. Скажем прямо, не густо. Но хоть что-то. Ведь на наших железных дорогах и этого не дожدهмся. А грабят у нас не меньше, чем в Италии. Это уж точно.

СЕКС-ШОП КАК ЗЕРКАЛО ДИВИЛИЗАЦИИ



У них...

Рискну поделиться одним своим немудреным наблюдением. Мне кажется, российский человек идет в сексе по горизонтали, то есть захватывает все новые и новые «территории», имеет по несколько любовниц (любовников) сразу, безрассудно не заботится (а СПИД не спит!) о своем здоровье.

Западный человек в сексе идет по вертикали, вглубь, ввысь, то есть имеет (как правило) одного проверенного-перепроверенного партнера, развивает с ним отношения до небесных высот.

— Но ведь это бесконечно скучно! — воскликнут иные «совковые» записные кавалеры. Не скучно, господа! Ибо секс (простите за высокий стиль) — это не монотонные фрикции, а космическое общение людей посредством душ и тел, постижение друг друга, постижение себя.

Однако хватит нравоучительной поэзии. Поговорим о вещах приземленных. Но тоже крайне полезных. Поговорим о секс-шопах. По-моему, люди в разных городах мира похожи на свои секс-шопы. Например, в Женеве подобные заведения, как и местные жители, несколько флегматичны, холодноваты. Журналы все завернуты в полиэтилен, так просто не поглазеешь — сначала нужно купить. На прилавках — только обложки от порнофильмов, сами кассеты только у продавца — это чтобы воровства поменьше было, зал для гомосексуальных видеолент скромненько находится в самом углу магазина, сразу и не найдешь.

В Париже (особливо на Пляс Пигаль) порношопы весьма раскованные, изысканные, там можно купить такие приспособления для секса, которые я даже и описать не рискну.

Самые же замечательные порношопы, по-моему, в Нью-Йорке. Размещаются они довольно компактно в Манхэттене, в той его части, где Бродвей пересекается с 42-й улицей. Держат эти магазины в основном индийцы. Магазинов много. Все они — светящиеся яркими неоновыми огнями — прилегают друг к другу. Что же продают в этих магазинах? Разумеется, навалом всякой эротическо-порнографической периодики, литературы — от скромненьких (в плане полиграфии) газетенок и книжонок до толстенных журналов и каталогов.



У нас...

Журналы продаются как новые, так и подержанные. Подержанные журналы (цветные, довольно объемные) можно купить всего-то за два бакса. Новые стоят дороже. Пять, десять, пятнадцать долларов. В целлофан они не завернуты — смотри, выбирай по своему вкусу.

В любом порношопе изобилие порнофильмов. На любой лад. Для гетеросексуалов, гомосексуалистов, для толстых и тонких, молодых и старых, для тех, кто любит сцены насилия, даже для тех, кто (представьте себе!) предпочитает заниматься сексом — испражняясь.

Цены кассет колеблются от пятерки до сотни. В зависимости от того, сколько времени идет фильм, от качества пленки и т.д.

Гомосексуальные фильмы стоят гораздо дороже, чем «простые». Примерно — двадцать четыре, двадцать девять долларов и выше. Гетеросексуальные можно купить совсем за бесценок. За двенадцать долларов, например, дают три штуки. Однако нужно помнить, что в Нью-Йорке с вас сдерут налог — это восемь процентов от стоимости товара. И еще: в Европе и Америке разные видеосистемы. Поэтому надо искать кассеты на стеллажах, где написано: «Для Европы», то есть записанные в системе ПАЛ или СЕКАМ.

В любом нью-йоркском секс-шопе огромный выбор мужских и женских

искусственных (каучуковых, пластмассовых...) гениталий. Любопытно: чем меньше мужской член, тем он дороже. Огромные же можно купить относительно дешево. За четыре-пять-шесть долларов. Есть и гораздо дороже. Цена секс-кукол значительно выше. Пятнадцать — пятьдесят — сто десять...

Практически в каждом секс-шопе есть смотровые кабинки, где вы можете за двадцать пять центов посмотреть минутный фильм. Понравилось — бросайте еще двадцать пять центов, фильм продлится. Это, конечно, дорогое удовольствие. Лучше сразу покупать кассеты.

Кто ходит в такие заведения? Люди разных возрастов. Часто приходят семейные пары. Знаете, любопытно наблюдать, как они обстоятельно, с толком выбирают тот или иной фильм, советуются друг с другом, с продавцом. Неоднократно в секс-шопах я видел пожилые пары. Старички в Штатах боевые. Для них здесь тоже есть веселенькие игрушки.

Очень много в районе 42-й улицы русских. Они почему-то заходят в секс-шопы, всегда что-нибудь с собой таща. То видеомэгнитофон, то телевизор.

Словом, всем здесь хорошо.

Однако вечером прогуливаться в этом районе небезопасно. Слишком много чрезмерно нахальных сутенеров. Как правило, они чернокожие. Отбоя от них нет. Ко мне однажды один парень пристал, все мальчиков предлагал — так я еле от него отбилась.

Впрочем, в Америке в секс-шопы можно вообще не ходить, вы в состоянии все заказать по специальным каталогам. Позвоните — и вам принесут любую вещь.

В России с секс-шопами дела обстоят значительно хуже. В Москве, например, я знаю только два магазина. «Интим» (о нем уже «Столица» писала) и «Эротика», работающий в районе Курского вокзала третий месяц. Выбор товаров в наших секс-шопах невелик. Как мне объяснил директор «Эротики» эфиоп Джо (фамилию он почему-то назвать не захотел), например, порнофильмы продавать до сих пор запрещено, существует соответствующая статья в Уголовном кодексе. Это забавно. В любом киоске, где продают видеокассеты, навалом «порнухи» — просто она называется деликатно — «откровенная (крутая)

эротика».

Нет и порножурналов в магазине у Джо. Только невинные — «Playstar», «Cats». А вот выбор членов достаточно велик. Но цены кусаются. Пятнадцать — двадцать — сто долларов стоят подобные изделия. Женские искусственные половые органы и того дороже. От тридцати до ста десяти.

Товары завозятся в основном из Голландии и ФРГ. Закупаются по оптовым ценам, благодаря этому стоят некоторые «игрушки» в «Эротике» все-таки меньше, чем в Европе. Но, конечно, больше, чем в США. С этим Джо спорить не стал. Цены на вещи указаны в долларах, но продают в рублях — по курсу. Рядом с секс-шопом (точнее, в нем самом) обменный пункт.

Продают здесь, конечно, и различные возбуждающие мази, презервативы, насадки, белье... Кое-что выбрать можно.

А вот планы у Джо велики. Он бы хотел открыть при магазине и шоу-представление (с танцовщицами-негритяночками) и казино.

Получится ли что-то из этого? Мне бы хотелось. Секс — дело серьезное. Мне вообще думается, что даже наши экономические проблемы во многом проистекают из того, что у людей изрядные проблемы с сексом. Неудовлетворенный в интимном плане человек не может ни жизни радоваться, ни работать хорошо.

Евгений СТЕПАНОВ





ЛИХА БЕДА НАЧАЛО СЕЗОНА

«Мое влагилице»
Выставка А.Бренера в
галерее М.Гельмана

Посмотреть на чудо природы, объявленное в названии выставки, собралась вся тусовка, соскучившаяся за летние каникулы по эпатажу и готовая подставить под пощечину общественному вкусу и левую и правую щеку. На сей раз пощечина заключалась в 94-х образцах матерно-сексуальных посланий поэта и художника Brennera, обращенных к своей возлюбленной. Старая западная и новая русская литература давно сделали всех привычными к эксгибиционизму и порнографии, а уж матом в этой стране удивить трудно: на улице можно услышать куда более изощренные выражения, некоторые из которых достойны словарей великого и могучего. Впрочем, Brenner сделал ставку не на метафоры, метонимии и синекдохи, а на суровую конкретику. Такова идея новой искренности и непосредственности, предполагающая отождествление себя с героем, в отличие от бесконечных симулякров и раздвоенный (автор-персонаж) минувших сезонов. Лирика(?) А.Бренера, изданная к вернисажу в виде книжки, звучала на выставке в магнитофонной записи. Экспонировались также

фотосилуэт художника в полный рост на красном постаменте, старый фотоаппарат и листок текста, про который Марат Гельман объяснил желающим, что он по задумке не подлежит тиражированию. Все выпили вина, произнесли предсказанное накануне газетой «Ъ-Daily» «ага» и «ну-ну» и — отправились на следующий вернисаж. Сезон начался.

М.К.

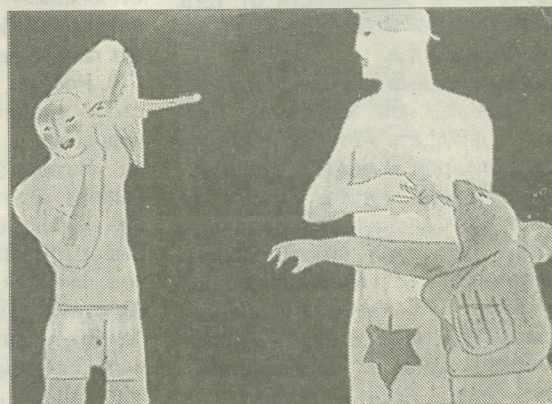
В СЫРОЙ ТЮРЬМЕ ПОЕТ ОН ПЕСНИ

«Тюремный романс»
К/ст. «Тавиви-фильм»,
реж. Е.Татарский

Леденящая душу история о большой и не совсем чистой любви средних лет дамы-следователя к подозреваемому в убийстве молодому валютчику уже много раз давала повод к фильмам в жанрах хороших и разных — от высокой трагедии до слезливой мелодрамы. Евгений Татарский остановился на тюремном романсе, о чем не преминул заявить в названии своей ленты. Кажется, после Эльдара Рязанова, получившего жестокий нагоняй за свой не менее жестокий фильм, исполнить романс никто из отечественных режиссеров не решался. Конечно, Татарский рисковал не в пример меньше Рязанова. Как-никак оперировал он не пьесой классика отечественной драматургии Александра Островского, а сценарием, который по мотивам хлесткого судебного фельетона написал классик отечественного постмодерна Сергей Соловьев. Что именно заставило последнего отвлечься от раздумий над сценическим «Дядей Ваней» и многосерийной «Анной Карениной» ради «Тюремного романса» — пусть останется его маленькой тайной. Да и отвлекся мэтр явно ненадолго. Во всяком случае, кропотливым выяснением

отношений с персонажами, объяснением их поступков и уточнением крутых сюжетных поворотов себя не слишком обременял, в чем нашел полное сочувствие у режиссера. Оно и к лучшему: тюремный романс не след исполнять с унылыми претензиями на психологизм. Его логика — безоглядная нелогичность чувств враздрыг, беспредельной страсти и любви наотмашь. Тогда все будет к месту и впору: пистолет, выданный на службе мужу-депутату-импотенту (во всех, надо понимать, смыслах), бурная ночь в номере «люкс» после следственного эксперимента, крушение невесты откуда взявшегося вертолета над печально знаменитыми питерскими «Крестами» и невинный наигрыш актеров, обитающих в стихии романа как рыбы в воде. Да и неудивительно: Александр Абдулов проявил несомненный вкус к исполнению душещипательного романа о том, как «в общем, все умерли», еще в давней захаровской «Формуле любви», а Марина Неелова составила достойную конкуренцию Семену Фараде. Так что вполне возможно, у фильма Татарского в недалеком будущем — успех среди народных масс, а в чуть более далеком — скромный валютный приз на очередном Открытом российском фестивале.

Дмитрий САВЕЛЬЕВ



ЛЕОНИД ДЕСЯТНИКОВ
ЛЮБОВЬ И ЖИЗНЬ ПОЭТА

ТАЛАНТ В ПОДАРОК

«Леонид Десятников.
Любовь и жизнь поэта»
Пластинка фирмы
«Русский диск» и МП
«Фильм-визит»

Эта пластинка примечательна по многим причинам. Прежде всего, впервые массовым тиражом выпущена запись сочинений одного из трех композиторов последнего десятилетия, о творчестве которых есть смысл писать и говорить. Однако говорить и писать о Десятникове до сих пор было весьма затруднительно, поскольку его первый авторский концерт состоялся только в этом году, а до него (помимо редких, но памятных исключений) знакомство с произведениями композитора было счастливым уделом довольно замкнутого круга. Во-вторых, несмотря на все умные и ученые слова, которые может понаписать об этой музыке специалист, она имеет все отличительные признаки музыки хорошей во всех отношениях. Говоря попросту — может впечатлить и представителей широких слоев населения, до сих пор незнакомых со словом *argpeggiato*. В-третьих, даже самые богато изданные у нас рок-альбомы, не говоря уже о записях классической музыки, не могут похвастаться таким высоким,

чисто европейским уровнем дизайнера: пластинка-то одна, а оформлена как двойной альбом, поскольку ни продюсеру, ни художественному редактору не пришло в голову ради экономии бумаги отказаться от какого-то из трех эскизов художника Н.Самонова. И последнее: эта изящная штука являет собой редкий в нашу суровую эпоху чистогана и первоначального накопления капитала пример деятельной любви и дружеского бескорыстия. Во многом это — подарок композитору от его друзей. Как справедливо написала Белла Ахмадулина, входящая в этот дружеский круг в каком-то смысле на правах музы, «радостно взять себе в подарок талант другого человека, любить его и любоваться им». К этой радости могут теперь присоединиться все, кого не пугает словосочетание «современная камерная музыка». Тем более что пугаться нечего.

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

СКУЧНА ЛИ КЛАССИКА?

**«Руслан и Людмила»
Театр имени
К.Станиславского и
В.Немировича-Данченко,
реж. А.Титель**

Это первая премьера нового главного режиссера театра Александра Тителя. Как и следовало ожидать, спектакль вызвал шумное раздражение некоторых музыкальных критиков, привыкших к тому, что «Руслан» — длинное академическое зрелище, скучное, как в ГАБТе, и монументальное, как в музее Коненкова. Они менее всего пишут о музыкальной стороне дела — в этом театре вообще редко пели Шаляпины, и все привыкли к музичурованию школьному, аккуратному и усредненному. Критиков возмущает, что на сцене царит откровенное озорство, а в зале, порой заглушая великую музыку, звучит смех. Просто-напросто авторы спектакля помнят, что

Пушкин был большой озорник. И у них Финн не седобородый инок, подобие Пимена, а действительно финский охотник, словоохотливый и на лыжах. А Наина курит. А Фарлаф вовсю фанфаронит и даже поет на бис популярную «Дорожную» того же Глинки. И часть действия перенесена в пушкинские времена. Ужасно. Ведь классика — это должно быть скучно. В ней все выучено и нет места неожиданностям. На классику можно только молиться. Наслаждаться ею, жить ею, импровизировать и резвиться — кощунство. Между тем дирижер Геннадий Проваторов и режиссер Александр Титель со своими артистами-певцами заново открывают нам «Руслана». С ними — интересно. И музыка перестает быть эманацией вечности, а становится излучением живого сиюминутного чувства, она словно рождается на наших глазах. Потому что иначе, в иных мелодиях выражать себя данные сценические персонажи просто не могут. И опера, из которой большинство помнит увертюру, марш Черномора да куплеты Фарлафа, вдруг оказывается насыщенной такими божественными мотивами, что хочется слушать снова и снова. Три с лишним часа спектакля проходят как один миг. Они сверкнули и оставили радость, какую оставляет в душе (в нашей опере редчайший случай) Настоящий Театр.

Валерий КИЧИН

ВПЕЧАТЛИТЕЛЬНЫХ ПРОСЯТ НЕ БЕСПОКОИТЬСЯ

**«Представление для»
К/ст. «Ленфильм»
реж. Ю.Кияшко.**

Тому, кто отважится посмотреть полнометражный игровой дебют очередного параллельщика, я бы посоветовал зайти в зал минуте на десятой, потому

что в первых девяти толпа персонажей в вечерних туалетах идет через пустыню. Идет, идет, идет, идет, идет, идет — одним словом, идет так, что у впечатлительного зрителя тоже появляется желание пойти, с которым он может не справиться так же, как это произошло со мной. В связи с чем убедительно прошу тех, кто последует моему совету (но не примеру), рассказать мне, чем кончилось хотя бы начало обещанного представления.

Виктор МАТИЗЕН

отданы классам — каждый из педагогов, набрав группу, занимался с ней, третья неделя была посвящена теории, докладам и семинарам. Параллельно демонстрировались фильмы, выставлялись художники, участники школы-конференции играли спектакли — и заранее приготовленные, и срепетированные за несколько дней во время школы. Дни мелькали быстро, занятия начинались в 10 часов утра, а заканчивались



Хёрт Хатфилд

ТЕАТР НЕ ДЛЯ ПУБЛИКИ

**Международная
школа-конференция
Михаила Чехова**

В течение трех недель в подмосковном Ракове работали театральные педагоги, чей метод преподавания так или иначе связан с системой Михаила Чехова, и непосредственные ученики Чехова Хёрт Хатфилд и Мала Пауэрс, которые пытались передать молодым актерам тот опыт, что они когда-то получили из рук самого мастера. Первые две недели были

часто далеко за полночь — репетиции, тренинги, вопросы и ответы. Здесь не было обычной для такого рода мероприятия «показушности» — почти не приезжало телевидение, было мало прессы. Никто не работал «на публику» — в отдаленном от Москвы Ракове ничто не разрушало полустудийной работы и постоянного общения. Не было лишних людей, не было сторонних наблюдателей — здесь жили чудесным студенческим общежитием, потому что приехали только те, кому нужны учителя, и те, кому нужны ученики.

Ольга БОГОМОЛОВА



Мой приятель, посмотрев спектакль «Я стою у ресторана...», в котором играла Наталья Гундарева, преисполнился восторгом и явился в ее гримерную за автографом, восклицая: «Вы — женщина губительной красоты!» На вопрос актрисы, где же программка или еще что-нибудь, на чем можно поставить автограф, пылкий приятель ответил: «На лбу! Поставьте мне его на лбу!» Актриса прогнала его прочь. И хотя юношу смутила его собственная дерзость, да и прошло с тех пор какое-то время, он не изменил своим идеалам. И дал мне телефон Гундаревой. Я встретила с Гундаревой спустя пару дней после того, как ей исполнилось... Впрочем, тайны я никакой не разглашаю: дата рождения актрисы указана во многих справочниках. Ей исполнилось сорок пять. Новый театральный сезон еще не начался. Однако это вовсе не означало, что с актрисой было легко договориться об интервью. Нет. Пришлось несколько раз созваниваться, прежде чем у нее появился свободный час. Появился он достаточно неожиданно, и я, схватив диктофон, кое-как успела вовремя.

Мы встретились в той самой гримерной, откуда был когда-то изгнан вышеупомянутый приятель. И тут же принялись курить, курить, в результате чего крошечная гримерная наполнилась ужасным дымом. Минут через сорок я могла лишь дышать ртом и издавать тяжкие вздохи. Но народная артистка не показывала признаков удушья и вообще держалась молодцом, благодаря чему интервью с успехом было доведено до конца.

НЕСЛАДКАЯ ЖЕНЩИНА

Интервью с Натальей Гундаревой, частично основанное на слухах, что актрисе совершенно не нравилось.

— Наталья Георгиевна, правда ли, что вы собираетесь уходить из «Маяковки»? Говорят, в театре — сложная ситуация, постоянно какие-то накладки, вам приходится писать докладные.

— Кто вам это сказал?

— Э... есть источники.

— Что касается моих докладных, то в театре заведена такая традиция: каждый член худсовета был как бы дежурным режиссером на своих спектаклях. Это называлось «держат спектакль». Вот я держала «Леди Макбет Мценского уезда» тринадцать лет. И все это время были аншлаги — отчасти, я считаю, благодаря тому, что я следила за тем, чтобы не было накладок. Осветители, монтажники декораций уже понимали меня с полуслова. То есть я подходила к пульту и говорила: «Гена». И он: «Понял, Георгиевна, понял». А мои уходы из театра... Я работаю двадцать второй сезон, и только один раз подавала заявление об уходе, года три назад. И не потому, что плохо шли спектакли, просто все стало разваливаться и растаскиваться, окна в фойе были грязными, воняло туалетом. А теперь этот вопрос не стоит по причине, которая бывает в жизни самой главной: у Гончарова умерла жена, и, пока он будет руководить театром, я отсюда не уйду. Что же это: когда он был молод, я работала, а сейчас — буду бить пожилого человека? Ему будет очень больно, ему и так тяжело.

«Простые, энергичные, напористые героини Гундаревой выхвачены как бы из жизни, сыграны актрисой ярко, сочно, задорно, полнокровно...» (Кинословарь)

— Вам не надоело играть простых, напористых и несчастных женщин? Большинство ваших героинь или замуж хотят, или замужем, но супруг изменяет — в общем, озабочены сугубо женскими, личными проблемами.

— Но в жизни ведь так много этого, что не говорить о таких проблемах нельзя. У меня мало друзей и подруг, много приятелей и приятельниц. Это разные люди, но если я прослежу судьбу каждого из них, то в их жизни столько намешано... И какую пьесу ни возьмешь — Шекспира, Чехова, Островского, я не знаю, Горького, — все любовь, любовь, любит не любит. Мне это не надоело и никогда не надоест. А вообще — кого играть?

— Ну, великосветскую интриганку. Злодейку.

— Так я же сыграла леди Гамиль-

тон и Катерину Измайлову. Они очень жестоко искупили свой «сволочизм» и в конце своих историй тоже были «несчастливыми». Знаете, вот после премьеры «Виктории?» вышла статья под названием «Леди Гамильтон Мценского уезда», где говорилось, что я сыграла этакую русскую леди Гамильтон. А какой я еще должна быть? Конечно: я на российских черноземах родилась, российская актриса. Мне вот тоже смешно, когда иностранцы играют Островского или изображают советских людей... Тем не менее «Виктория?» пользуется успехом.

— «На российских черноземах родилась». Вы разве не москвичка?

— Москвичка. Просто я все считаю российским черноземом — даже то, что под асфальтом. Москвичка. Поэтому я и согласилась с вами встретиться. Я теперь интервью только за деньги даю. А поскольку журнал называется «Столица», подумала — ладно уж.

— Многие зрители, когда хотят похвалить актера, говорят, что он «играет как в жизни». Как вы на это смотрите?

— Если бы я играла «как в жизни», давилась бы на первом году работы в театре. Я не люблю как в жизни. Я театр люблю, потому что он выше, чем жизнь. Вот где зритель сидит — там жизнь. А на сцене — театр. И не надо их путать. Поэтому я не крашусь: мне неинтересно в жизни продолжать театр. То, что мне дано для театра, я хочу отдавать театру, а то, что дано для жизни, проживать в жизни. Среди актеров бывают замечательные рассказчики, у них всегда есть множество захватывающих историй, которые можно слушать по несколько раз. Я их обожаю. Но мне не интересно с актерами, которые продолжают играть в жизни. У них все так преувеличено, они так экзальтированы! Они и говорят как-то... А я думаю: «Да успокойся ты. Вон сцена: ты туда, туда все это неси».

— Вы уже не играете в «Банкроте» и в «Леди Макбет...». Не жалко было расставаться с этими ролями?

— Когда получаешь роль в тридцать лет, то играешь ее, рассчитывая на свои молодые силы. В сорок лет играть так же физически трудно. А вообще, я не особо держусь за свои роли. У меня даже есть такая несбыточная мечта: играть в спектакле года по три-четыре — и отдавать роли другим.

— Но это какой-то чрезмерный альтруизм: вы принесете спектаклю

известность, а играть при полных залах будут другие актрисы!

— Ну, я и говорю, что это несбыточная мечта.

В дверь заглядывает сотрудница театра и спрашивает Гундареву, придет ли она, как обычно, за час до спектакля, на что Гундарева отвечает: «Да, конечно».

— Прихожу за час — даже на спектакли, которые не требуют певческих или танцевальных разминок. Сцена — очень ревнивое существо. С ней надо поздороваться. Не поздороваясь — споткнешься.

— Несмотря на ваше привычное амплуа, в жизни вы, как я читала, женщина довольно эмансипированная...

— Я бы сыграла такую. Но раньше эмансипированные женщины возникали только в сценариях на производственные темы: вот первый секретарь райкома — хороший, а у второго — другая точка зрения, они спорят, а между ними — женщина, заведомо культуры, эмансипе своего рода. Но все эти истории происходили на таком скучном фоне, а мне был настолько неинтересен именно этот фон, что я отказывалась в них играть. В кино очень многое зависит от фактуры. А поскольку сейчас мы всё стали подгонять под американские мерки, то вместо меня на роль деловой женщины, скорее всего, возьмут другую. Впрочем, мне все равно, кого играть — Махлютку или королеву английскую, — была бы роль хорошая... В фильме «Собачий пир» я сыграла пьяницу, за эту роль два года назад получила «Нику».

— А правда, что на вручение этой «Ники» вы приехали в домашнем платье — из-за того, что за вами не прислали машину...

— Нет, это неправда. Во-первых, я живу рядом с Домом кино — дорогу перейти, и машина мне была не нужна. А во-вторых, у каждого свои представления, как надо приходиться на чествования. Я пришла в бархатной юбке, бархатных сапогах и кофте с камушками. Но поскольку у меня не было пера в определенном месте, некоторым показалось, что я одета недостаточно торжественно.

— Извините, если вопрос вас задел.

— Да, вопросы у вас какие-то странные.

— Некоторые основаны на слухах.

— А это самое неблагоприятное. Мне кажется, когда журналист приходит к

актеру, он должен любить этого актера и ни в коем случае не основываться на слухах. В домашнем платье! Завтра скажут, что я пришла голая: когда попала в аварию, обо мне говорили, что я голая ехала на крыше автомобиля. Это же надо додуматься!

— **Хочу внести ясность: я очень люблю вас как актрису. А после вопроса о домашнем платье собирались спросить, не было ли это «пощечиной общественному мнению»?**

— Я никого не хочу оскорблять, шокировать и эпатировать своим видом. Ну, мне вот так захотелось одеться. Могла ли я надеть длинное платье? Могла. Могла прийти даже в золотом — чтобы были счастливы эти «новые русские», которых в зале было больше, чем актеров и их поклонников. Те, кто по-настоящему любят актеров, ходят в театр, покупая один цветок, потому что у них нет денег, и смотрят из зала такими глазами, что я готова умереть на сцене — лишь бы они унесли с собой часть той любви и благодарности, что я к ним испытываю! И слухов они не распускают. Домашнее платье! Что же я, ненормальная, что ли! Слухи — это всегда неправда. После аварии мне обкалывали лицо, потому что начиналось заражение крови. Но после того, как меня навестили несколько человек, по театру пронесся слух, будто у меня снесена часть лица и что я не смогу больше сниматься и играть. Или то, с чего мы начинали разговор: сплетни о моем уходе из театра. Одно время Гончарова просто травили этим. Я видела, что его отношение ко мне меняется. Я не боюсь его нелюбви. Я привыкла к его манере общения. Он может сказать: «Уйди! Ты не нужна сейчас». Или закричать на репетиции: «Ты что, оступела?!» И я не обижаюсь. Я ему говорила: «Да я вам первая скажу об уходе. Вы только не трепите себе нервы в этой жизни: не в театральной, а в этой».

— **Сегодня для многих актеров на первый план вышли финансовые проблемы. Вы не думали сняться в рекламе: все-таки неплохие деньги, быстро и без особого труда?**

— Мое несчастье в том, что теперь приходится сниматься в таких фильмах, где я в лучшие годы сниматься бы не стала. Я там даже опытом своим не могу воспользоваться, потому что эти роли — «фитюльки» для меня, мне там делать нечего. Но за приличные деньги приходится играть. И наверняка зрители говорят: ну зачем она здесь снялась? Но я хочу,



чтобы они поняли: шофер, например, может «калымить» на стороне, а я могу только играть в кино и в театре. Согласитесь, на 59 тысяч в месяц трудно прожить. Это получаю я, народная артистка республики. А у меня родители, 70 и 80 лет, и я им покупаю лекарства, без которых они не могут жить. Поэтому я и езжу на всякие встречи — благо еще приглашают. Виделась недавно с одним актером, он говорит: «Да, с гитаркой сейчас не подработаешь — не то что раньше». Ну я уж молчу, что и без гитарки как-то... Я не оправдываюсь, просто не хочу, чтобы зрители думали, будто я не ведаю, что творю. Реклама? Предложили однажды сняться в рекламе. Но мне так стало себя жалко... Я решила, что лучше на встречах где-то подработать.

— **В Щукинском училище вашим преподавателем был Юрий Катин-Ярцев, актер замечательный, но, к сожалению, мало снимавшийся. Чуть ли не единственная роль, по которой его помнят кинозрители, — это Джузеппе — Сизый Нос. Что он дал вам как преподаватель?**

— У него прекрасный педагогический дар. Катин-Ярцев никогда не давил, не навязывал своего мнения. И он был хорошим актером. Когда я училась, я даже не понимала, что он вкладывает в меня школу. И «вытаскивает» из меня — меня. Я часто замечала, что если начинающий актер попадает в цепкие руки, он становится похожим на своего учителя. Этого

не произошло. А ведь у нас получился замечательный курс. Говорят, что такие бывают раз в двадцать лет. Юрий Богатырев (царствие ему Небесное), Константин Райкин, Наталья Варлей... А неизвестные, которые разъехались по своим городам и «везут» теперь на себе весь репертуар! Невостребованность таланта наших учителей — Юрия Васильевича Катина-Ярцева и Дины Андреевны Андреевой, — она этих людей не ожесточила! Она их привела к поразительно мудрому решению: вот они были уже, образно говоря, «деревьями» (просто никто не хотел, чтобы эти деревья расцветали), а все свои соки они отдавали нам, своим росткам. И то, что мы сделали в своей жизни, — это они, наши учителя.

...В здании «Маяковки» пахло краской, что-то пилили, сверлили и приколачивали, а сквозь раздвинутые портьеры было видно, как в партере чистят огромную хрустальную люстру.

Через два дня гундаревским спектаклем «Виктория?» в театре открылся семьдесят первый сезон...

Елена АБЕРИНА

Нет бы лежать ему нераспечатанным в боковом ящике чужого стола, в чужом доме; но вот и стол, и дом под густыми двумя деревьями, дубом и елью, уже целый год как мои, и я знаю и жду, как шагов на крыльце, а следом скрипа половиц, что осыплются шишки — и тотчас по кровельной жести начнут стучать жельуди. Моя любовь притащила меня сюда за шкуру, усадила за стол, притиснула креслом, забывшим хозяина, и я заправил в машинку лист, вытянутый из пожелтевшей кипы бумаги, запасенной впрок да так и нерастроченной. Боковой ящик почти доверху полон уже моими рукописями, документами, фотографиями, письмами — лишь этот плотный конверт в дальнем углу, стоит только изловчиться выдвинуть ящик, под стать сундуку, изредка напоминает: что, где и когда.

Конверт не надписан, а что там: ну ведь не признание ж в любви! ладонь положу, осторожно прижму — он пружинит: похоже — квитанции, бирки, а то еще — вырезки из стародавней «Вечерки». Рецепты врачей? Облигации? А может, деньги с Ильичем в медальоне, вот так же, как стопка пивечей бумаги, значенные — не растраченные? А завтра — последний день, последний случай обменять...

Что ж тут такого: я же — не Шпекин, почтмейстер... как бишь там? «по жилам огонь, а распечатал — мороз, ей-богу, мороз...»

*Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть...*

В глаза не сказал бы, молчать — неумогу; запишу — как, видел, быть может, записывают некоторые, идя к исповеди. Прочти, в мелкие клочки порви, скомкай, пихни в карман поглубже, а после, при первом случае, брось в печку. Буди меж нами двумя.

Я теперь часто тебя вспоминаю, брат. Вспоминаю тебя в тот зимний вечер, когда по снежку прибежали в кабак на Новом Арбате, где старшие наши собратья-писатели собрали нас, поглядеть, что ж это за племя такое, младое-незнакомое, что ж это за стая молодых-незнакомых волков, воющая в чистом поле за околицей насчет публикации в толстых журналах, издания книжек, приема в Союз, тоскующая, задравши зажмуренные морды, о хоть бы какой завалящей паршивой овце, о жалком клочке провонявшей мочью овчинки. Помнишь лоснящегося вожака, остриженного под Горького, с бороною а-ля Чернышевский, в сияющих линзах — как резво, едва объявили антракт, он бросился жрать, и за ним остальные, ликующие блея, в отдельный, с коньяч-

ком за наш счет, кабинет. Нас согнали по списку, по списку собрали и деньги на общую трапезу — и усадили, как в казарме, плечом к плечу, и печальна была наша тризна. А там, за стеной, — ликовали: купили! купили! им палец о палец не пришлось ударять, мы сами рассеялись, сами у них на глазах, кто куда, разбежались. Не стенка на стенку, не юные зубы против крутых бараньих рогов — но заманить нас, вислоухих, из чистого поля, где вам поддвигала метель, в «Метелицу», занятую на вечер под знаменами комсомола, в стойло... какого Пегаса? родного Колхоза — прямоком под заряженный дробью обрез. Зачем убивать? Проучить — тут и вся недолга...

Так было потом и не раз и не два: заманивали — дескать, давайте, серые братцы, поговорим по душам — и везли на какую-нибудь подмосковную делянку, оцепленную красными флажками. Мы рады были уже тому, что мы — в м е с т е, а мы-то были — вместе с ними! Нахлеставшись водки, с затуманенными очами, порывались мы то и дело декламировать:

Наедине с тобою, брат...

а они отлавливали то одного из нас, то другого, загоняли к себе в номера, лакировали нашу проклятую кисленьким или тем же коньячком, стискивали толстыми бараньими либо козлиными боками, и гитара откуда-то появлялась, и вставлялась тебе в руки, и ты брэнчал, и вместе с ними, ломая застуженный в степи голос, блеял:

*Возьмемся за руки, друзья,
Чтоб не пропасть поодиночке!*

но еще любезнее было им другое — ты от них тогда еще, полтора десятка лет назад, это впервые услышал:

И девочек наших ведут в кабинет...

Эти старые козлы себя даже и не утруждали — в е с т и: наши девочки сами к ним бежали, и в рабочие их кабинеты, и на дачи, и в творческие командировки за ними следовали...

Что я все о них да о них? Я вспоминаю — тебя, мой брат.

Первая и единственная книжка твоя лежала в издательстве пять лет, из них девять месяцев — во всемогущем Главлите. Девять месяцев — твое дитя мглою успеть явиться на свет Божий — ты ложился спать, и зубы скрипели и тупились, а кулак под подушкой сам собой сжимался; и так изо дня в день, каждый вечер. И ты не выдержал, и раздобыл секретный дачный номер ихнего главного по стихам, и он, о чудо, поднял трубку, и выслушал твои щенячьи

Михаил ПОЗДНЯЕВ

НАЕДИНЕ С ТОБОЮ, БРАТ...

*Письмо,
открытое
по оплошности*

всхлипывания и подвывания, срывающиеся на овечьи блянье, — и програссировал: «Скажите им... я покатаюсь на лыжах, устал, знаете... вернусь — и сам решу вашу судьбу».

И ты поспешил позвонить им, в издательство то есть, а они — взвились, и затопали копытами, и вызвали к себе на ковер: «Да как вы посмели?! Это неприлично! У нас цензуры нет! Мы сами все решаем!» — а ты храбро кивал им на пример Пушкина, и Гоголя, и Достоевского, не гнушавшихся дружбой с цензорами. И особенно ты их возмутил, напомнив, что некоторые цензоры на Руси и сами недурные стихи слагали...

Книжка вышла — изодранная в клочья твоими же собственными когтями; ты сам, сам вымарал все, на что они тебе указали, да буквы; единственное, о чем ты их просил, — проставить на пустых местах ряды точек («Как у Пушкина!»)... при Пушкине, сказано было тебе, не было дефицита бумаги, а мы на вас — экономим; и заверстали все, что осталось на что тебе было нынче гадко смотреть, «колбасой», впритирку.

*Скажи им, что навыйлет в грудь
Я пулей ранен был...*

Цензуры у нас и тогда не было и сейчас тем паче, а тот барственный господин — как и прежде, на коней не снимая, махнул через пропасть в наши невероятно демократические дни запрещать особым указом патриотические издания. Тогда-то он был с патриотами в корешках...

Я вспоминаю, брат, как ты это быстро уловил; и перспектива издаваться в «Посеве» и «ИМКА-пресс» под призрачными псевдонимами потускнела в твоих прекрасных волчьих очах перед прямым резонансом встать, ну, не в строй, но где-то невдалеке от «заединщиков». И ты принялась печь том за томом легенды и мифы о Третьем Риме. Твоя борода, том от тома, становилась все окладистее, и совсем незаметно приобрела примерно то же значение, что и живот какого-нибудь Анатолия Иванова или Верченки.

Я вспоминаю, брат, как ты ездил под водительством Верченки и еще одного, тоже толстого, ведавшего нами, молодыми, в братскую колонию. Тебя и еще троих твоих собратьев опекал секретарь «комиссии по работе с молодыми». Общение с блеющими и воющими, попеременно и одновременно, отложилось на его физиономии странным выраженьем: овечьи глаза — волчьи клыки; но питался он падалью, даже от тебя не скрывая, что на деле служит в КГБ, что

квартира у него — в лучшем писательском доме Москвы, очень просторная и удобная, только звукоизоляция неважная, и по вечерам слишком слышно, как диссидентствующие соседи врубают «Свободу». Он не скрывал и таких интимных подробностей, как-то, что ему приходится завязывать шнурки на ботинках Верченки, поскольку тому это делать самолично затруднительно по причине объемов живота. Ты жалел овцеволка и по-человечески проникся к нему симпатией, и был признателен, когда тебя, упившегося, он отвел подальше от глаз Верченки, в гостиницу, уложил спать и ничего не сказал, увидев твой нательный крест. Тебе — ничего не сказал. А кому другому — какое сегодня имеет значение. Многие из наших друзей были с ним на «ты» — и тоже получали приличные квартиры, правда, в «спальных» районах, в блочных домах. Ты презирал их — не оттого ли, что сам так и не перешел с этим овцеволком на «ты»...

Брат, нам сегодня по сорок — еще не вечер; но скольких среди нас уже нет! Сладко было бы сказать: лучших — да ведь совру. Они ушли — устав, а что устоят от жизни обязательно лучшие — еще не факт.

*Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив...*

Только не отмахивайся, не припоминай Обломова и Дельвига — наша лень удивительна. Весь фокус — что мы как-то не бросили писать. Вот взять тебя: ты пишешь как одержимый. Под статью Толстому. И не беспорядочно, а следя за таинственной своей путеводной звездой. Как Достоевский. На нее то и дело набегала тучка, но ты держал нос по ветру — и не обманулся в ней. Начав с деревенских рассказиков о Савишне и Кузьминишне, сегодня, увенчанный премиальными лаврами, ты директорствуешь в черносотенном издательстве, издавая в коленкоре с золотым тиснением свою крестьянскую эпопею, не столько мужика воспевашую, сколько клеймящую Троцкого... Нет, прости, я забыл: это не ты, это твой сосед по общежитию Литинститута, лимитчик, писавший «корову» через «а», фамилия на «шкин», посмешище всех московских редакций — забуду ль на смертном одре, как померещилось мне что-то искреннее в одном куцем его рассказике про Савишну, и я, переписав текст чуть не дословно, выпустил в своем журнале — отменная проза в номер была, но шеф требовал непременно еще что-нибудь «про село»... и как потом друзья вопили: «Ты что, офонарел?

Он же клинический тип!» Так и оказалось, клинический. Неисправимый. Трактором не своротишь...

А ты — начал с милой песенки, школьного вальса с эротической слезой, шлягера трех сезонов, и вмиг забурел, и открыл свое дело, диск-гигант выпустил, подружился с генералом-композитором; когда же «попсу» потеснил на эстраде «рок», живо переоблачился из джинсового в кожу с заклепками — и не потерялся, благодаря преимущественно брачным играм на площадке молодняка...

Нет, я опять что-то путаю. Ты начал с сочиненья за Александра Сергеевича стихов, им сожженных. Вслед за этим уже легче было заняться эксгумацией трупов, кои ты поспешил объявить мощами декабристов. Стоит ли изумляться твоему триумфу в качестве писателя мемуаров мэра Северных Пальмиры?.. Нет, не то. Не ты.

Ты — не с песенки, не со стишка, а со средней руки комсомольского марша, не ложащегося, хоть убей, на музыку, начал. Потом — в институте, где с первого курса был вожаком «комсы», защитил в аспирантуре диссертацию об убитом на войне ифлийце (не Когане или Кульчицком, но тоже средней руки... впрочем — о мертвых плохо не говорят). Потом — выдал несколько сборников, исключительно о любви, и, в точности как Островой (или Ошанин?), «закрыл тему». Подвернулась новая — время напело. К тому же и года стали клонить к суровой прозе. Так ты вошел в анналы бичевателем партийно-комсомольской номенклатуры, ярчайшим представителем коей ты являлся, от души регулярно «оттягиваясь» на казенных базах отдыха с секретарями райкомов, кажется, и ЦК (комсомольского, впрочем) и с редакторами молодежных газет.

Скажи им...

*Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Привет я посылаю.*

Брат! Милый мой брат! Мы так давно не виделись — но тут на днях я попал на твой вечер в музее великого пролетарского писателя. У нас ведь был один кумир — Бродский, и ты, как многие из нас, повторил его маршрут, его траекторию в звездном небе, буквально, вплоть до женитьбы — дабы выскочить из нашей вонючей атмосферы — на инопланетянке... Я вспоминаю тебя еще по тем, в России сложным, элегиям, вспоминаю с нежностью, как вспоминают себя молодого, — и чтобы не забыть в одночасье, бежал сломя голову из музея-крематория. Мне хватило и двадцати минут твоих од, воспеваящих август

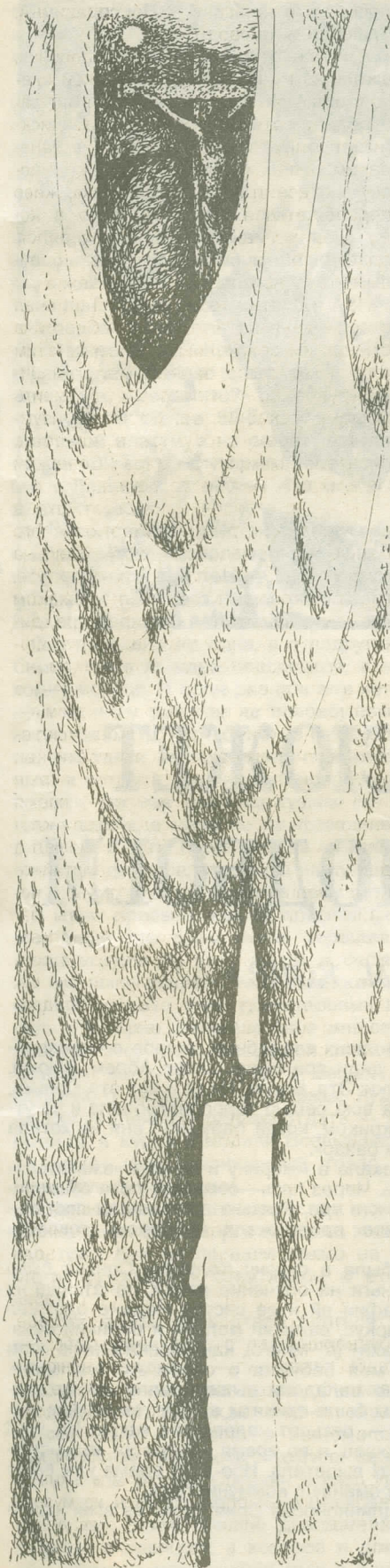


Рис. О. Разиной

91-го, ваучеризацию и коммерческие банки. Я смеялся до упаду, читая твой роман о нуворишах, тонкую имитацию Кочетова и Георгия Маркова, — но брат! брат мой! — при чем тут поэзия? А ежели это ирония — отчего же столь безнадежно скучная?

Мы всю нашу жизнь провели в поиске Высшей Истины, духовная жажда была, кажется, единственным нашим отличием от презренных «шестидесятников», но попутная изощренная игра в «амбивалентность», рисованная наша «орлянка»: орел—решка, духовность—амбивалентность, трагедия поколения—царская водка иронии — оказалась, боюсь, неодолимой центробежной силой, швырнувшей нас не просто на обочину века — в дикую волчью степь провинции духа...

Брат мой единственный, незабвенный, брат мой во Христе! Вера, глубокое, роковое стремление быть со Христом — как это нас с тобой спасало, от каких бед уберегло! Брат мой, родитель мой крестный, привезший, привезший меня на воющей по-волчьи электричке во Храм, где меня тайком, навесив замок на кованые двери, окрестили (на кармашке моей крестильной рубашки бесильно извивались олимпийские кольца — олимпиада, она была и сплыла, а крест — вот он, пожизненно...) — брат мой, радость моя, сокровище мое! Не только душа уцепилась в тот час за шнурок с бедным алюминиевым крестиком, но и правая рука, привыкшая выводить на бумаге слова, а ищущая — Слово. Сколько раз ты с нежной и умильной улыбкой, встречая меня, раскрывая мне объятья, повторял слова Господа и Спасителя: «Где двое или трое сошлись во Имя Мое — там и Я среди вас», и это приветствие было залогом — есть на земле, есть в пределах пути и за ними дорожка, свернуть с которой и захочешь — Он не даст. Я крепко запомнил те церковные, тесно сдвинутые, на замок запертые снаружи врата — а за ними, внутри, пение: то крестины, то венчанье... и потому не даю себе обольщаться на предмет симпатии к церковному начальству (все тому же, что и в пору Олимпийских игр), на предмет личного участия в нынешнем «православном ренессансе», на предмет гостевых билетов на Литургию в Кремле и близости домами с модными среди столичных ученых барынь «старцами» — и мне, горячо любимый брат, нечего было тебе возразить на твое последнее приветствие: «Мой батюшка велел тебе передать, что твоими текстами очень хорошо печку топить»... Грешен: шевельнулась подлая мыслишка — мол, слава Богу, батюшка не достиг еще той ступени святости, чтобы по-

советовать тебе топить печку м н о ю... — удержался, не произнес вслух.

Прости, что на бумагу сорвалось. И это — и все, что прежде высказал. Ты — брат мой. Сказать тебе — все равно что собственной душе вымолвить...

*Ты Расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалея;
Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит!*

Что остается нам, брат? Твое погружение в кресло начальника поэтов во вдруг обновленном СП, где прежде сидел тот, лоснящийся баран с бородою а-ля Чернышевский? Твое умножение «баксов» в российско-буржуйском с/п, где ты о стихах своих и не вспоминаешь? Мое ленивое брожение в журнале, лимоннокислое желе филиппик и пена желчи — редкая строка вдруг выгнется, нальется, заблещет радужно, как, бывало, когда в рифму писалось... тут мыльным пузырем и лопнет.

Мне грустно... потому что я тебя...

Письмо, изорванное в мелкие клочки — и брошенное в лицо. Снежная каша, наотмашь бьющая в глаза, по губам, по щекам. Гипсовая маска, расстрескавшаяся, сыплющаяся под ноги, хрустящая, как раздавленное птичье яйцо. Ветер тут же подхватывает обрывки тронутой тленом бумаги — и несет, и несет в зимнюю степь. Один только обрывок зацепился индеевым листком, уснувшей бабочкой-лимонницей за какую-то глупую былинку — и ничего ты с ним не поделаешь: держится насмерть.

Встань, брат, на колени, возьми осторожно в щепоть, поднеси к сощуренным слезящимся глазам. Что там за слово такое?

Люблю.

Вот уже тридцать пять лет живет в США Виктория Ивановна Кочурова, в качестве литератора избравшая себе псевдоним Алла Кторова. Коренная москвичка, выросшая в коммуналке на Кировской, окончившая столичный иняз, в конце 50-х она вышла замуж за американского героя-летчика второй мировой войны и тогда же уехала в Штаты. За прошедшие с той поры годы она написала пять книг, стала известной. Книги эти теперь понемногу приходят и к нам в Россию. Чуть более трех лет назад в «Художественной литературе» вышло «Лицо Жар-Птицы». В издательстве «Дружба народов», увы, третий год лежит без движения набор другой книги — «Мелкий жемчуг», где автор докапывается до корней своего рода: от извозчика Неустройко, двор которого в Рогожской слободе «польские и литовские люди побили и пожгли», до дня нынешнего, в котором живут и здравствуют потомки славных рогожских ямщиков, кто на земле московской, кто — уральской, а кто и американской...

Новая книга Аллы Кторовой «На розовом коне», главу из которой «Столица» сегодня публикует, — отчасти автобиографична и рассказывает о жизни сегодняшних Америки и России, о людях, которые живут и тут, и там.

Валеска ТУРБИНА



Алла Кторова в своем саду

Алла КТОРОВА

ГОЛЛИВУДСКИЙ СЮЖЕТ С РОДСТВЕННЫМ ПОДБОЕМ

Глава из книги «На розовом коне»

В шестилетнем возрасте меня, заболевшую, всю в язвах, привезли из детской колонии в Катарах в Москву. А дома — неожиданность: мама неделю тому назад уехала по чьей-то неостребованной путевке в дом отдыха. В кровати — больная бабушка, а от любимой соседки Брони я узнаю следующее: позавчера, под вечер, квартиру посетила загранично одетая женщина с длинным носом. Иностранка. Хорошенькая. Молоденькая. Спросила на чистом русском языке, где здесь живут Вороновы, вошла в нашу комнату и, увидев бабушку в нищенской, еще прабабушки Гени из Кременчуга, кровати, вскричала: «Тетья! Здравствуйте!» — и бросилась ее целовать.

Это была Сонька Добрыкина, двоюродная сестра мамы, дочка бабушкиного брата. А заявила она из Нью-Йорка.

«Сонька была на три года моложе меня и очень смешная в детстве, — рассказывала мать, — мы с моим папой как-то ездили в Екатеринослав навестить их семью, мне тогда одиннадцать лет было. Бедность была у них ничем не прикрытая, жили в подвале, со стен текло, им родственники все время помогали, а то бы не выжить, и даже я, сама-то из подвала, по сравнению с ними казалась вроде бы хорошо одетой; другая сестра, Надька, мои кружева на платье и ленточки в косичках все щупала. А платьи-

це это моя мама из своих свадебных штанов с кружевками перешила... У дяди три сына росли: Абрам, Илюша, Давид и четыре дочки: Этя, Белла, Надя и вот эта, Сонька, самая младшая. Она всю семью терроризировала и по утрам орала рваным криком, когда бабушка Геня не хотела брать ее с собою на базар».

В 1922-м семья уехала в Америку и начала «вживаться» в незнакомую жизнь. Через пять—семь лет дети обамериканились, работали кто где, Россию вспоминали постольку-поскольку, но все продолжали прекрасно говорить по-русски.

Когда семья прибыла в страну Колумба, Соньке было пятнадцать лет. Деньги на обучение языку, печатанию на машинке и стенографии ей и ее сестре Надьке одолжил бездетный дядя Маркус, великий молчун и великий механик, живший «у Чикахи» (в Чикаго), как рассказывала всем в нашей квартире моя бабушка о своем втором брате. Обе сестры отлично овладели вышеупомянутым мастерством и после войны были приняты в ООН, выдержав жесточайший конкурс — пятьсот человек на место. Но, увы! Счастливый сон прошел, и во время «охоты за ведьмами» Сонька наша из ООН вылетела. Ибо в то время уже было все известно о ее «романе» с коммунистами.

Дело в том, что длинноногая Соня, одна из всей нашей

семьи, стала в Америке коммунисткой. В США и России тем, кому надо, была известна под парткличкой Джо, а в семье и среди знакомых звалась Красной Соней.

Тогда, в детстве, когда моя бабушка лежала больная на убогой кровати в доме по Мясницкой улице в Москве, я и познакомилась с Красной Соней. Помню прекрасный запах духов, когда она меня целовала, и огромную плитку шоколада, привезенного мне вместе с незабываемой до гроба куклой и гарнитуром игрушечной мебели. Хотя носик тети Сонечки был действительно великоват, зато глаза излучали такую доброту и веселое, заинтересованное желание все увидеть, со всеми поговорить и во все вникнуть, что я жалась около этой прелестной женщины, несмотря на свою природную робость.

Соседка Броня по приезду мамы из дома отдыха рассказывала ей: «Когда она спросила, где твой муж, я рассказала, что Ваню арестовали и он теперь на Беломорканале. Она — «За что?» Я ей объясняю, что его судила «тройка» по статье 58-Б, агитация и пропаганда против советской власти, а на самом деле за то, как я уверена, что он кончил школу прапорщиков и какое-то время воевал у Деникина. А она — «Не может быть, чтобы только за это!»

К тому времени долгоносая Соня была в американской компартии уже несколько лет и по путевке этой организации, выданной как премия за бурную и плодотворную деятельность, приехала посмотреть на страну всеобщего равенства, братства и счастья.

Она приехала не одна, а с подругой своей и спутницей Симой, тоже бывшей россиянкой, а ныне американкой и коммунисткой. И один раз обе они ночевали в нашей комнате на полу валетом на прабабушкиной перине. Однако, несмотря на то, что ночью по Симе и Соне бегали тараканы, они так и не поверили, что моего отца взяли «ни за что», и потом в Америке утверждали, что социализм «работает», так как девочка кузины (я!) была в детской колонии даром, а мама по профсоюзной путевке за девять рублей, а это по пересчету на американские деньги всего лишь три доллара, отдыхала на ку-рор-те! — за что в Америке нужно отдать не менее семи сотен.

В войну прибыло нам от Красной Соны несколько посылок. Вещи там были очень хорошие — Сонька в Нью-Йорке ходила по всей родне и собирала одежду. Тогда мы все были уверены, что посылки нам шлются по непермерной доброте этих удивительных американцев, но теперь я в корне изменила свое мнение: не от их людской доброты это, а от прещедрой экономики, заставляющей здешних жителей тонуть в вещах и умолять первого встречного забрать, Христа ради, пуды ненужного барахла. Вот тепленький доллар отдать — это нет. Но тогда мы были не в курсе и молили Всевышнего, чтобы он почаще «посылал» нам американский товар, и желали Красной Соне долгих лет жизни.

Платица из этих посылок, при одном взгляде на которые начинал от восторга ныть низ живота, я носила до тех пор, пока они не полезли прямо на теле. Помню, плечо что-то заглодело, схватилась, а в горсти — платяные нитки.

После войны мать стала бояться контактов с Америкой. Что происходит с двоюродными сестрами, братьями, тетками и дядьями — не знала. Я, уже подросток, худая, как палка, черная, как галка, обносилась и ходила босая и голая. И вот однажды, в 48-м году, когда у нас гостила сестра Соны — Белла, я совершила мелкое уголовное преступление: воровски похитила записную книжку тетки и выписала оттуда Сонькин адрес. Настроила письмо в Нью-Йорк и через несколько месяцев нам, с разрывом во много лет, опять пришла драгоценная американская посылочка с одеждой, в которой я доходила в Москве до того времени, пока в 1956 году в Бюро обслуживания го-

стиницы «Москва» не ввалился старый закаленный Морской Волк, как назвала одна из сотрудниц моего будущего мужа Джона, в просторечьи Супчика, и не завязался у нас с ним роман.

Вас, конечно, интересует, как могло случиться, что проглядела наш роман тогдашняя Гебуха? И не только она, но и Илья Григорьевич Джирквелов, заведующий Бюро? Последний, может быть, и догадывался, но молчал, так как был на временной работе, да и сам он потом дернул на Запад. А Гебуха просто проглядела, и все. Я после этого случая перестала считать их око всевидящим и всемудрым. И совершенно перестала их бояться. И сейчас не боюсь. Тьфу на них и еще три раза — тьфу! Пусть они сами себя страшатся, опасаются и пугаются. Подумайте, ведь прямо у них под носом все происходило — они бдят на Малой Лубянке, а я жила в двух шагах от них, на Кировской, напротив закуской «Русский чай». Окна их с двенадцати вечера и до шести утра всегда светились, но кто поверит, что они там ночью — р а б о т а л и? Познакомилась я, еще в Москве, с одним из их деятелей, так он мне говорил в нетрезвом виде (а в нем он пребывал перманентно), что не секретной деятельностью они там занимаются, а в преферанс да подкидного дурака дуются.

Супчик после нашего знакомства через три дня уехал, и мы начали переписываться. По три письма в день я от него получала. И несмотря на то, что письма эти были у всех на виду, Ан-Ка-Вэ-Дю, Эм-Вэ-Дю и прочие Дю-Дю (как на французский манер произносит эти аббревиатуры одна моя здешняя знакомая, русская старушка из бывших) и не шелохнулись.

Старому закаленному Морскому Волку, отвалившему обратно в Америку с явным прицелом приехать на будущий год и опутать меня узами Гименея, я дала Нью-Йоркский адрес Красной Соны. К тому времени она была уже миссис Соня Соколова, жена Генри Соколова, ярого антикоммуниста (что и послужило причиной их развода через полтора года после женитьбы).

И вот, после пред- и послемарьяжных перипетий, связанных с выездом из Союза, приезжаем мы с Супчиком в Нью-Йорк. Соня с мужем нас встречают. Родители Генри тоже из России, но сам он появился на свет в США и по-русски знал только «клуб энд масла» — фразу, которую надо было сказать русской нянюшке, когда хотелось кушать, а также «сод энд негр» — слова, отпечатавшиеся в мозгу дитяти, когда бабушка рассказывала внукам про сад у реки Днепр. Больше ничего от России, кроме еще фамилии, в Генри Соколове нечего было и искать.

Встретили нас Соколовы превосходно и по случаю события всемирного значения закатили бал. Именно в эти дни наша с Супчиком история гремела с раскатами по всей Вселенной, нас бесперебойно показывали по телевизору, и не только в США, но и почти во всех странах мира, а в газетах помещали интервью с фотографиями, прославляя наш марьяжный героизм. Ведь после смерти Сталина я была первой советской гражданкой, которой «разрешили» выйти замуж за иностранца и «последовать за ним на место его постоянного жительства», как указывается в документе ОВИРА.

Этот счастливый конец романа, этот выход замуж и разрешение на выезд мне только недавно перестали сниться в кошмарных снах, когда я, спящая, орала во все горло, так что Супчик будил меня и испуганно лепетал: «Зашто ты скриччинг так громки, луджи будю думит я ти бию!»*

Стол у Соколовых был такой, что... ну, вы сами понимаете, из голодной страны я приехала: ведь по американским

*Почему ты так громко кричишь? Люди будут думать, что я тебя бью. О «русском» языке мужа — речь особая.

составе тридцати пяти человек, все из их организации, с требованием на плакатах, чтобы над землею всегда было ясное небо, а мы не участвуем в этом марше, не могли другого времени выбрать, чтоб навестить родственницу?

В Москве группа этих старух, ведомая своей рулевой Красной Соней, действительно-таки была в виде гостей дружественных компартий, но дальше околотрибунной территории их не пригласили. По окончании празднеств старухи отправились в Штаты, а Соня задержалась — ее, вместе с родной ее сестрой Беллой, поместили в кремлевскую больницу на полное медицинское обследование, а потом увезли в один из лучших цэковских санаториев Крыма.

Итак, голливудский сюжет продолжается.

После кончины своего второго мужа Бэна Маттера, стойкого, верного члена компартии США, Красная Соня по парткличке Джо скисла. Ибо осталась одна наедине со своей сигаретой и телевизором. Физических сил уже не хватало на то, чтобы открывать гражданам США глаза на непонимание ими социальных аспектов жизни американского общества. Так что же было делать нашей Соне, кроме того, чтобы куковать одной наедине с пачкой «Мальборо»?

Я пыталась подбить ее писать воспоминания, но мое резюме после ознакомления с творческим текстом было кратким: «Топорно»...

Она умерла в восьмидесятых годах от страшной болезни Альцгеймера — старческого маразма. Не захотели мы отдавать ее в дом для больных пенсионеров, и ухаживала за нашей «боярыней Морозовой» ее сестра Белла. Соня молчала по целым дням, но для того, чтобы терроризировать сестру, слова у нее находились, и она приказывала ей питаться только вегетарианской пищей по системе йогов, а Белке хотелось мяса, и она наострилась выбежать в ближайший «Макдональдс» и сладострастно лупила там «биг-мак», картошку-фри и прочую бигмачную пищу.

А Соня все время звала меня приехать, потому, наверное, что под мое успокоительное бормотание у нее как-то чуть шире открывались глаза... На ее «коммунизм» я давно махнула рукой. Ругались мы с ней на эту тему в прошлом много раз, а теперь — хва. Но больше всего стала давить мне на сердце жалость. Как погляжу на нее, умирающую, на белое ее, как бумажный стаканчик, лицо, так тут же и вспоминаю, что иначе как «Витенька» она меня не называла, и бесподобные послылки нам с мамой слала одна из всей родни... Да это все, я думаю, «Бэнэматэры», как называла второго мужа Сони одна из наших родственниц. Он во всем виноват. Подбил ее, девушку влюбленную, упереться рогами в этот коммунизм, чтоб он пропал, а она весь ум тут и растеряла. Да мало ли и в России было таких, как она, да и сейчас есть, что молятся на краснокровавый ковыль-костыль, как сектанты?..

ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ СКАЗКИ

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

УИМБЛДОН

Как-то раз карп Серега и клещ Юра, насмотревшись спортивных телепередач, решили сыграть в теннис и для такого случая пригласили улитку Герасима в качестве мяча, а находящуюся на диете плотву Клаву в качестве теннисной ракетки.

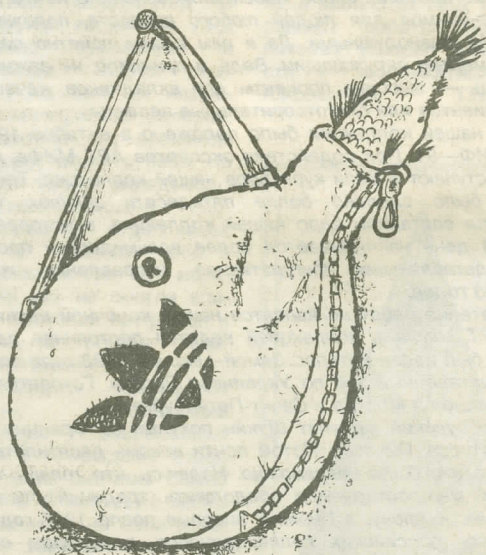
Посланный сильным ударом карпа Сереги (Клавой по кумполу) в правый угол, Герасим, однако, достиг места только на следующий день к вечеру, никакого клеща Юры там не обнаружил, уже смеркалось, и он решил возвращаться к месту подачи.

Карп же Серега и тот же клещ Юра, устав ждать, занялись другими делами, и, когда Герасим через неделю прибыл для следующей подачи (обратная дорога всегда длинней), Серега с клещом уже находились в милицейском розыске, так как, купивши пива и не найдя закуски, они попытались расчленивать плотву Клаву.

В результате Клава сошла с диеты и за считанные дни так расцвела, что улитка Герасим ее буквально не узнал.

— Тем более что я с икрой, — ответила она Герасиму.

— Но не от меня, — сказал осторожная улитка Герасим и с максимальной скоростью (60 см/час) почесал к берегу.



Предыдущие «Дикие животные сказки» читайте в №№ 22—38.

худ. А. Лукьянчиков

МИФ СТАНОВИТСЯ РЕАЛЬНОСТЬЮ

«Столица» не раз писала о проблемах молодого художественного рынка в России, сетовала, что все происходит мучительно медленно, жалела художников, растерявшихся в новой коммерческой ситуации, ругала госструктуры, переставшие обеспечивать людям искусства минимальные социальные гарантии, хвалила галереи и другие новые институции арт-бизнеса. Одна из них АРТ МИФ — организатор московских международных художественных ярмарок.

В середине октября в Манеже начнет свою работу третья ярмарка, в которой примут участие более 70 галерей, причем не только российских, но и зарубежных — их на этот раз в Москву приедет гораздо больше, чем два года назад. Ведь в России появился реальный покупатель — крупные фирмы, частные предприятия, биржи, корпорации и банки, собирающие коллекции для вложения денежных

средств, оформления интерьеров, престижа и из других самых разных соображений. Прошли те времена, когда артмифовцы с улыбкой рассказывали о new russian покупателям, протопавших четким шагом к стендам не самых лучших галерей на первой ярмарке со словами: «Хотим эти картинки». Теперь фирмы, интересующиеся искусством, изучают конъюнктуру рынка и историю живописи. АРТ МИФ, пожиная плоды кропотливой работы, имеет возможность выбирать спонсоров не только из соображений кредитоспособности и надежности, но и идеологически оправданно — оправданно любовью к искусству. В этой весьма своеобразной конкурентной борьбе среди других коммерческих структур выиграла четыре банка, уже собравшие солидные коллекции и известные серьезным интересом к проблемам художественного рынка.

Далеки ли банкиры от искусства?

Вячеслав УЛУПОВ, президент банка «Московия»:

«Узок круг этих... банкиров, «страшно далеки они от»... искусства...»

Считается, что жизнь банкира замыкается в закрытой от большинства сферы, где деньги делают деньги, и, конечно, сфера эта очень далека от тоже не совсем понятной, но, на первый взгляд, куда более открытой сферы искусства. Мы хотим, чтобы, как в былые времена, слово «Московия» означало нечто притягательное, значимое для людей любого возраста, положения, не оставляя их равнодушными. Да и нам самим приятно сознавать, что мы помогаем окружающим. Ведь, в принципе, не важно, какая это помощь — высокие проценты для вкладчиков, качество услуг для клиентов или благотворительные проекты.

Начало нашей коллекции было положено в октябре 1991 года на АРТ МИФ—91. При содействии экспертов АРТ МИФа, которые сейчас выступают в роли кураторов нашей коллекции. Там же, на ярмарке, было сделано более пятидесяти закупок, которые практически составили ядро нашей коллекции, в которой на сегодняшний день насчитывается более восьмидесяти произведений, представляющих фигуративное направление живописи 1960—1990 годов.

Приобретение работ не является нашей конечной целью. С помощью АРТ МИФа с коллекцией ведется постоянная работа. В 1992 году был издан каталог. Зимой—весной 1993 года состоялся первый выставочный тур по Украине и России. Готовится проведение выставок в Москве и Санкт-Петербурге.

Когда-то русский меценат Щукин покупал во Франции работы Гогена, Матисса, Пикассо. Потом почти восемь десятилетий в нашей стране это было невозможно. Надеюсь, что теперь, по мере своих сил, мы постараемся продолжить традиции российского меценатства. К слову, в Париже, впервые после 1917 года, выпущен каталог российских коллекционеров, в котором описание коллекции банка «Московия» завершает сюжеты, посвященные важнейшим отечественным собраниям XX века. В сентябре 1993 года мы закупили в США несколько работ Энди Уорхола, известного у нас только по каталогам и многочисленным перепечаткам в книгах и журналах. Надеемся, что его «живые» работы в России вызовут интерес и у художников и у любителей живописи. Литографии Уорхола будут представлены на АРТ МИФе—93.



Энди Уорхол
Сибирский
тигр

Почти на каждой интересной московской выставке с недавних пор можно увидеть Вячеслава Улупова. Банкиры, конечно, народ занятый, но, попадая, положим, в ЦДХ, он после вернисажа не торопится по делам, подобно свадебным генералам, приглашаемым по поводу «для галочки», а обходит «вокзал искусств», чтобы быть в курсе всей художественной жизни.

Вообще, современные бан-

киры не похожи на мистеров-тивистеров из детских сказок про капитализм. Вот и Улупов скорее напоминает молодого университетского профессора (каким он и являлся до недавнего времени). Идеи он ловит в воздухе. Как-то зашел разговор о бедственном положении Московской консерватории, катастрофически теряющей былой престиж, и тут же родилась мысль о целой программе, которую могла бы органи-

вывать и финансировать «Московия». Теперь у банка есть свои циклы вечеров в Консерватории — «Парад дирижеров» и «Жемчужные голоса Большого». Прошел авторский концерт выдающегося композитора современности Альфреда Шнитке (почти столь же невиданное дело для России, как и Энди Уорхол). Кстати, во время этого концерта фойе Большого зала Консерватории послужило выставочным залом для нескольких работ из коллекции банка.

Казалось бы, программ минимум выполнена — ядро коллекции создано, работы уже зажили жизнью концептуального собрания. Запланированы и новые закупки. Но «Московия» не хочет останавливаться на достигнутом. Ее новые меценатские планы пока коммерческая тайна, могу только сказать, что они по-настоящему серьезны и интересны.



В.Брайнина
Тишина

Галерея — хорошее вложение денег

Михаил ЛАРИН, председатель правления ЛЛД-банка:

Наш банк еще молод, но, пройдя через трудности создания и начального периода работ, мы поняли, что сфера деятельности банка не должна ограничиваться только финансами.

В наше трудное время банковская деятельность — это один из основных инструментов в становлении и укреплении не только новой экономики страны, но и новой культуры взаимоотношений, культуры работы и отношения к ценностям искусства.

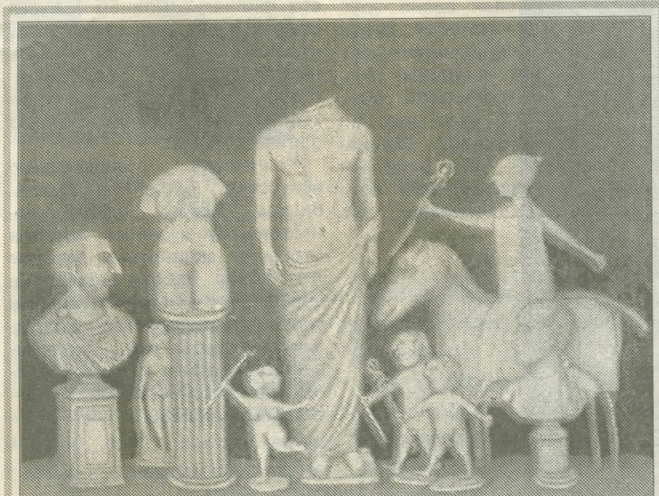
Наш банк собирает коллекцию современной живописи и скульптуры, с удовольствием принимает участие в различных программах по поддержанию искусства. Кроме того, мы считаем, что общение через искусство помогает глубже познать партнера.

Структура объединения ЛЛД весьма многообразна. Сюда входят банк, чековый инвестиционный фонд, торговый центр, страховая компания, строительный комплекс, авторемонтные предприятия. И среди других холдингов ЛЛД равноправно существует и коммерческая галерея «Арт Медиа». Пока банк не надеется на сверхприбыли галереи, хотя, возможно, со временем она и будет окупать себя, но пока в нее только вкладывают деньги. Главная задача — помочь хорошим художникам, которые не изменили себе в угоду конъюнктуре и моде. Многие из них не смоглиписаться в жестокий арт-рынок и оказались за бортом художественной жизни.

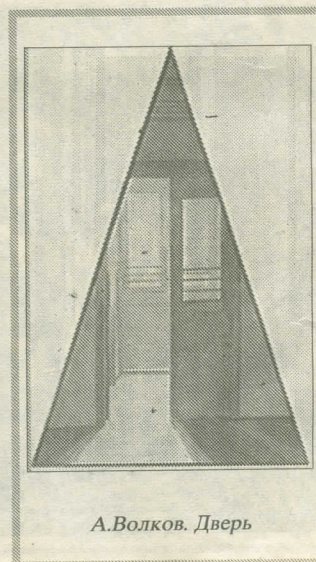
«Арт Медиа» интересуют живописцы, исповедующие фигуративную современную традицию и прошедшие отбор десятилетиями системы Союза художников. В ней было много отвратительного, но если отрешиться от идеологических соображений, то придется признать, что она воспитала больше крепких профессионалов, чем бездарных приспособленцев.

Кроме обычной галерейной деятельности — экспертиза,

консалтинг, посреднические услуги, «Арт Медиа» уже провела и шумную выставку-акцию А. Карпова в ЦДХ, экспозицию двух Андреев Волковых — скульптора и живописца. Стены в кабинетах ЛЛД теперь украшают работы художников, которых условно можно отнести к неопримитивистам — А.Крациной, Т.Никоновой,



А.Крацина. Натюрморт «Антик»



А.Волков. Дверь

А.Кулинич, А.Карпова. Со временем появится и собственное выставочно-офисное пространство, ведь безопасность банковского помещения, обеспечиваемая ребятами в десантной форме, отнюдь не способствует притоку клиентов. А планы у руководителя галереи Ирины Мелешкевич обширные, среди них и инте-

ресные зарубежные гастроли.

«Арт Медиа» — издатель одноименной книги, посвященной художественному рынку Москвы в 92-м году. Сборник включает в себя короткие аналитические обзоры арт-бизнеса, ценовую конъюнктуру на произведения современных отечественных художников за рубежом и в Москве, цены на

антиквариат, хронику выставочной и музейной жизни, список галерей и художников их круга. Издание будет выходить два раза в год, и если к первому выпуску было много претензий в неточностях и опечатках, то новое, которое будет представлено на АРТ МИФе, исправлено и дополнено. Оно особенно ценно своим

специфическим подходом к проблемам художественной жизни, ибо анализирует их не с точки зрения искусствоведа, а бизнеса, позволяя потенциальным покупателям произведений искусства ориентироваться в сложном мире галерей, салонов, аукционов и магазинов.

Время не властно над истинными ценностями

Владимир ВИНОГРАДОВ, председатель правления Инкомбанка:

Наш лозунг известен всем: «Время стирает города и цивилизации, но оно не властно над истинными ценностями». Можно вспомнить и латинский афоризм: «Vita brevis, ars longa». Для нас это не пустые фразы. Коллекционирование не блажь, не только вопрос престижа или выгодного вложения денег. Программа утверждена на правлении и обсуждается каждые два-три месяца вместе с основными проблемами банка. Главное в этой деятельности — поддержка российских художников и пропаганда современного русского искусства. Мы начали собрание с московской концептуальной школы — художников, известных за рубежом куда больше, чем дома. А ведь именно они разрабатывают язык современного искусства, поднимают острые проблемы общества и культуры. Теперь мы расширили сферу интересов — пытаемся вернуть на Родину хотя бы небольшую часть утраченного национального наследия, а также хотим ввести в обиход художественной жизни произведения, которые многие годы хранились в частных коллекциях, и их никогда не видела широкая публика. Мы уже купили несколько работ старых мастеров и ведем переговоры о новых приобретениях.

Старинные полотна вскоре украсят интерьер Щербаковских палат, где располагается один из представительских офисов банка. Картина, хранящаяся в запасниках,

убеждены банкиры, умирает, а их коллекции предназначена долгая жизнь. Работы авангардистов размещены в зданиях современной постройки из стекла и бетона, в операци-

онном зале — автолитографии из серии «Натюрморт конца XX...», выполненной по заказу галереи «Московская палитра» ведущими современными живописцами и графиками, в ка-

бинетах членов правления — Штейнберг, Затуловская, Захаров, Целков. Картины помогают работать, создают хорошую атмосферу. В планах Инкомбанка выставочный тур коллекции по городам Сибири и Поволжья, где расположены его филиалы. Причем все выставки будут разными, потому что наряду с московской коллекцией на них будут представлены и работы местных художников, которым помогают филиалы банка.

Коллекцию современного искусства, купленную Инкомбанком, можно назвать по-настоящему музейной, полотна отобраны экспертным советом АРТ МИФа. Работа ведется на серьезном и цивилизованном уровне: специальный сотрудник занимается тем, что описывает биографию каждой картины, ее библиографию и выставочную судьбу.



А.Ройтер
Без названия



В.Маковский
Сватовство
боярина

Видеть мир в цвете

Александр СМОЛЕНСКИЙ, президент банка «Столичный»:

Над моим рабочим столом висит полотно Олега Целкова. Экспрессия этой картины помогает мне всегда видеть мир в цвете. Я по-настоящему рад, что могу окружать себя и своих сотрудников подлинными произведениями искусства и собирать коллекцию, которая будет долго служить людям.

Свою коллекцию банк «Столичный» собирает два с половиной года. Но ее качеству и объему может позавидовать не просто богатый коллекционер, но и уважающий себя музей. Собрание можно разделить на несколько блоков. Впервые, естественно, коллекционные и интерьерные работы современных художников: Кантор, Табенкин, А.Бирштейн, Кошляков, А.Волков — узок круг, поэтому нет даже смысла называть имена, ибо они украшают все серьезные собрания русского искусства последних двух десятилетий. Поражают количество и системный подход. Максима Кантора, например, хватило на полноценную экспозицию в Кальмаре, к которой был издан роскошный каталог. А выставку бумажной архитектуры («Столи-

ца» о ней писала) банк просто купил целиком. Некоторые работы приобретались специально для конкретных интерьеров. Например, Шутов с его мехом, блестками и стразами замечательно вписался в авангардное серо-розовое пространство филиала банка на Пушкинской площади. Марина Лошак, куратор и душа коллекции, выбрала для галереи картины Григорьева, для кредитного отдела — Бурлюка. Наверное, приятно работать в этих отделах, впрочем, отдача велика. Трудно представить, но даже охранник, которого попросили помочь донести полотно до хранилища, посмотрел на одну из гравюр и восторженно воскликнул: «Это Калло?» — и не ошибся. (Справка для тех, кто не служит в «Столичном» и не изучал историю искусств: Жак Калло — французский график XVII века.)

Западноевропейская графика — одно из важных направлений коллекции. Очевидно, вскоре «Столичный» станет обладателем одного из лучших в стране гравюрных кабинетов. Положено начало и собранию русского рисунка, готовятся к выходу альбомы-каталоги из коллекции банка.

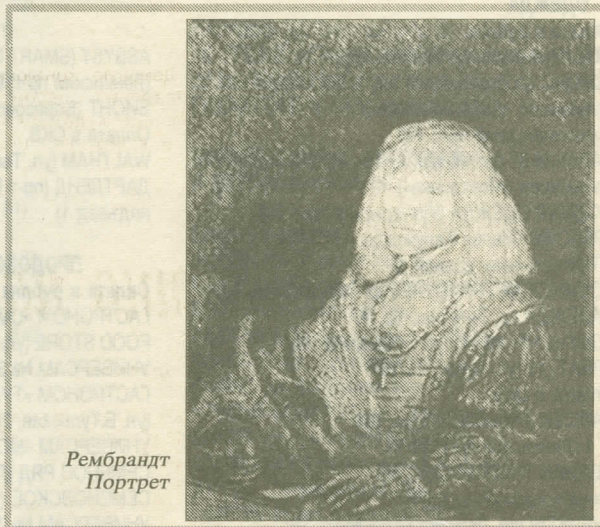
Но на этом не исчерпываются интересы «Столичного». Не буду снова напоминать о покупке триптиха В.Верещагина «На Шипке все спокойно», который пополнил собрание русской классической живописи, но ведь есть еще секция немецкого искусства от старых мастеров до экспрессионистов. Есть большой блок эскизов русского театрального

костюма с Бакстом, Бенуа, Экстер, Тышлером. Это, кстати, особая любовь Марины, а банковскую коллекцию она собирает как свою собственную. Поэтому я бы сказала, что если в остальных банках побудительным мотивом является меценатство, стремление создать красивые интерьеры и, естественно, вложение денег, то «Столичный», сохраняя те же благородные и материальные порывы, к тому же страстный, пылкий, почти маниакальный коллекционер.

Банк не собирается ограничиваться изданием каталогов, альбомов и разного рода другой полиграфической продукции или отдельными выставками из своего собрания. В его планах — бесплатный публичный музей. А зная темпы «Столичного», можно быть уверенным, что такой музей в Москве появится довольно скоро.

Что же касается будущей экспозиции банка на ART МИФе, то не могу удержаться от того, чтобы раскрыть секрет. В Манеже будут пред-

ставлена уникальная античная коллекция с чернолаковыми и краснофигурными вазами, ювелирными украшениями и античным стеклом потрясающей сохранности. Экспозицию дополнит серия уникальных греческих фотографий середины прошлого века, запечатлевших античные руины.



Рембрандт
Портрет



Офорт Ф.Гойи
из серии «Капричос»



Рисунок
Ю.Анненкова

Итак, на художественном рынке появились серьезные и состоятельные (что немаловажно) покупатели, осмысленно собирающие коллекции, способствующие развитию современного искусства и помогающие культуре выжить в трудный для всех экономический период. Кто станет новым Третьяковым? — задавалась я вопросом год назад. Сегодня появилась уже не призрачная, а обоснованная надежда, что рядом с именем Щукина, Морозова и Третьякова в истории

русского меценатства будут записаны «Московия», Инкомбанк, «Столичный», ЛЛД и, надеюсь, многие другие фирмы и корпорации, которым небезразлична судьба нашей культуры. Первая ярмарка ART МИФ проводилась когда-то под девизом «Идеальный проект художественного рынка», кажется, теперь можно сказать, что миф становится реальностью.

Марина ГЕОРГИЕВА

СЕРВИСА, ПРИНИМАЮЩИЕ КАРТОЧКИ STB CARD

ПРЕДПРИЯТИЯ ТОРГОВЛИ
И СЕРВИСА,
ОБСЛУЖИВАЮЩИЕ ЗА РУБЛИ

ОДЕЖДА

Оплата в рублях

МОДА (ул. Красная Пресня, 23б)
АДИДАС (Добрынинская пл., 1, 1-й этаж универмага «Добрынинский»); (Комсомольский пр-т, 44)
КАЛАН И К^О (ул. Новый Арбат, 15, 2-й этаж универмага «Москвичка»)
МОДНАЯ ОДЕЖДА (Кутузовский пр-т, 26)
ГРЕКОФФ (Малая Калужская, 1)
ОТОН (ул. Авангардная, 5)
КОСИНСКИЙ ТРИКОТАЖ (ш. Энтузиастов, 70)
НАДЕЖДА (ш. Энтузиастов, 20)
КОМПАНИЯ ИКАМ (ул. Б.Полянка, 55)
АРБАТ, 13 (ул. Арбат, 13/26)
Оплата в СКВ
БАЛШЕК (Русаковская ул., 22)
М 1 (Ленинский пр-т, 34/1)
GERMAN TRADING CENTRE (Ленинградский пр-т, 54)
РУБИКОН (ул. Летчика Бабушкина, 26, кинозал «ОРИОН»); (ул. Шереметьевская, 2, кинотеатр «ГАВАНА»); (ул. Новый Арбат, 25, 2-й этаж магазина «ПОДАРКИ»)
БЕРЕЗКА № 5 (ул. Ферсмана, 5/1); (пр-т 60-летия Октября, 12); (пр-т 60-летия Октября, 10); (Ленинский пр-т, 60)
VIENNA (ул. Тверская, 9)
VENETON (ул. Охотный ряд, 2)
ПАОЛО САНТИНИ (ул. Якиманка, 22)
МОНТАНА (Б.Черкасский пер., 15); (ул. Новый Арбат, 21)
ДАНАТА ИНТЕРНЕЙШНЛ (Южинский пер., 10)
НОРД АМЕРИКА (ул. Вучетича, 19) (ул. Ивана Франко, 14)
ПОЛЮС ИНЖЕНЕРИНГ (Кутузовский пр-т, 30/32)
Д КЛАССИК (Ленинский пр-т, 3/5); (ул. Новослободская, 10/12)

ЭЛЕКТРОННАЯ ТЕХНИКА

Оплата в рублях

ИНТЕР (Рязанский пр-т, 97)
ОТОН (Еропкинский пер., 4); (Ленинский пр-т, 156)
МОСКВОРЕЧЬЕ (Пятницкая ул., 36)
ИНФОРМАТИЗАЦИЯ РОССИИ (Б.Татарский пер., 3)
ПОЛАРИС (Сиреневый б-р, 1—5)
ТОТУС (ул. Тухачевского, 20)
АПИКО (2-й Стрелецкий пер., 10); (ул. Марксистская, 9)
НЕКТОН (ВВЦ, ВДНХ-бывш., павильон «Металлургия»)
ГРИФОН (Барыковский пер., 4, стр. 3)
ВАСИЛИЙ МАЛИКОВ и К^О (ул. Красикова, 9)
РАДУГА (ул. Автозаводская, 3)
КОМПЛЕКСНЫЕ СИСТЕМЫ (Пушкинская ул., 11)
СКОРПИОН (пр-т Вернадского, 11)
ДИСКОНТ (ВВЦ, ВДНХ-бывш., павильон № 19)
ЛАВКА НА ПОЛЯНКЕ (ул. Б.Полянка, 37, стр. 1)
A1. TIS-RANK XEROX (ул. Мясницкая, 17)
BARROS (SMART CORPORATION) (ул. Коштоянца, 1)

ASSYST (SMART CORPORATION)

(Ленинский пр-т, 61)
БИОНТ (Борисовский пр., 5)
Оплата в СКВ
WALTHAM (ул. Тверская, 9)
ДАРТЛЕНД (пр-т Маршала Гречко, 15, корп. 2, подъезд 1)

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ТОВАРЫ

Оплата в рублях

ГАСТРОНОМ «СМОЛЕНСКИЙ» (ул. Арбат, 54/2)
FOOD STORE (ул. 1-я Тверская-Ямская, 4)
УНИВЕРСАМ № 3 (ул. Фестивальная, 8)
ГАСТРОНОМ «ТУЛЬСКО-ДАНИЛОВСКИЙ» (ул. Б.Тувльская, 2)
УНИВЕРСАМ «МОЖАЙСКИЙ» (Можайское ш., 39)
СЕМЕНОВ РЯД (Ленинский пр-т, 83)
СЕМЕНОВСКОЕ (ул. Щербаковская, 7—11)
УНИВЕРСАМ № 70 (ул. Часовая, 13)
ЭЛЬБА (ул. Нагорная, 34—1)
АГРИНАС-ТОРГ (ул. Нагорная, 33)
НАЛА (ул. Тимирязевская, 16)
НЕКТАР (ул. Мытная, 23—1)
ЛАВАНДА (ул. Мытная, 46)
НОВОСПАСКИЙ (2-й Можайский пер., 1)
САВАНКА (Ленинский пр-т 61/1)
РАДУГА (Пятницкая ул., 32)
ПОЛОКОЛЬЧИК (ул. Дм. Ульянова, 12)
КАЛКО (Севавтопольский пр-т, 28—1)
ОНИМЭКС (Нахимовский пр-т, 30)
НАТАЛЬЯ (Болотниковская ул., 35/2)
СТАВРОПОЛЬЕ (ул. Красикова, 20)
КООПЕРАТОР КУБНИИ (ул. Обручева, 16)
НОВЫЕ ЧЕРЕМУШКИ (ул. Гарибальди, 25)
ФЛОРЕ (Пятницкая ул., 35)
ЛОТОС (Чертановская ул., 63/2)
ГЛОБУС (Чертановская ул., 47/2)
ВКиКо (Чертановская ул., 45а)
ОРИОН (Кировоградский пр., 3)
МАГАЗИН 74 (Чертановская ул., 58, корп. 1)
ЛПС (ул. Красного маяка, 15а)
КРИСТАЛЛ (ул. Гарибальди, 27/4)
ТПФ МВЭС (ул. Красного маяка, 18/9)
ПРИКАРПАТЬЕ (Балаклавский пр-т, 2)
КАХОВКА (Болотниковская ул., 21)
КИТ (пр-т Маршала Жукова, 60)
ФАТ МАРКЕТ (Севавтопольский пр-т, 61)
ВОРОНЦОВО (ул. Академика Пилюгина, 10)
РУСБИ ЛТД (ул. Обручева, 55а)
НА БЕРЕГУ ПРУДА (Борисовский пр., 3, корп. 1)
АНГАРА 39 (Олимпийская деревня, 4)
АЛЕКСАНДР + АНДРЕЙ (Ленинский пр-т, 36)
СПОТ (ул. Гарибальди, 24)
ЭДЕЛЬВЕЙС (ул. Обручева, 11)
ОСНОВА (ул. Генерала Белова, 57)
АСТРА (Домодедовская ул., 15)
КОМИЛА (ул. Довженко, 4)
ХРИЗАСТОМ (ул. Пырьева, 5а)
НАГАТИНО (Судостроительная ул., 37)
ГЕРМЕС (Судостроительная ул., 59)

Оплата в СКВ

МЕГА ИНТЕР (Б.Дорогомилловская ул., 8)

РОСИНКА (ул. Серафимовича, 2/20)

GARDEN RING (ул. Б.Садовая, 1)
ТВЕРСКОЙ M&S (ул. Тверская, 6)
JULIUS MEINL (Варшавское ш., 46); (Ленинский пр-т, 146)
SHOP № 1 (Оружейный пер., 5—9); (ул. Садовая-Триумфальная, 12/14)
ДРИНКСТОРЕ (ул. 1905 года, 10а)
БАЛАТОН (Мичуринский пр-т, 8)
СУПРАМ (пл. Киевского вокзала, 2)
БЕРЕЗКА (гостиница «РОССИЯ», ул. Варварка, 6); (гостиница «УКРАИНА», Кутузовский пр-т, 2/1); (Астраханский пер., 5); (Пятницкая ул., 39); (Аэропорт «Шереметьево-1»); (ул. Алабяна, 12); (ул. Каланчевская, 21/40, гост. «Ленинградская»)
ARCO (ул. Кузнецкий мост, 12)
CHRISTIAN DIOR (ул. Тверская, 2)
TESTONI (ул. Тверская, 2)

БУВЬ

Оплата в рублях

СТИЛЬ (ул. Профсоюзная, 22/10)
ВИЗИТ (Пятницкая ул., 27, стр. 3)
ЗАРЯ (ул. Гвардейская, 16)
АДИДА (ул. Плещеева, 12)
ПЕОРТОВО (ул. Красноказарменная, 23)
МОДНАЯ БУВЬ (Ленинградское ш., 80)
ФИЛМ — КУНЦЕВО (Рублевское ш., 40—1)
НА БЕГОВОЙ (ул. Беговая, 11)
БУВЬ НА СРЕТЕНКЕ (ул. Сретенка, 26)
РОДНИК (ул. Красного маяка, 15/4)
ДРУЖБА (Новодевичий пр., 2)

АПТЕКИ

Оплата в рублях

ФРАНС САНТЭ (Земляной вал, 42/20)
АПТЕКА «РОССИЙСКАЯ» (ул. Новый Арбат, 31 (37/12)
СТАРЫЙ АРБАТ (ул. Старый Арбат, 25)
Оплата в СКВ
ЭДЖАДЖИБАШИ (ул. Маросейка, 3)
СТАРЫЙ АРБАТ (ул. Старый Арбат, 25)
МЕДИКАЛ МЕН (ул. Черняховского, 4)
ИНТЕРОПТИКА (ул. Красикова, 18а)
SANA (ул. Нижняя Первомайская, 65)

ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Оплата в рублях

АЛМАЗ (Столешников пер., 14)
МАЛАХИТОВАЯ ШКАТУЛКА (ул. Новый Арбат, 6)
ЯНТАРЬ (Грузинский вал, 14)
ТИК-ТАК (ул. Никольская, 10)
РУБИН (Ленинградский пр-т, 48—1)
ТОПАЗ (Профсоюзная ул., 41/11)
САПФИР (пр-т Мира, 120)
ЯХОНТ (ул. Пришвина, 17)
АГАТ (Б.Сухаревская пл., 16/18)
САЛОН ЧАСОВ (ул. Петровка, 8)
БИРЮЗА (ул. Садово-Спасская, 21)
АМЕТИСТ (Ташкентская ул., 18—1)
БЕРЕЗКА № 47 (ул. Тверская, 12)
САМОЦВЕТЫ (ул. Арбат, 35)

МАГАЗИНЫ И ПРЕДПРИЯТИЯ СЕРВИСА, ПРИНИМАЮЩИЕ КАРТОЧКИ STB CARD

КОММЕРЧЕСКИЕ МАГАЗИНЫ

Оплата в рублях

ЭЛЕКОМ (Симферопольский б-р, 17а)
ИНТЕРСТИЛЬ (ул. Никольская, 6)
ДВЕ ДЕВЯТКИ (пр-д Сапунова, 5)
НАЦИОНАЛЬ (Смоленская пл., 7)
НА НИКОЛЬСКОЙ (ул. Никольская, 4)
ТЮЛЬПАН (ул. Б.Тульская, 2)
КНИЖНАЯ ЛАВКА ЖУРНАЛИСТА (пр-т Мира, 57)
СЕВЕРНЫЙ ЛУЧ (Огородный пр., 17)
ИМПУЛЬС (ул. Александра Невского, 1)
САКО (ул. Мытная, 53)

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ МАГАЗИНЫ И СУПЕРМАРКЕТЫ

Оплата в рублях

ГУМ (Красная площадь, 3)
ВЕШНЯКИ (ул. Вешняковская, 18)
УДАРНИК (ул. Серафимовича, 2/20)
ГАНГА (ул. Уссурийская, 7)
КАБУЛ (ул. Садово-Кудринская, 7)
МИНСК (Славянский б-р, 13/1)
555 (Фрунзенская наб., 38/1)
РУВАС (Фрунзенская наб., 36/2)
ФОРА (Пятницкая ул., 16, стр. 1)
ФРЭДА (Балаклавский пр-т, 3)
ГНОМ (ул. Юных ленинцев, 10/15)
УНИВЕРМАГ «ТРОПАРЕВО»
(пр-т Вернадского, 105)
УНИВЕРМАГ «СОТЫЙ» (Воронцовская ул., 49/28)
БУДАПЕШТ (Зеленодольская ул., 40)
МОСКВИЧКА (ул. Новый Арбат, 15)
ВЕСНА (ул. Трофимова, 13)
БОГАТЫРЬ-2 (Варшавское ш., 50)
ИЗМАЙЛОВО (ш. Энтузиастов, 80)
ИМИ (ул. Стормынка, 13)
ЛОТ (Смоленская наб., 5/13)
ТОВАРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ — секция «БАРБИ»
(г.Тула, пр-т Ленина, 76)
ПРИВАТ (Сумской пр-д, 5-1)
ТНП (Зеленодольская ул., 9)
СОФИЯ (Ленинский пр-т, 34)
АЛЕНВАЛЕН (ул. Новокузнецкая, 20)
ГАЛАНТ (Нижняя Масловка, 14)
ВЕНЕЦ (ул. 9-я Парковая, 68)
ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ (ул. Шаболовка, 59, стр. 1)
АЛАН (ул. Красикова, 9)
МОЛОДЕЖНЫЙ (ул. Профсоюзная, 16)
МОИР (ул. 5-я Парковая, 46а)
КЛАДЕЗЬ (ул. Дмитрия Ульянова, 24/1)
ПЛУТОС (ул. Красная Пресня, 8)
ЧЕРТА (Чертановская ул., 9)
ТЮЛЬ (пр-т Вернадского, 59)
НАНА (Судостроительная ул., 1)
ЛУГАВА (Чертановская ул., 50, корп. 2)
ДЮНА (Балаклавский пр-т, 2)
ТД ЕЛЕНА и Ко (Коломенская ул., 17)
У ТАМАРЫ (ул. Б.Академическая, 65)
ОРЕХОВО (ул. Генерала Белова, 43, корп. 2)
ЗОЛОТОЙ ОРЕХ (Шипиловский пр-д, 65, корп. 1)
НЕЛЛИ (ул. Генерала Белова, 3)

НАГАТИНЕЦ (Коломенская ул., 1)
НОРД-ОСТ (ул. Отрадная, 16)
ВОЛНА (Судостроительная ул., 26/1)

Оплата в СКВ

ГУМ (Красная площадь, 3)
ГАЛАНТ (Варшавское ш., 2)
ТД МОСКВА (Кутузовский пр-т, 31)
КАЛИТА (пр-т Мира, 99)
NBM-сервис (Чистопрудный б-р, 2/2)
НОМЕ (ИНТЕРНЕТШЛ ИНК.)
(пр-т Вернадского, 105)
БЕРЕЗКА (Краснохолмская наб., 5/9)
(Астраханский пер., 5)
(Пятницкая ул., 39)
(Аэропорт «Шереметьево-1»)
(ул. Алабяна, 12)
(Лужнецкий пр-д, 25)
(ул. Каланчевская, 21/40,
гост. «Ленинградская»)
(ул. Тверская, 3, гост. «Интурист»)
М ЛИДЕР (Ленинградский пр-т, 39)
ИРИС (г. Тула, Красноармейский пр-т, 48-2)
UNION (Берников пер., 2/6)
(Комсомольский пр-т, 64/42)
(ул. Земляной вал, 72)
(ул. Красная Пресня, 12)
БОНИТА (Кутузовский пр-т, 18)
(Ленинский пр-т, 95)
АРБИСТАЙЛ (Карманицкий пер., 9)

МЕБЕЛЬ

Оплата в рублях

ВЕЛТА (9-я ул. Соколиной горы, 21)
ИНТЕРЬЕР (ул. Копяникова, 3)
АНАИР (ул. Кировоградская, 42)
МОДЕРН (Нагатинская ул., 15)
ТАТЬЯНА (Тарутинская ул., 3)

Оплата в СКВ

ИНТЕРМЕБЕЛЬ (ул. Литвина-Седого, 9/26)

РЕСТОРАНЫ, БАРЫ, ДИСКОТЕКИ

Оплата в рублях

РИГА (Волгоградский пр-т, 54)
ТУРГЕНЕВСКИЙ (Тургеневская пл., 1)
АЗОВ (ул. Азовская, 18)
КАЛАНЧЕВКА (ул. Каланчевская, 4/2)

Оплата в СКВ

ТРЕН-МОС ресторан (Комсомольский пр-т, 21)
бистро, бар (ул. Остоженка, 1/9)
АРЛЕКИНО (ул. Дружинниковская, 15)
WELCOME (пр-т Мира, 19)
НАТАША (гост. «Измайлово», корп. Д, 1-й этаж)
ДИСКОТЕКЛУБ «КОРУС» (гост. «Измайлово»,
корп. Д, 1-й этаж)
МАНИЛА (ул. Вавилова, 81)
АЛЕКСАНДРОВСКИЙ (ул. 1-я Тверская-Ямская, 17)
БАР «У ПЕТРА» (Земляной вал, 72)
ГЛАЗУРЬ (Смоленский б-р, 12)
ПАНДА (Тверской б-р, 3/5)

ПАРАДИЗ (ул. Охотный ряд, 2)
ЛЕ СТЕЛЛЕ ДЕЛЬ ПЕСКАТОРЕ (ул. Пушечная, 7/5)
ДЕЛЬ ПЕСКАТОРЕ (пр-т Мира, 58)
ПЕСКАТОРЕ 90 МИР (пр-т Мира, 36)

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ, СПОРТИВНЫЕ И ДРУГИЕ МАГАЗИНЫ

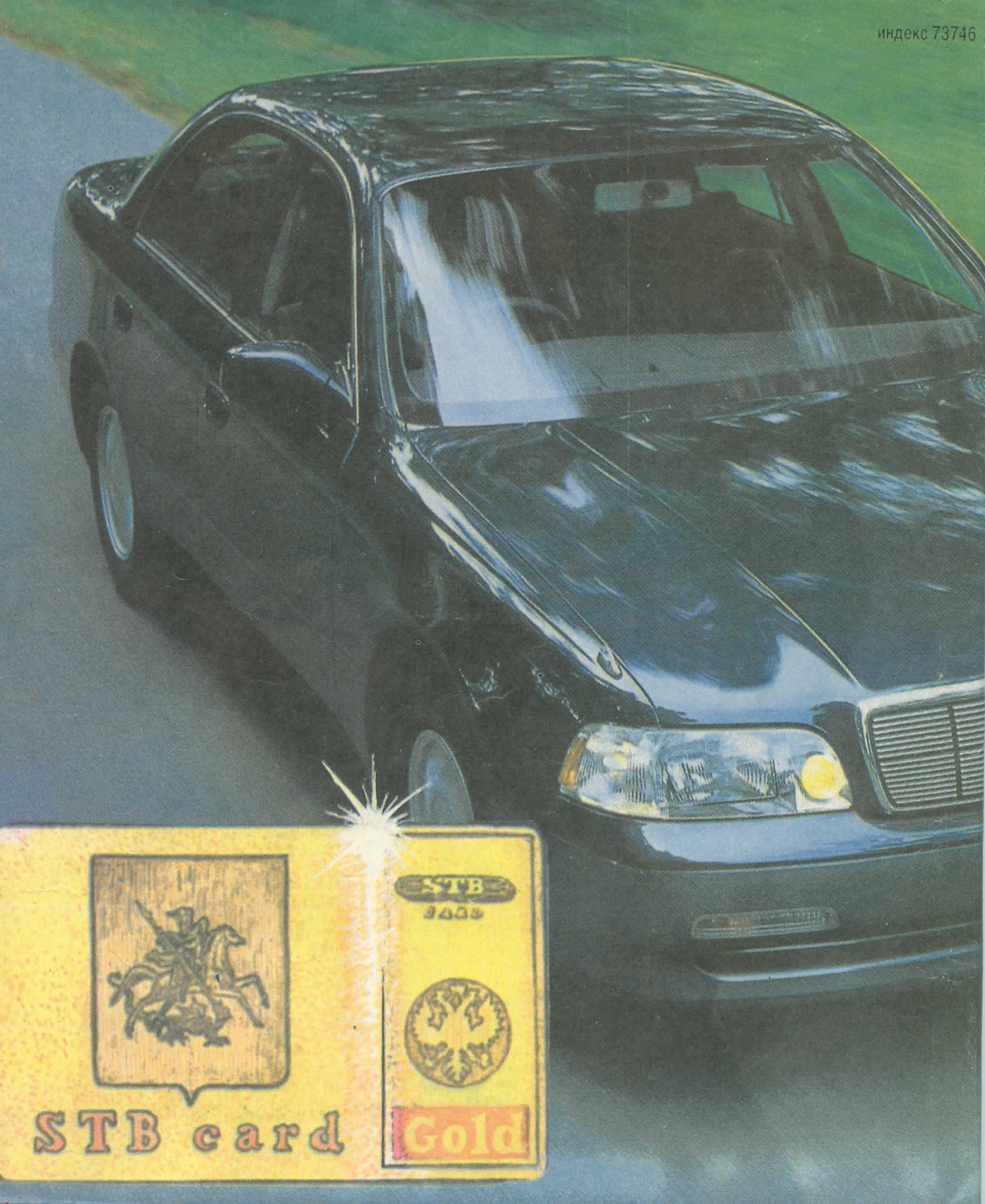
Оплата в рублях

ФОНДИ (ул. Живописная, 6)
САНТЕХНИКА (ул. Первомайская, 23)
СВЕТ (Волгоградский пр-т, 112)
СВЕТ № 9 (Ташкентская ул., 12/20)
КОНТАКТ (ул. Щербаковская, 32/7)
ОНИКС (ул. Щербаковская, 32/7)
КРЫЛЬЯ СОВЕТОВ (ул. Пришвина, 23)
СПОРТ (ул. 1-я Тверская-Ямская, 11)
САНТЕХНИКА (Кутузовский пр-т, 4/2)
ЛУЧ (ул. Сеславинская, 16)
СВЕТ № 55 (ул. Смольная, 7)
КИРОВЕЦ (ул. Фонвизина, 5)
ФЕНИКС (Чонгарский б-р, 10-1)
ДОМ ОБОЕВ (ул. Красикова, 13)
АЛЛЮР (ул. Беговая, 17)
ОРИОН (ул. Новый Арбат, 24)
ОХОТНИК (Профсоюзная ул., 39)
СДЕЛАЙ САМ (Ленинский пр-т, 73/8)
ЮРАНС (ул. Чернышевского, 38)
СВЕТ № 49 (ул. Красного маяка, 3)
ВЕМОНТ (Кутузовский пр-т, 24)
СУПЕРМАРКЕТ В МОСКВЕ ЛТД
(Кировоградский пр-д, 3, стр. 1)
АССОЛЬ (б-р Генерала Карбышева, 13)
ИНДИГО (Ореховый б-р, 9)
ГЛОРΙΑ (Ореховый б-р, 45)
ТЕОНА (ул. Отрадная, 7)

ПРЕДПРИЯТИЯ СФЕРЫ ОБСЛУЖИВАНИЯ

Оплата в рублях

СОЛМУС-СЕРВИС
(ул. Смоленская, 6, комн. 204) — установка
противоугонных систем на автомобили
РОСДЕНТ МЕДИЦИНСКАЯ КОМПАНИЯ
(ул. 2-я Владимирская, 31а; поликлиника 69) —
лечение, протезирование зубов
РИНАТА (ул. Чернышевского, 40) — агентство
по туризму и информации
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ САЛОН
(Украинский б-р, 6)
СИЛИКОН (Рублевское ш., 18-1) — стоматология
(ул. Молодогвардейская, 43/17)
РБТ (Кутузовский пр-т, 24) —
ремонт холодильников
ГЛАВНОЕ АГЕНТСТВО ВОЗДУШНЫХ
СООБЩЕНИЙ
(Ленинский пр-т, 37-9) — продажа авиабилетов
САЛОН-МАГАЗИН МОСКОВСКОГО ФОНДА
КУЛЬТУРЫ
(Пятницкая ул., 16)
ФИЛИН (ул. Арбат, 9) — фотосервис
АНТЕЙ (ул. Лесная, 39, комн. 304) —
фотосервис, туризм



STB CARD — оплата любых, в том числе валютных, товаров с рублёвых счетов.
STB CARD — абсолютная надёжность и безопасность, полная тайна вклада.
STB CARD — Ваша респектабельность.

113095, Москва, ул. Пятницкая, 72. Тел.: 236-85-50, 236-80-57, 236-81-80. Факс: 236-83-20